

ISSN 2227-4413

ВЕЛИКОРОССЪ

Литературно-исторический журнал

№1(39) 2021

Главный редактор –
И.Ю. ГОЛУБНИЧИЙ

Шеф-редактор –
С.Г. ЗАМЛЕЛОВА

Зав. редакцией –
Г.В. МАМОНТОВА
galina-mamontova@mail.ru

Ответственный секретарь –
В.И. РУСАКОВ
pechat-vr@yandex.ru

Художник-верстальщик –
Р.А. ВОДЕНИНА

Редактор-корректор –
Н.Б. АЛЕКСЕЕВ

Редакция:
ООО «Издательский дом
ВЕЛИКОРОССЪ»
141730, Московская область,
г. Лобня, ул. Крупской,
д. 16, кв. 111

Рукописи и отзывы
принимаются по e-mail:
pechat-vr@yandex.ru

Электронная версия:
www.velykoross.ru

В номере:

Слово главного редактора3

ЮБИЛЕЙ

Владимир КРУПИН

«В чистом поле родное село»4

ПОЭЗИЯ

Юрий РЫЧЕНКОВ

«Время постигнуть истину ...»8

Надежда ОХРИМЕНКО

«...И будет снова день за днём
бежать вприпрыжку...»45

Пётр ГУЛДЕДАВА

«Я не в обиде на огни и воды...»59

Светлана ГОРОШИЛОВА

Во имя доброты81

Василий ЛОВЧИКОВ

«Две службы разные...»99

Юрий ЯХОНТОВ

«В сирень открытое окно...»129

Инесса ИЛЬИНА (ФЁДОРОВА)

«Тишина и воля, и искристый снег...»140

Сергей ЮДИН

«Снился синий-пресиний мне лес...»145

Инна МУХИНА

Благословенья светлая печать159

Сергей ГАЗИН

«Моя Святая Русь...»169

Элла КУЗНЕЦОВА

«Россия знает чудеса...»173

Вячеслав СУВОРОВ

Космодрома стартующий стих189

ИНТЕРВЬЮ

Александр ПРОХАНОВ

«Задача писателя – запечатлеть
эту жизнь...»17

Некоммерческое издание
Литературно-исторический
журнал **ВЕЛИКОРОССЬ**
№1(39) 2021

Выходит четыре раза в год
Распространяется бесплатно

16+

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
06.07.10.

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ФС77-40753.

Учредитель и издатель:
С.Г. Макеева

141301, Московская область,
г. Сергиев Посад, а/я 16.

Подписано в печать 15.04.21.
Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 1000 экз.
Заказ Н-2526

Отпечатано
в цифровой типографии
«Буки Веди» на оборудовании
KonicaMinolta
ООО «Ваш полиграфический
партнер», 127238, г. Москва,
Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6.
Тел.: (495) 926-63-96,
www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com

Вадим ЧЕКУНОВ
«Она забудется, вся эта
сегодняшняя премиальщина...»62

ПРОЗА

Екатерина ГЛУШИК
Хождение к Тихому океану.....30

Сергей ЗАМОЗ
Рассказы.....85

Галина РОМАНОВА
Рассказы про детей и взрослых.....132

Юлия АЛЕКСАНДРОВА
Неожиданная помощь.....142

Андрей РАСТВОРЦЕВ
Приезжайте ко мне почаще.....164

КНИГА

Михаил ДАВИДОВ
О гибели Александра Алехина.....48

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Николай КАРТАШОВ
«Он за свою веру пошёл бы на плаху»
Штрихи к портрету Константина
Аксакова73

Василий ПОЛЯКОВ
Жизнь и достижения
Ирен Жолио-Кюри.....103

Сергей СКОРЫЙ
Кофейник из «Вервольфа».....122

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ
Эмиль. Драматическая поэма.....108

Ирина ЛЕСНАЯ-ИВАНОВА
Сны о графе Н.П. Шереметеве
и Прасковье Ивановне Ковалёвой-
Жемчуговой. Драма.....177

ПУБЛИЦИСТИКА

Ахмед ХУСИХАНОВ
На орлиной высоте: рыцарь науки.....154

Слово главного редактора

Уважаемый читатель, дорогой соотечественник!

Происходящее сегодня в России отражает то, что происходит в мире в целом, но наша ситуация имеет свои особенности. Современные технологии манипуляции обществом сделали возможным держать его в состоянии одурения в непрерывном режиме, в критические моменты грамотно переключая внимание на очередной «информационный повод» и, таким образом,водя народные массы кругами по пустыне бытия до полного интеллектуального и психологического изнеможения. Традиционные общечеловеческие понятия (нравственные, этические, политические и др.) давно уже превращены в ярлыки, значение которых сегодня меняется манипуляторами как угодно, в соответствии с их сиюминутными интересами. Общественному сознанию у нас сегодня усиленно навязывается противостественная концепция «примирения», предназначенная для того, чтобы окончательно закрепить реванш белогвардейщины, «власовщины», мёртвой архаики и либерального вырожденчества одновременно; легитимизировать культ предательства под видом всё того же «примирения»; уничтожить в народе историческую память, засорив её тенденциозными утилитарными измышлениями. Какие бы благие цели ни декларировались под прикрытием официальной патриотической риторики, но ежегодно закамуфлированный в День Победы Мавзолей исчерпывающе и однозначно избличает силы, которые сегодня определяют морально-нравственную и политическую повестку страны, а также обозначает идеалы и ценности, против которых эти силы ведут затяжную войну.

Революция 1917 года дала России и братским республикам мощный и судьбоносный импульс к развитию. Большевики создали первое в мире государство социальной справедливости. Великая Победа была достигнута под красным знаменем Советской власти. Только от признания этих неоспоримых истин Россия может сделать шаг в будущее.

Иван ГОЛУБНИЧИЙ

Кандидат филологических наук

Заслуженный работник культуры Российской Федерации

Заслуженный работник культуры Чеченской Республики

Заслуженный работник культуры Республики Дагестан

Мнение редакции необязательно совпадает с мнением автора. Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты. Редакция в переписку не вступает. Рукописи не рецензируются. Принятые рукописи могут быть отредактированы. Любое воспроизведение материалов или их фрагментов на любом языке возможно только с письменного разрешения правообладателя.

© Литературно-исторический журнал «Великороссъ», 2021

© Авторы, 2021

ЮБИЛЕИ

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Анатолия Гребнева
с 80-летним юбилеем!

«В чистом поле родное село»

Слово об Анатолии Гребневе

Оказывается, написать о человеке, которого знал сорок пять лет, гораздо труднее, чем о незнакомом. Тем более о таком, который остался единственным из тех, с кем я был дружен. Я говорю об Анатолии Гребневе. За годы дружбы я не раз писал о нём, но кажется мне, что мало и плохо. Не вытягивал я до уровня моего давнишнего друга.

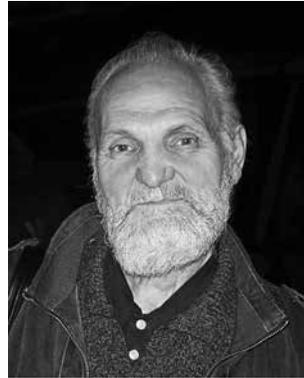
Боже мой! Сорок пять лет дружбы! И ни разу никакой недомолвки не было меж нами, ни разу никакой недоговорённости. Всегда мы находили поддержку друг от друга, делились душевными силами. Всегда меня спасало понимание, что есть на белом свете настоящий друг. Да, есть тайна в любви меж мужчиной и женщиной, но есть тайна и в мужской дружбе. В чём она? Не знаю. Может быть, в поселившейся в душе и сердце мысли о том, что с таким другом-единоверцем ты никогда не будешь одинок.

Написать о поэте Гребневе надо. Мы, повинувшись судьбе, рано или поздно уйдём, но хочу, чтобы идущие вослед узнали и поняли, какого большого таланта, какой огромной души человек был с нами долгое время. Воспел и возвеличил за это время свою родину, укрепляя читателей в осознании единственности и неповторимости России. И особенно Вятки – лучшей её части. В чём мы с Толей глубоко и навсегда уверены.

Очень его высоко ценили и Виктор Астафьев, и Валентин Распутин. А Василий Белов даже стихотворение, ему посвящённое, написал, вот начало: «От Степанова до Крылатского, то с любовью, то с тихой болью соловел я от слова вятского, по-слухмянного Анатолия».

Гребнев удивительный поэт! Ученик и блестящий выпускник школы русской поэзии, которую

Владимир КРУПИН

Владимир Николаевич Крупин – родился 7 сентября 1941 года в селе Кильмезь Кировской области. Сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Окончив сельскую школу, работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты. Служил в армии в ракетных войсках. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте, в Московской духовной академии, в других учебных заведениях. Автор более 30 книг. Сопредседатель правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

закончили Лермонтов и Кольцов, Есенин и Блок, Суриков и Никитин, Фет и Рубцов...

Преподавали в этой школе Державин и Пушкин. Гребнев старался сесть за последнюю парту, с неё легче было убежать с уроков: на рыбалку, ловить рыбу для семьи, на сенокос помогать маме, на провожание одноклассницы до соседней деревни. Но всегда возвращался в школу поэзии, сам не замечая, как поле, река, луга, рощи, встречи с людьми превращаются в строки стихотворений. Потом, во взрослые годы, оглядываясь на прожитое, он скажет: «Всё былое на слово нанижется».

Да, у друга моего ничего не пропало. Память, подаренная ему Богом вместе с талантом, удивительна. Много раз я бывал и жил в его родовом гнезде, в селе Чистополье, ходил с ним по берегам красавицы Пижмы, по заросшим травой улицам умирающих деревень, слушал его незабываемые рассказы, в которых радость и горечь, печаль и веселье, грусть и удаля были именно тем многоцветием русской жизни, которую он – её певец – щедро дарил мне. Особенно, когда мы поднимались на колокольню разрушенной церкви. «А церковь и у нас в селе сломали, / но колокольня старая стоит. / И вновь, как в детство дальнее поманит, / и святостью забытой осенит». Толя, обводя рукою распаханное вширь и вдаль пространство родины, читал: «С неё мы даль оглядывали жадно / и, не держась за узенький карниз, / как ангелы, легко и безоглядно / за горизонт неведомый рвались. / И снова где-то ангелы запели, на верхотуру звонкую маня. / Замшелые и шаткие ступени / ещё и ныне выдержат меня». Они и нас выдерживали, эти ступени. А сейчас в Чистополье радениями жителей, районных властей, сотрудниц Герценки, самого Анатолия возникла часовня, в которой бывают службы.

Сам раб Божий Анатолий принял Крещение летом 1980-го года. Известно, что креститься надо в новом. Не успели купить. Жена моя Надя ночью сшила одеяние для таинства Крещения. Крестины были в Волоколамске у знакомого моего протоиерея Николая. В церкви мы были втроём. После Крещения батюшка пригласил нас к столу. Он уже знал фамилию раба Божия Анатолия. За столом спросил: «Вы, конечно, специально ждали, чтобы именно сегодня креститься?» – «Почему?» – «Как почему? Сегодня же день Гребневской иконы! – Открыл церковный календарь. – Смотрите». Да именно так: поэт Гребнев крестился в день Гребневской иконы Божией Матери. Ничего случайного не бывает! И ещё тогда за столом он прочёл только что сочинённое: «Да, станут ангелы коситься, / когда я встану на весы: / из маркизета иль из ситца / его крестильные трусы?» Насмешил батюшку.

А назавтра Надя повезла меня и счастливого Толю на машине к храму иконы Гребневской Божией Матери. По Щёлковскому шоссе, через Медвежьи озёра по дороге на Фрязино. Не удержусь, чтоб вновь не восхититься способностью Толи говорить экспромтами. «Вот, Толя, – по дороге поддел я его, – у Нади новая машина. Хонда. Все предыдущие ты зарифмовал, а как справишься с хондой?» Поразительно, но Толя в одно касание, произнёс: «– Куда идёшь? В Иерихон? – Да! – Зачем пешком? Ведь есть же хонда!»

И ещё – уж одно к одному – экспромт на моё пятидесятилетие, которое вспоминается каждый год уже четверть века: «Мой друг, напрасны отговорки: / не врут листки календаря: / ты заработал две пятёрки / уже в начале сентября. / Мы испытали всё на свете, / нам на судьбу нельзя пенять. / Но как бы нам пятёрки эти на пару троек обменять!» Блестяще! Как это было давно, и как это было недавно...

Да, кажется, только что. Только что он жил у меня на даче в Переделкине, рядом с дачей поэта Евтушенко. Утром иду его проведать. «Думал: заснуть бы хорошенько, усталость превозмочь – собака Евтушенко лаяла всю ночь». В другой раз мы оказались в моём Никольском домике, в который уползаю зализывать раны и который очень любит Толя. *«Привет, мой друг! Тоской влеком, / я за тобой след в след ступаю. / В твоём Никольском-Трубецком / я, как убитый, засыпаю».*

Многое хотелось бы поведать граду и миру о моём друге. Например, о его смелости, о его никем не превышенных знаниях русской и мировой поэзии, о его безкорыстии. О его неподражаемом юморе и способности к искромётным экспромтам.

А его смелость? Живём семьями в Доме творчества в Пицунде, каждое утро до завтрака обязательно заплываем. А тут сильный шторм, волны накатывают далеко на берег. Но мы же вятские! А вятское упрямство хрестоматийно. Идём. Женам обещаем, что всего лишь только умоемся, постоим в целебных морских брызгах на берегу. Коридорная Лейла, абхазка, в ужасе, видит, что мы с пляжными полотенцами, кричит: «Купаться – нет! У вас ума есть?» Толя отвечает ей в тон моментально: «Пятьдесят лет дошёл – назад ума пошёл!» На выходе из корпуса дежурный вскакивает, изумлённо восклицает: «Вах! Слушай! Зачем, куда? Вах-вах!» – «Кацо, да, наше дело швах, поскольку мы идём без свах», – на ходу шутит Толя.

Приходим к берегу. Ветрище, волны – жуть! Молча раздеваемся. Толя, конечно, первый. При волнах трудно войти в море, но всё-таки возможно; труднее выйти. Вначале надо с разбегу нырнуть в основание летящей на берег волны, оказаться среди огромных водяных гор, которые вздымают тебя и сразу бросают вниз. Восторг! Но как выйти? Вот это сложно. Толя идёт первым. С первого раза у него не получается: он выброшен волной на берег, на гальку, но не успел и на ноги встать, как уходящая волна увлекла его обратно, протаскивая по камешкам. А шторм ревет! Со второго раза у Толи получилось. Весь исцарапанный, кричит: «Старайся скорее от волны убежать!» Я всё это вижу с высоты волн, которые меня возносят вверх и тут же низвергают. Так и кажется – захлестнут! Ну вот, и мне пора. Мне легче: я научен опытом друга. Несёт меня на сушу мощь волны. Изо всей силы работаю руками-ногами, чтобы подалее от моря отгрести. Получилось! Хотя и сшибло волной в конце, поставило на колени перед стихией. Тоже перецарапало. «Я за тебя испугался! – перекрикивает Толя шум прибоя. – Как увидел, на какой ты высоте и с какой скоростью несёт!» – «Но меня же несло на волне! На волне твоего имени – на г р е б н е!»

Идём в корпус. Толя смеётся: «Кричал мне вслед с опаской горец: / “Нет, нам с тобой не по пути! / Не лезь себе на горе в море, / с волною, слушай, не шути!”» Предстаём пред женами во всей красе. «Ужас! Что это с вами?» – «Спорили, – объясняет Толя. – Из-за чего? Чья жена лучше? – И чья же? – Ничья. – Как? – Ничья. Один-один. Но поцарапались».

А другой раз, уже на вечернем купании, мы далеко заплыли, разговоры разговаривали, лёжа на спине. Поплыли обратно на береговые огни. Но штука в том, что в море на рейде стояли грузовые и пассажирские суда и мы приняли их огни за береговые. Спихватились, когда разглядели мачты. Да-а. Досталось нам это возвращение. Выгребли полуживые. Но вот помню, что был совершенно спокоен – со мною Толя. А он вправду прекрасный пловец.

А его мудрость? Поссорились два поэта. Ссора переросла во вражду. Толя устроил так, чтобы они враз оказались в Союзе писателей. Там при всех спросил каждого: «Ты, мы знаем, прекрасный поэт, заработал бессмертие, но скажи: ты лучше или хуже Пушкина пишешь?» Оба, конечно, сказали, что хуже. «Ну вот, оба хуже. Тогда чего вам делить?»

А наши паломничества на Великоорецкий Крестный ход? Многие годы и годы. Нашу бригаду, душой которой был, конечно, брат во Христе Анатолий, высылали заранее в бывшее село Горохово (там у нас и царь Горох был), чтобы мы готовили встречу Крестного хода. Восстанавливали купели, варили в огромных котлах гречневую кашу на многие тысячи крестоходцев. Там, у источника, сделали мы с Толей в 1994-м году Крест, который жив донныне.

Друг мой вообще во всём меня превосходит. Лучше знает жизнь; многое, больше меня, умеет. Владеет и топором, и рубанком, и косой, и граблями, превосходный печник. А знание народного языка у него феноменальное. Организовал областной конкурс на знание и сочинение частушек. По его итогам выпустил книгу, ставшую тут же редкостью.

А ещё же и то надо сказать, что он 55 лет работает врачом-психиатром. Его знание пограничных состояний человека, его сострадание к душевнобольным помогает его проникновению в самую суть человеческой природы.

Начитанность его меня всегда восхищала. Вроде и я не последний в этом мире читатель, но соревноваться с ним бесполезно. И доселе, когда мы постоянно с ним созваниваемся, он всегда ошарашивает неожиданностью очередного чтения.

А его, самого, русского поэта Анатолия Гребнева, очень бы надо читать в каждой школе. Чтение его стихов даёт живительное ощущение чистоты русского языка, настраивает душу на принятие прекрасных образов нашей Родины, показывает, какой должна быть настоящая любовь: к Богу, к родным и близким, к ушедшим и живущим.

Стоим на верхней площадке колокольни. Хорошо видно кладбище, где много Толиной родни, где упокоилась его мама, Анна Антоновна. Рядышком с нею, в вятской земле, он завещал и себя похоронить. Он, конечно, лёг бы и рядом с отцом, но отец далеко, в могиле подо Ржевом, в могиле этой более десяти тысяч солдат. И таких могил там сотни. Это самый кровопролитный фронт Великой Отечественной. Именно на Северо-западный, в «главный огонь» пошли вятские призывники. Мы были с Толей на этой могиле. Осенью 1941-го полгодика было ему, когда отец уходил из Чистополя, и нёс его на руках до машины, увозившей призванных на войну. Рядышком бились их сердца, солдатское и поэтическое. Солдат защитил, спас поэта. Поэт воспел и его подвиг, и Россию. Без слёз невозможно читать его стихотворение «На берегу пустом». И плачем вместе с автором. Он, выросший без отца, всю жизнь живёт рядом с ним, с его образом. Видит воочию отца, вернувшегося в Чистополе: «... он был убит под Ржевом, / и на шинели след от пули разрывной. / Он с дедом говорит, дед озабочен севом. / И вот сейчас отец обниметя со мной... / И вся деревня здесь, и вся родня живая. / И вот уже поёт и плачет отчий дом. / На берегу пустом, лица не открывая, / сижу и плачу я на берегу пустом».

Один за другим открывались перед поэтом жизненные горизонты и опять отодвигались, и он шёл открывать новые. Но всегда ему светило Чистополе, «в чистом поле родное село».

Без поэзии Анатолия Гребнева невозможно представить русскую поэзию.

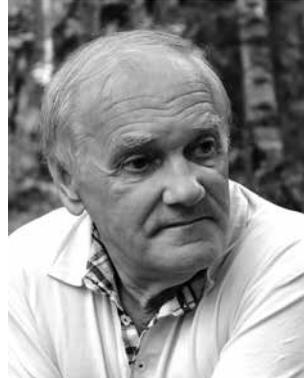

ПОЭЗИЯ

**Редакция журнала «Великороссь»
поздравляет Юрия Рыченкова
с 80-летним юбилеем!**

*Юрий Алексеевич Рыченков – поэт, переводчик, член Союза писателей России. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалью Союза писателей КНР за вклад в развитие культурного обмена между Китаем и Россией и другими литературными наградами. Дипломант литературной премии имени Н.А. Некрасова «За вклад в сохранение народной традиции в русской поэзии». Победитель Международного конкурса «Литературный Олимп» в номинации «Поэзия» Лиги Писателей Евразии, литературно-музыкального конкурса «Белый остров Москвы» (гимн «Строгино»). Автор двух поэтических книг и многих поэтических сборников, рецензий и критических статей.
Живёт в Москве.*

Юрий РЫЧЕНКОВ

«Время постигнуть истину ...»

Беседка в зарослях укрыта
Листвой от взглядов любопытных, –
Прохлады сонный уголок.
И солнце сквозь листву густую,
Пугая тишину немую,
В забытый просится мирок.
В углах повисла паутина,
Над входом свесившись, рябина
Упрямо заслоняет свет.
И на скамейке обветшалай,
Когда-то льющий светом алым
Забытый высохший букет.

Э. Г.

Ты скажи мне, моя ненаглядная,
Что глаза твои стали невеселы?
Посмотри, снова осень нарядная
По округе картины развесила.

Ничего, что с утра солнце щурится,
И не высохли слёзы кленовые,
Облака по краям ярким суриком
В этот день для тебя разрисованы.

Не вернуть того, что не исполнилось,
Ни на миг не приблизить свидания...
Я, уткнувшись в духмяные волосы,
Угадаю любое желание.

Не грусти, не печалься по осени,
Не буди понапрасну сомнения,
Моё милое чудо раскосое,
Роковое моё наваждение.

Зима, в пушистых шубах ёлки,
Безмолвье белое кругом.
Сосулек плачущие чёлки
Блестят под бронзовым лучом.

И вот весна – ручьёв журчанье,
Небес немых голубизна.
Неповторимое дыханье
Природы, вставшей ото сна.

И лета буйного цветенье,
Лукавый тёплый дождь грибной.
Птиц нескончаемое пенье,
И запах гроз, и томный зной.

И, наконец, царица-осень
В оттенках грусти золотой.
В упавшем наземь небе – просинь,
И лес, усыпанный листвой.

И этот мир неопишум...
А мы, в желании понять,
Века слагаем и рисуем
То, что не в силах передать...

Стряхнув душевную усталость,
Глаза откроешь утром ранним
И, помахав руками вяло,
Лицо умоешь из-под крана.

И кофе отхлебнув привычно,
 Ступаешь сонно в шум столичный,
 Нырнув из утреннего рая
 В нутро набитое трамвая.
 На службе крутишься, как белка,
 С улыбкой, бодро, не сутулясь,
 И ждёшь, чтоб часовая стрелка
 С пятёркою перемигнулись.
 Сдерёшь противную улыбку,
 Войдя домой в покой свой зыбкий,
 Чтобы вечернею порою
 Стать, наконец, самим собою...

«Не пытайся менять, что тебе не под силу», –
 Это Мудрость по-дружески мне говорила.

«Стой всегда на своём, – в тон ей вторила Вера, –
 Не сгибайся, терпи, и откроются двери».

А Надежда шепнула: «Держи меня крепче,
 Вместе выберем путь, потеряешь – ослепнешь».

Их послушав, Любовь ничего не сказала,
 Улыбнувшись тому, кого вновь повстречала.

Кленовый дождь багряно-рдяный
 В аллеях парка шелестит.
 День – расписной, благоуханный, –
 Тепло последнее струит.

Упругий воздух – пряный, чистый,
 В округе нега разлита.
 И в небесах незримой кистью
 Искусно смешаны цвета.

Покой разнежился вселенский
 С душевной тайной, как сонет,
 Как будто, милый деревенский,
 Вернулся миг ушедших лет.

И день, прощаясь, утомлённый,
 Зарю затеплил ввечеру.
 И я стою замороженный,
 Как гость случайный на пиру...

Не нарушаемый покой
 Округ раскинулся далёко.
 Сосна, как вечный часовой,
 Всё шепчет что-то одиноко.

Затеял первый снегопад,
 Земля раздетая застыла...
 И, кажется, сто лет назад
 Мы этим полем проходили.

Под словесную пыль неразумно шагаем куда-то.
 Снова чёрт нас попутал, опять заблудились в пути.
 Завихрилась пурга и зловещие клубы заката
 Долго тлеют в ночи и как будто желают спасти.

Век двадцатый ушёл перевёрнутой грубо страницей,
 И от грязи и лжи застывает дыханье в груди.
 Невозможно представить и, кажется, всё это снится,
 Всё осталось в прошедшем, и нет ничего впереди.

Вновь играем судьбой, но глухих поджидает расплата.
 Мы опять обманулись и стали послушной толпой.
 Невозможно представить, но близится чёрная дата,
 Когда встанет рассвет над распятой великой страной.

Летят под ярким солнцем облака,
 Распаханное поле дышит паром.
 Блестя, лениво катится река
 Под величавым раскалённым шаром.

К полудню воздух словно раскалён.
 Тень спряталась в овраги и дубравы.
 И в воздухе тягучем слышен звон,
 И в запахе медвяном тонут травы.

Жизнь торжествует, и пройдут века,
 Чем жили мы – всё будет забываться.
 Но так же будут мчаться облака
 И так же будут ливнем проливаться...

Мещерякову А.В.

На рязанском небе ни единой тучки,
Перегретый воздух сладок и упруг.
Полдень полон звоном, розовый и жгучий,
В запахе духмяном разметался луг.

Этот луг бескрайний «Знаменки» примета,
И в ночном мальчишки дружно у костра.
Где-то затерялось пламенное лето
И смогло присниться только лишь вчера.

Вековые вѣтлы дремлют на закате,
Горизонт далёкий призрачен и ал.
Здесь когда-то жил я в пятистенной хате,
На лежанке русской сладко засыпал.

Пахло тёплым хлебом в горенке уютной,
В простоте крестьянской крылась красота.
И скотину бабы выгоняли утром,
Чуть заслышав звуки звонкого хлыста...

Что порой навеет сладкий сон глубокий,
Не пугает грёзы вспыхнувший рассвет:
Бабушкины сказки старины далёкой
Возвращают в детство невозвратных лет.

Пали зыбкие сумерки... вечер нежно румянится...
Заалевшими блѣстками задрожала роса.
За полями затихшими дали тихо туманятся,
И бутонами замерли, золотясь, облака.

Воздух свежестью полнится, ароматы сгущаются.
И на мир замирающий я смотрю не дыша...
Все печали приникшие в этот миг забываются,
И притронувшись к вечности, беззаботна душа...

Рассвет осенний, вял и сед,
Упал на древнюю хибару,
И в телогрейке белый дед
Щепу стругает к самовару.

Из глаз привычная тоска
От ветра свежего слезится.
И думы треплют старика,
Но он их гонит и бодрится.

Давно он свыкся с тишиной
В лесной приземистой сторожке,
И покрывается травой
Тропа, ведущая к порожку...

А старый мается без сна,
И где сыны его – не знает...
И только бледная луна
Его ночами навещает.

Лучи зари бежали по росе
И падали доверчиво в ладони.
Катилось солнце по речной косе,
Пугая тени на белёсом склоне.
Ночь остудила летнюю жару,
И свежий воздух густ и неподвижен,
И только в это время, поутру,
В безветрии черёмух шѣпот слышен.
А по небу цветной водоворот
По синеве нетронутой лучится.
Оттенком новым светится восход,
И больше он уже не повторится.
И нужно было, замерев, смотреть,
Противясь быстротечности разлуки,
Чтоб сохранить в себе, запечатлеть
Живые краски, запахи и звуки...
Хранить счастливый миг и в час, когда
Те чувства скрытой болью шелохнутя,
Пускай на миг, но всё ж прийти сюда
К черёмухе щекою прикоснуться.

Голос

День расцветает, как цветок,
Над лугом бабочки порхают.
И я, вихраст и босоног,
В горячем сене кувыркаюсь.

Всё будто замерло вокруг,
Ручей, и тот умолк, сверкая.
И лишь гудит мохнатый жук,
Покой вселенский нарушая.

Вдруг голос. Он зовёт меня.
Я обернулся. За цветами
Белеет дом, и у плетня
Стоит моя седая мама.

Я слышу снова, как она
Меня Юраней называет.
Я вижу, как она бледна,
Я знаю, как она страдает...

И знаю точно – это сон.
Хочу руки её коснуться
И не могу... Внезапный звон...
И нету, нету сил проснуться.

Николаю Ремизову

Ах, как бы научиться мудро жить:
Встречать рассветный час и помнить Бога,
Сомненьями себя не изводить,
Растя в душе гнетущую тревогу.

А как бы научиться понимать
И шёпот трав, и птичьи разговоры,
И без сердечной боли принимать
Порой осенней холодок сыновний.

И поспешить, пока горит свеча,
Собрать, все до единого, камня:
И всех, с кем не поладил сгоряча,
Простить, понять и попросить прощенья.

Осень червонным золотом
Косы берёз украсила,
Что-то, склонясь, вполголоса
Шепчет рябина ясеню.

Тропки в листву упрятались,
Дождь временами сеется,
Пьяными ароматами
Воздух дурманный стелется.

Стихли певцы горластые,
Стаями собираются.
Зорями медно-красными
Ясные дни кончаются...

Болью красы изысканной
Осень не зря увенчана:
Время постигнуть истину,
Время коснуться вечности.

Рассветно встрепенулись дали,
Чуть колыхнулись косы ив,
И в шорохе лесных опалин
Осенний слышится мотив.

Заря сквозь лаз проникла тесный,
Холодным заревом она
Подкрашивает край небесный
В багрово-красные тона.

И это статное безмолвье
Неповторяемых минут
Вдруг заставляет поневоле
Спросить себя: «Зачем ты тут?»

Река

Люблю в тиши на берегу реки
Смотреть на воду, как, загустевая,
Уходит за волной волна скупая,
Любовно омывая ивняки.
Люблю в тиши вечернею порой
Их плеск негромкий благодарно слушать,
И ощутить, как растревожит душу
Летающих мыслей животворный рой.

И этот разметающийся покой,
И это ощущение благодати,
На уходящем тлеющем закате
Меня роднит с притихшею рекой.
И, пряча воды за небесный свод,
Катясь степенно меж лугов росистых,
Река, поняв, мои подхватит мысли
И в будущее тихо понесёт.

ИНТЕРВЬЮ

Александр ПРОХАНОВ

«Задача писателя – запечатлеть эту жизнь...»

*Беседа Ивана ГОЛУБНИЧЕГО
с главным редактором газеты «Завтра»,
писателем Александром ПРОХАНОВЫМ*

– Александр Андреевич, сегодняшняя беседа посвящена Вашему новому роману «ЦДЛ». Роман очень многослойный, многоплановый, в нём говорится о событиях, которые уже стали достоянием истории нашего Отечества. Но в то же время те события обретают новую актуальность. Вы подняли судьбоносные, роковые для нашей страны темы. Это и «перестройка», и военные действия в Афганистане, и путч 1991-го года. А роман называется «ЦДЛ». Почему именно «ЦДЛ»? Ведь можно было придумать более харизматичное, более универсальное, более, скажем так, понятное всем название. Может быть, в этом названии есть какой-то посыл, адресованный посвящённому читателю, и в этом заключён ключ к пониманию романа?

– В моей жизни и жизни многих моих современников ЦДЛ стал средой обитания – очень

Александр Андреевич Проханов – писатель, поэт, публицист, общественный деятель. Родился в 1938 г. Главный редактор газеты «Завтра». Председатель Изборского клуба. Член Высшего творческого совета Союза писателей России.

Живёт в Москве.

*Иван ГОЛУБНИЧИЙ и Александр ПРОХАНОВ
в Центральном Доме литераторов*

интересной, уникальной средой. Вы, Иван Юрьевич, знаете, что ЦДЛ был островом, который находился среди бушующего, во многом печального, моря нашей действительности. Это был элитный клуб, где выступали не только представители литературы, но и политики, да и порой самые странные люди. Это был ковчег. Поэтому слово «ЦДЛ» для меня является даже не аббревиатурой, оно для меня – наскальная надпись, что-то руническое. И иметь под руками текст под названием «ЦДЛ» – было подспорьем для меня, потому что я писал именно ради этих трёх выбитых на скале букв – ЦДЛ.

– Ваш роман охватывает события, которые происходили в период конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века. Роман начинается с «перестройки», когда неожиданно для многих великое государство, – огромный механизм, существовавший семь десятилетий, который казался незыблемым, – в одночасье прекратило своё существование. Вдруг началась какая-то суэта, непривычная общественная активность, которую многие поначалу не воспринимали всерьёз. Казалось, что просто начинается что-то очень весёлое, и скоро это выльется в нечто хорошее, появится новый свет впереди, и мы заживём лучше, чем жили раньше. Но произошло то, что произошло – то, что впоследствии, в 1993-м году, закончилось расстрелом Верховного Совета и всеми сопутствующими трагическими обстоятельствами. Известно, что в той ситуации огромную роль сыграла советская литература, конкретные писатели. То есть во многом «перестройку» готовили именно советские писатели, причём не только те, кого мы сейчас называем либералами (тогда они назывались демократами) – в расшатывании советского государственного строя принимали участие и «почвенники», и «православные» писатели. Оказалось, что все как бы устали от советского благополучия, от ясности цели... Проявилась коллективная безответственность писательской братии, за относительно небольшим исключением. Как это могло произойти?

– В последнее десятилетие советской власти существовало три основных направления русской литературы. Это деревенская литература с такими звёздами, как Белов, Распутин, Астафьев. Городская, так называемая трифонианская литература. Обе эти литературы в глубине своей были антисоветские, антигосударственные. Деревенщики предъявляли государству счёт за чудовищное разорение российской деревни и вообще за угнетение русского фактора. Хотя деревенщики награждались советскими орденами, медалями, премиями, но они были глубинно антисоветские, и их деятельность, их работа среди огромных толп их почитателей, с точки зрения государства, была деструктивной. То же самое можно сказать о трифонианской, городской литературе. Они печалились по поводу гибели Ленинской гвардии, все они были измучены темой сталинских концлагерей и репрессий. Эта тема не затихала, и они явно или неявно и ту, последнюю фазу советской государственности, винили в происшедшем, тоже были антисоветские. Было ещё третье направление, так называемая «секретарская проза». Это несколько крупных писателей (Иванов, Проскурин...), которые создавали советский партийный эпос. Но их влияние среди интеллигенции не было столь значимо. Перестройку, Вы правы, готовили и деревенщики, и трифонианцы.

Хотя не так уж они её и готовили, эти настроения, всё это тлело. Перестройщики, получив в руки власть и управление всеми процессами – военными, политическими, культурными – попросту воспользовались этими настроениями, усилили их. Существовал своеобразный, может быть, неизреченный,

но – заказ на произведения, которые винили советский строй в чудовищных злодеяниях. И такие произведения появлялись одно за другим. И как такие книги, как «Разгром», «Оптимистическая трагедия», «Как закалялась сталь», как Маяковский, открывали советский проект, такие книги как «Белые одежды», «Дети Арбата», «Архипелаг ГУЛАГ», «Пожар», «Печальный детектив» Астафьева, закрывали советский проект. Все эти книги – и левые, и правые, и демократические, и деревенские – закрывали советскую эру. И мне, человеку литературному, были видны процессы разрушения константы советского строя под напором этих тенденций. Было ещё и много других тенденций, например, национальные тенденции были очень сильны.

Так что процессы «перестройки» были хорошо видны от ресторанных столиков Дома литераторов.

– В одном из интервью, отвечая на вопрос о ситуации в современной литературе, Вы высказали важную мысль о том, что проблемой современной российской литературы является отсутствие среды, в которой писатели занимались бы и творчеством, и полемикой, и самоидентификацией (эстетической, идейной, мировоззренческой), была бы общая система координат, объединяющая литературу. В романе «ЦДЛ» Вы замечательно показали эту существовавшую в ЦДЛ, в советском Союзе писателей среду, в которой в одном творческом пространстве находились все: «почвенники», «патриоты», «демократы»... И хотя между ними постоянно «проскакивала искра», тем не менее была единая система координат, это была одна большая литература со своими внутренними крайностями и противоречиями.

На Ваш взгляд, Александр Андреевич, актуален ли для нашей дальнейшей истории урок советской литературы как организованной структуры, в которой, как сейчас говорят либералы, был всеобщий контроль и не было, якобы, пресловутой свободы творчества? Но при этом создавались талантливые произведения, советские писатели так или иначе служили власти, но эта власть была частью народа, и писатели были в основном выходцами из народа, и все мы были единым обществом. Можно ли, нужно ли из этого извлекать урок, говоря о роли писателя в государстве? И насколько можно сегодня говорить о связи и сотрудничестве писателей и государства?

– Трудно сказать. В советское время Союз писателей был концентрированным выражением господствующей идеологии. Это была очень мощная идеологическая функция. Она и замышлялась Сталиным в своё время как продолжение партийной работы, которая совершалась устами писательских златоустов. Даже в мягкие, рыхлые брежневские времена Союз писателей оставался таким департаментом идеологии, что обеспечивало управление литературой. Литература управлялась тогда не только тем, что чуть что – в ГУЛаг, как Шаламов или Солженицын. Литература управлялась очень тонко, с соблюдением баланса этих направлений – деревенских и трифонианских, созданием баланса премий, величины тиражей, частоты выхода книг. Это была тонкая индустрия, политическая алхимия, с помощью которой управлялась литература. Наличие общей системы координат и было обусловлено присутствием в литературе государства. Иногда очень жёсткого, как в сталинские времена, иногда более мягкого, изысканного, бархатного, но оно существовало.

Ведь Солженицын, будучи антисоветским писателем, тем не менее, был советским. Он был важен и понятен в системе советских координат. А как

только рухнули советские координаты, он из них как бы выпал и сразу уменьшился, интерес к нему исчез. А когда он был в недрах очень жёсткой советской системы координат, он был важен как фрондёр, как человек, который выносил приговор системе.

Теперь вряд ли возможны такие взаимоотношения писателя и государства. Хотя ситуацию улучшить можно было бы. Да, люди перестали читать, чтение кажется им изнурительным, обременительным, люди хотят отдохнуть от сумасшедшей политики, им не хочется погружаться в сложные тексты, ведь литература – это сложные тексты. Так что это, видимо, неисправимо, но создание такой элитарной среды, грубо говоря, Клуба любителей литературы, знатоков литературы, возможно. Возможно создание литературных печатных, телевизионных, или Интернет органов, которые поддерживали бы этот баланс, отслеживали литературу, сравнивали, говорили о литературе. Ведь сейчас во всех СМИ литературе практически не уделяется внимания. Но если поставить такую цель и понять, что эта цель не праздная, не во имя писателей, а эта цель во имя государства, то можно исправить положение. В литературной среде всегда зарождались течения, тенденции, партии, настроения. Они и теперь зарождаются, но, зарождаясь там, они умирают и не находят выхода, новые зарождаются и тоже не находят выхода...

Сегодняшнее государство использует военно-промышленный комплекс как огромное достижение, как гарант существования государства. Конечно, и армия, и полиция очень важны. Но государство должно понять, что и литература ему нужна как нечто очень сильное, мощное, драгоценное, способное вырабатывать эссенцию государственности, идеологию. Государству очень важны СМИ как инструмент воздействия на общество, манипуляции общественными взглядами.

Говорят, что у нас нет идеологии. Но она есть. И её может высказать только писатель: он может вычерпать её из сегодняшней турбулентной действительности, может её нащупать, найти ей название, слова, своей интуицией проникать в сущность явлений. И если государство поймёт, что это так, то возможно появление литературных площадок, которые, так или иначе, идеологически выходили бы на государственные константы.

– В Вашем романе ярко и образно показано, что советская литература обрела свои формы и своё дыхание в сталинскую эпоху, когда она служила государству, делала это искренне. Там были свои драмы и трагедии, свои противоречия, но, тем не менее, было единство государства и литературы. Сейчас часто говорят: надо сделать так, чтобы каждый высказывал всё, что у него есть за душой, и в этом многообразии, так сказать, в «цветении всех цветов» состоит благо для русской литературы. Но, как Вы справедливо отметили, без единства цели всё это многообразие становится абсолютно бесплодным. Более того, прикрываясь истолкованной превратно традицией свободомыслия, оно начинает служить не благим целям, а каким-то иным, смутным. Уже давно вместо нормального литературного процесса мы видим литературный шоу-бизнес. Как Вы считаете, такое положение, когда государство не использует возможности современной литературы, – это нормально? Очевидно, что сейчас, по объективным причинам, связанным с развитием научно-технического прогресса, государству более просто и выгодно использовать такие средства, как телевидение, интернет. А с писателями в лучшем случае государство заключает какие-то индивидуальные договоры,

не заморачиваясь литературой как общенациональным духовным явлением. Имеет ли перспективы такой подход? Или всё-таки придётся сделать шаг назад и начать вновь создавать литературу в единстве с государством, с единными государственными целями и задачами?

– Даже у советской литературы, не говоря уже о русской литературе вообще, были разные времена, когда она по-разному соотносилась с государством. В русской литературе очень сильна протестная волна, если говорить языком грубым – антигосударственная волна. Русские писатели часто были противниками власти, противниками государства настолько, что это, в конце концов, стало хорошим тоном.

Но были времена, когда литература объединялась вокруг государства. Я думаю, что такими временами была Севастопольская, Крымская война. Таким временем была война 1812-го года, может быть, Балканские войны. В советское время был период, когда молодая интеллигенция вся устремлялась в тот прорыв, который сделало государство. Это Маяковский, это весь русский конструктивизм. Это была пора, когда писателя не надо было уговаривать быть рядом и выполнять государственные заказы. Литература была рядом, шла волной. Некоторые писатели даже опережали политический процесс.

А потом опять возникло внутреннее глубинное отторжение. И хотя литературные массивы контролировались, управлялись, но не могу сказать, что деревенщики были рядом с государством. Да, всё делалось для того, чтобы это так выглядело: они были героями соцтруда, награждались премиями, участвовали в фестивалях. Но их глубинные претензии к государству были страшны. Деревенщики предъявляли государству ужасный счёт в том, что государство покончило с Русью, покончило с русскими людьми, что государство разорило не просто деревню, оно истребило русский фактор, *вытолкнуло его из его среды.*

То же самое и с трифонианской литературой. Поэтому я не думаю, что сегодня возможно прямое управление писателями. Мне кажется, что если бы сегодняшнее государство затеяло долгожданное развитие, если бы начался мощнейший процесс нового освоения Арктики, Сибири, строительство уникальных заводов, создание новой космической, новой фармацевтической промышленности, возникновение новых отраслей науки, и об этом всё время говорили не языком пиара, а языком самих творцов, то в это возрождение, в этот прорыв устремилось бы много литературных сил и энергии – тех, которые сегодня враждуют, кажутся непримиримыми друг с другом. Они бы примирились в этом развитии, в этом потоке. Там бы всем нашлось место: и левым, и правым, каждый бы нашёл себе место, потому что этот русский поток, русский рывок необъятен, огромен. Он имеет космическое происхождение, космическое значение. Пока этого рывка нет, трудно ждать момента, что писатели прильнут к Спасской башне и будут выполнять волю мощных пиар-компаний. Этим занимается «Раша тудэй», телевизионные каналы, и государству пока этого достаточно. А вот воспеть этот прорыв... Ведь прорыв невозможен без того, чтобы о нём не возвестить, чтобы не протрубили трубы о нём, чтобы не было в рядах этих колонн своих трубадуров. А сделать это может только литератор, только писатель. И когда начнётся реальный прорыв, наряду с существованием телеканалов, всяких ток-шоу появятся певцы этого прорыва, которые найдут метафору для прорыва. Я жду этого момента.

– Сегодня мы наблюдаем общественную активность, напоминающую атмосферу времён перестройки, когда вдруг появились какие-то брожения, которые возникли вроде бы естественным образом, и в то же время многим было ясно, что за ними стоят некие силы – как вне страны, так и внутри неё. И, наверное, все факторы сыграли свою роль. Одним из главных, решающих был фактор усталости от затянувшегося благополучия. Тем не менее, несомненно: разрушение Советского Союза происходило по алгоритмам, свидетельствующим о том, что оно готовилось умными, квалифицированными и подготовленными для таких дел людьми, имеющими перед собой ясную цель. Сейчас происходит нечто похожее. Мы видим иногда сборища странной молодёжи, которая неспособна порой даже внятно сформулировать свою позицию: почему выходит на улицы, из-за чего, ради чего, но при всём том эти люди агрессивны настроены против государства. В этом можно усмотреть сходство с событиями, описанными в романе «ЦДЛ». Сейчас уже говорят, что, возможно, готовится или уже происходит «перестройка-2». На мой взгляд, есть серьёзные различия между ситуацией конца 80-х годов прошлого века и нынешней. Поскольку в перестройку очень многие люди заблуждались, искренне верили, что выступают за то, чтобы жизнь сделать лучше, чтобы усовершенствовать социализм и, не сворачивая с прежнего пути, идти вперёд. А сегодня мне, например, представляется, что очень многие из тех, кто выходит, условно говоря, «на Болотную площадь», вообще не верят в то, что делают, не говоря о тех, кто даже и не задаётся этим вопросом. В основе поведения таких людей могут лежать разные факторы: фактор личной выгоды, фактор возраста, отчасти медицинский фактор... Выросло уже несколько поколений, которые не верят ни во что, кроме денег.

А насколько негативную роль это может сыграть в нашей жизни, в дальнейшей судьбе России? Можно ли считать эти поколения потерянными для страны?

– Советский Союз существовал в условиях постоянной борьбы с Западом: то с фашистским Западом, то с либеральным. И эта борьба то носила чудовищный характер, приближая нас к катастрофе, то умягчалась, появлялись всевозможные разрядки, перезагрузки так называемые. Но враг оставался и ставил целью ослабление, а в идеале – уничтожение Советского Союза. Он изучал Советский Союз, смотрел, где в этом огромном мощном ядерном государстве есть ахиллесова пята, есть незащищённые зоны. И в Советском Союзе были три зоны, которые враг использовал в период перестройки. Их было больше, но три – наиболее главные.

Первая – это кости. Огромное количество костей было рассеяно по всей нашей территории за время советской власти. Это кости мучеников, кости ГУЛАГа. Эти кости до поры до времени как бы тихо и смиренно лежали в могилах, но потом вдруг зашевелились, стали подниматься. Эти кости свидетельствовали о чудовищных злодеяниях, и они разрушали советский опыт и советскую страну.

Национальный фактор был очень силён. Советский Союз был Красной империей, то есть симфонией пространств, народов, языков, верований, векторов развития. И Советский Союз мечтал о создании «народа народов» – о создании советского народа, куда бы гармонично вошли все остальные развивающиеся народы. Но развитие народов не привело к созданию «народа народов». Наоборот, чем благополучнее становился один из народов, чем больше у него возникало исторической памяти, чем интенсивнее становилась его

культура, тем он более стремился вон, на свободу, из-под имперского купола. Национальный фактор был вторым очень мощным фактором, разрушившим Советский Союз.

И третьим мощным фактором был фактор перерождения. Советский Союз исходил из того, что может создать новое человечество, может создать нового человека. И казалось, после войны, после Победы 1945-го года возникло это новое человечество, возник новый народ-великан, окровавленный, но прошедший по миру с победным грохотом. Но постепенно, когда был снят мобилизационный сталинский проект, и кушачок был слегка распущен, развязан, началось возникновение традиционных форм человеческого мироощущения. Можно это назвать мещанским перерождением. Людям мало быть потребителями или управляющими собственностью, они хотели владеть этой собственностью: курицей, яблоней, мастерской, парикмахерской, а потом и заводом. Красным директорам, которые были мощными управленцами, захотелось владеть объектами, которыми они управляли. И это был третий фактор – возникновение инстинкта собственности, или буржуазного инстинкта. Это были главные факторы разрушения кодов советского государства. Эти три фактора использовал противник – в перестройку все они были задействованы. После чего пало государство СССР.

Какие уязвимые зоны есть у сегодняшнего государства, куда направлены удары противника, и что может послужить крушением сегодняшнего государства? По-прежнему национальный фактор. У нас нет стратегии национальной политики. Сравнительно недавно были укрощены национальные суверенитеты: их просто загнали в глубину, они там тлеют. Есть целые группы, новые поколения националистов, это очень опасный момент, который может разрушить ансамбль сегодняшней остаточной России, которая по-прежнему остаётся империей – столько пространств, столько народов, столько культур, столько верований... Это один из очень опасных факторов.

Второй фактор – это чудовищное неравенство. Чудовищное неравенство! Нищета одних и ослепительное богатство других. Причём богатство, которым они щеголяют, они испытывают какой-то садизм по отношению к тем, кто ничего этого не имеет, и показывают людям, как они прекрасно живут, какую едят икру, сколько стоит бутылка шампанского, сколько этажей на их яхте, куда они на самолёте летают и т.д. И это неравенство, глухая, живущая в народе ненависть к ним, ощущение великой случившейся несправедливости – это второй фактор, который может разрушить страну.

И третий очень важный фактор связан с тем, что большинство нашей элиты уже порвало с Отечеством. Элитарии выбрали другое отечество, и там, в другом отечестве, смысл их существования. Они хотят, чтобы то отечество преуспевало: туда они вложили свои деньги, там разместились, там живут их дети. Здесь они стоят одной ногой, а другой – там, и по существу являются потенциальными врагами и предателями. Они смотрят на Россию не как на Родину, а как на территорию, где могут обогатиться. Такие люди есть везде: они есть в крупном бизнесе, есть среди кремлёвских политиков, есть среди силовиков, есть в интеллигенции... И это третий момент, очень удобный для врага, это третий фактор.

Три этих фактора – это зоны, куда устремлены удары противника. И всё, что мы сейчас видим, есть проявление этих ударов. Вы говорите – потерянное поколение. Какое потерянное поколение? Это управляемые процессы для того, чтобы эти каверны, эти несовершенства, слабости нынешнего

государства были использованы ему во вред, а также использованы с целью полной его смены, полного истребления, как это было в последние советские годы. Поэтому бороться с уличными беспорядками, конечно, можно с помощью Росгвардии и полиции, с помощью судов и всевозможных процессов. Но, борясь с этим, не бороться с коррупцией – бессмысленно. Существование коррупции, открытое, возвещённое нам, уже делает неизбежным протестное движение. Потому что людям, особенно молодым, с обострённым чувством справедливости, невыносимо, что они живут в стране, насквозь прогнившей и коррумпированной.

И эти три основных фактора надо преодолевать. Необходимо то, что я называю великим очищением. Я постоянно говорю о развитии и, говоря это, имею в виду, что должны быть уничтожены или отодвинуты силы, мешающие развитию: всё, что мешает развитию, должно быть отодвинуто, подавлено или направлено в развитие. Это я и называю «великим очищением». Правительство должно затеять «великое очищение», которое не является революцией, а является сложной, мощной, концептуальной эволюцией нашего общества в процессе развития.

Вот так я смотрю на сегодняшний политический процесс.

– Хотелось бы поговорить о главном герое, центральном персонаже романа «ЦДЛ». В романе две главные линии. Это судьба страны и личная судьба писателя Виктора Ильича Куравлёва, которая развивается неразрывно с событиями, происходящими по ходу действия романа. Начинается роман с того, что у Куравлёва выходит книга «Небесная подворотня». Книга встречает доброжелательное отношение критики и успех у читателей. И Куравлёв внутренне уже готов к тому, что его писательская судьба идёт на взлёт. Его приглашают к влиятельному литератору, профессору Андрею Моисеевичу Радковскому, который как бы визирует его новый, более высокий неформальный статус. И тут происходит судьбоносное для главного героя событие – Куравлёву предлагается командировка в Афганистан, где наша страна исполняет, в терминологии той эпохи, интернациональный долг. С этого момента судьба его вступает в противоречие с какими-то ему ещё не до конца понятными процессами и меняется коренным образом. Ведь война в Афганистане – это ключевой момент в идеологическом противостоянии «демократов» и патриотов. «Демократы» всегда говорили о том, что это война преступная, что советские молодые люди гибнут на ней бессмысленно и бесславно. То есть понятия об интересах государства, об интернациональном долге, о серьёзных политических обязательствах были в них просто подавлены доведёнными до абсурда интересами личности. Но известно, что даже в самых демократических государствах никогда не было полной гармонии между государством и личностью. Государство всегда помнит о своих обязанностях и при необходимости, так или иначе, ограничивает интересы личности в своих, государственных интересах. Но этот идеологический фетиш имел такие последствия, что ветераны Афганской войны шельмовались, назывались преступниками, фактически подвергались дозволенной травле и, возвратившись домой с войны, встречали отчуждённое, зачастую откровенно враждебное отношение. Это, на мой взгляд, одна из травм, нанесённых нашему общенациональному самосознанию, и последствия этой травмы до сих пор в людях моего поколения ощущаются. Нам навязали мысль о том, что наша страна совершала какое-то преступное деяние, за которое мы, якобы,

и по сей день несём ответственность. Хотя умом мы понимаем, что это не так, но навязанный в эпоху «перестройки» комплекс неполноценности составляет часть мироощущения многих людей моего поколения. Как к этому нужно относиться сегодня?

– Я к этому отношусь как человек, который 16 раз был в Афганистане и шёл там со своей армией, считаю этот период своей жизни одним из самых важнейших. Я никогда не считал, что эта война преступная или даже ошибочная. Считаю, что был ошибочным вывод наших войск из Афганистана.

Мы ушли из Афганистана под звуки великолепной песни «Мы уходим, уходим, уходим с Востока...» После ухода из Афганистана мы ушли из Туркменистана, ушли из Таджикистана, ушли из Киргизии, ушли из Казахстана, ушли из Прибалтики, ушли с Украины, ушли из Белоруссии, из Грузии, из Армении, из Азербайджана. Мы едва не ушли из Сибири. Чудом не ушли с Дальнего Востока. Мы почти хотели уйти из Якутии. Началось бегство. Выход из Афганистана – это был удар, который породил всю эту катастрофу. Не война в Афганистане породила эту катастрофу, а уход из Афганистана. Потому что наши военные пришли туда не для того, чтобы снискать себе угодий или создать лазуритовые прииски. Тот фундаментализм, о котором сегодня говорят, ИГИЛ (запрещённая организация), он там начинался. И то, что мы сейчас делаем в Сирии, мы хотели сделать в Афганистане – хотели предотвратить это. А Горбачёв отвёл армию, и весь огненный ислам хлынул в эту пробоину. Он хлынул в Афганистан, хлынул в республики Средней Азии, он разразился чудовищной войной в Таджикистане. Вот что такое уход из Афганистана. Я горжусь, что всё это время был с моими войсками. И слава Богу, что сегодняшнее правительство, хотя ещё очень робко, осторожно, но пересмотрело отношение к Афганской войне и к «афганцам», и считает, что это было правильно и необходимо. Наше сегодняшнее государство стоит на перепутье. У него одна нога в 90-х годах прошлого, а другая – в 20-х нынешнего века. И оно всё делает слабо, двойственно, размыто. Оно постоянно драпирует Мавзолей, боится открыть всю полноту истории, всю мощь и красоту двух мистических Парадов: 41-го и 45-го годов – всё время на Мавзолей надевается антиковидная маска. Это не просто портит дизайн великолепных парадов, потому что исчезает гранёный кристалл Мавзолея со всей его мистикой, а возникает среди металла, штыков и брусчатки нечто тряпичное, связанное с драпировкой. И во всех остальных деяниях сегодняшнее наше государство половинчато. Оно очень медленно, очень сложно выходит на линию государственного патриотизма. На словах – одно, на деле – другое. На словах мы со всех государственных, телевизионных каналов называем Навального предателем, бронбойным снарядом, который пробил броню нашего государства, клеймим его. А по другим государственным каналам, таким, как «Эхо Москвы», всячески поддерживаем Навального, воздаём ему должное, называем его святым, мучеником. И я хочу понять, какой же точки зрения должен придерживаться в этой игре. Я должен придерживаться точки зрения государственных телеканалов или точки зрения государственного «Эха Москвы»? Я в это дело не вмешиваюсь. Считаю, что это не моя проблема. Пусть они решают внутри, какая из этих группировок победит и выигрывает в этой схватке. Я знаю, что в этой схватке проигрывает только одно – государство, моя Родина. Так во всём. Так и с Афганской войной...

– Совершенно с Вами согласен. Эта двойственность власти, которая не позволяет ей установить разумные ограничения в свободе оценок нашей истории, нашего общенационального самосознания, сильно тормозит

развитие. Пока наше государство чётко и твёрдо не скажет, что вся наша история со всеми её трагедиями, драмами и перегибами служила великим целям, это будет непреодолимым препятствием на пути к развитию. Значительная часть Вашего романа посвящена обстоятельствам августовского путча 1991 года. Ваш главный герой по воле судьбы вступает в контакт с членами ГКЧП, общается с ними, ведёт содержательные разговоры о судьбе страны, в ходе этих взаимоотношений приходит понимание происходящего, что подробно отражено в романе. Вот прошло три десятка лет, и то, что тогда происходило, участникам всех тех событий в то время виделось как нечто новое, за этим была неизвестность. Сейчас мы смотрим на те события через призму своего жизненного опыта и нашей новейшей истории. А были у явления, которое называлось «путч», какие-то шансы на успех? Или оно было обречено по причинам, которые на тот момент было уже поздно устранять?

– Я очень глубоко включён во всё это не как посторонний наблюдатель, а как товарищ последних лидеров советской власти. Я был внутри до самого последнего момента: и в момент, и после момента. Провожал под арест своих старших товарищей: и Бакланова, и Шенина, и остальных. И то, что мы называем путчем, и думаем, были ли какие-нибудь шансы... Не было никаких шансов! Потому что ГКЧП был последним аккордом перестройки. Он не мешал перестройке, он не возвращал государство на доперестроечные рельсы – он завершал перестройку. Сама четырёхлетняя перестройка – это сложнейшая спецоперация по истреблению всех кодов, на которых держалось советское государство. К 1991-му году все эти коды были устранены, раздавлены, разрушены – государства уже практически не было. Было название, иллюзия, а государство уже напоминало горшок, который разбился и падает, просто сохраняя форму горшка.

Но стояла одна важнейшая задача по передаче полномочий от Горбачёва к Ельцину: через разрушение общесоюзного центра передача их к региональному российскому центру. Как-то надо было передать эти полномочия, что-то сделать, чтобы окончательно завершить историю СССР. Задуманное ГКЧП и было тем инструментом, о котором не знали сами ГКЧПисты. Или почти никто из них не знал – кроме Крючкова, с помощью которого эти полномочия были переданы. А именно: на 2 или 3 дня была создана ситуация конституционного вакуума: уехал Горбачёв, возникло как бы безвластие, мнимая ГКЧПистская власть. И за эти три дня Ельцин перехватил полномочия. Он стал командовать армией, разведкой, финансами, политическими инструментами. А ГКЧП только создала этот момент. Внутри ГКЧП был Крючков, который по замыслу ГКЧП, моих доверчивых друзей, должен был арестовать Ельцина на подьезде того к Москве. И он не выполнил этой задачи и, не арестовав Ельцина, по существу, не устранил этот параллельный центр. И ГКЧП оказался повисшим в воздухе, эти люди оказались обманутыми, растерянными. Список ГКЧП создавался с помощью Горбачёва, он курировал весь этот процесс: мои друзья в ГКЧП рассказывали, что этот список просматривался Горбачёвым, туда вносились новые имена, в частности, имя Стародубцева внесено Горбачёвым. И он знал, что в недрах ГКЧП находится Крючков, который не выполнит этого приказа, знал, что, не выполнив этого приказа, он допустит Ельцина к танку, к Белому дому, и ГКЧПисты будут ненужной шелухой, которую ветер истории погонит прочь. И когда ГКЧПисты почувствовали, как они обмануты, кинулись к Горбачёву, прося вернуть его, тот их выкинул прочь, отдал на растерзание толпе и Ельцину.

Вы говорите о шансах ГКЧП, но при этих условиях шанса не было. Потому что ГКЧП не был инструментом восстановления Советского Союза. Такого инструмента уже не было – всё находилось в руках врагов: в руках Горбачёва, Яковлева, Ельцина. Генералы были беспомощны, трусливы или бездейственны. Госбезопасность готовила ГКЧП, перестройку, готовила распад Советского Союза. В этом смысле страна была обречена. И спасти её ничего уже не могло: не было центра, который был готов её спасти – ни в разведке, ни в армии, ни в партии, ни в интеллигенции.

– Александр Андреевич, есть вопрос, который, наверное, интересует многих читателей. Понятно, что в романе есть элементы автобиографичности. Но жизнь и творчество – разные вещи, у жизни и у творчества разные законы. Некоторые вообще считают, что у жизни нет никаких законов, они только потом выявляются, задним числом. Скажите, в какой степени главный герой идентичен автору? А если он отличается, если Виктор Куравлёв – более широкий художественный образ, то в какой степени? Когда мы читаем о командировке в Афганистан, о работе в «Литературной газете», об обстоятельствах писательской жизни, то понимаем, что за этим стоит образ автора. Но полное ли это соответствие или в какой-то степени Куравлёв – вымышленный герой?

– Это, конечно, автобиографическая работа. Я ставил себе задачу зафиксировать грандиозный опыт, который мне достался. В своё время я зафиксировал колоссальный опыт, который позволил мне познать весь советский строй, советскую техносферу: великие станции, великие заводы, их создание. У меня также был опыт, который позволил изучить и познать советскую ядерную триаду. Я ходил на ядерных лодках, летал на самолётах, ходил в автономное плавание на подводных лодках и двигался по контуру самоходных ракетных установок. Мне довелось участвовать практически во всех локальных конфликтах, который вёл Советский Союз на всех континентах. Довелось пережить и завершающую эру, и важно было это всё запечатлеть. И как я запечатлел в своих романах все предшествующие фазы, так я запечатлел в романе «ЦДЛ» эту фазу, моё виденье. А мне открывался очень большой кругозор, потому что я видел и литературную среду, то есть идеологию, видел и высшие эшелоны власти, общался с ГКЧПистами, был вместе с ними в поездках. У меня уже был достаточный литературный статус, он позволял мне находиться в верхушке литературного секретариата. Этот роман, конечно, автобиографический. Там есть моменты, которые не являются буквальным воспроизведением, например, мои романтические истории были несколько другими, но всё, что касается фактологии, это автобиографично. И было сладостью всё это воспроизводить, переносить всё виденное на бумагу, в текст. Была задача не дать этому погибнуть, исчезнуть из памяти людской, потому что многие вещи, о которых я писал, уже оказались забытыми, их накрыла волна следующих исторических эпох, в частности, волна 1993-го года. Так что этот роман очень личный, это моя «Одиссея» тех лет.

– Роман в значительной степени о литературе. Что вы думаете о роли писателя в наше время? В советское время писатели имели всё необходимое для жизни и творчества, их статус давал им духовную власть, они творили максимально свободно, насколько это могло позволить им государство для того, чтобы исполнять свою миссию, свои функции. Но при этом многие из

них таили камень за пазухой, которым воспользовались, как только государство дало слабину. Есть ли сейчас хотя бы призрачный шанс российским писателям утвердить себя в качестве активных участников истории России? Или надо в большей степени сосредоточиться внутренне и следовать своему долгу, не рассчитывая на большее?

– У писателя, мне кажется, нет никакой другой задачи, кроме как быть свидетелем процессов, которые вокруг него происходят, свидетелем той жизни, в которую его поместила судьба и из которой она его извлечёт очень скоро. Задача писателя – попробовать запечатлеть эту жизнь, зафиксировать этот период истории. Потому что предшествующий период истории уже зафиксирован, и предшествующий, предшествующий зафиксированы... Не зафиксирован только сегодняшний, нынешний. Это быстротечная история – она такая же восхитительная и ужасная, как и во все века. И писатель незаменим как сберегающий события от смерти. И, как и тогда, и как сегодня, и как завтра, эта миссия не изменится. Меня огорчает, что многие современные писатели пишут исторические романы, биографии великих предшественников... Они боятся современности, не понимают современности, уходят от неё. А современность – это великолепный, раскалённый докрасна шкворень, который надо схватить, даже если он сожжёт твою руку. Поэтому роман, о котором мы сегодня говорим, конечно, исторический, но это свидетельство сиюминутной истории. Этот роман фиксирует современную историю так, как она дана была мне в понимании, в восприятии. Но кроме истории – это роман о жизни, о смерти, о любви, об измене, о предательстве, о мгновениях человеческих слабостей, о прозрении, о богоискательстве. Это роман о человеческой душе. В данном случае – о моей душе, которая в ту пору была ищущей, заблуждалась, оказывалась на огромных перепутьях, испытывала великие поражения, крушения и восстания – восстание из ада. И хотя конец романа метафоричный – весь этот писательский мир, то есть ЦДЛ, сгорает и испепеляется, но впереди лично у меня другая мощная эра – эра создания газеты «День». И следующая моя работа, которая вот-вот выйдет, так и называется – «День». Эта борьба продолжается. Это ещё один очень мощный исторический период России, связанный с 1993-м годом, в котором все современные персонажи и ваш покорный слуга, облачённый в некие ризы другого имени, другой судьбы, остаётся прежним. Я очень дорожу этими двумя романами, которые как бы ждали меня на протяжении всей моей жизни. Я не решался их трогать. А сейчас такой момент, когда я нашёл в себе силы, волю написать эти два столпа.

– Роман «ЦДЛ» написан в традиционной реалистической манере, но, как Вы сказали, завершается он фантасмагорией: ЦДЛ сгорает, его покидают тени прошлого. Понятно, что это глубокая метафора: ЦДЛ как здание стоял и стоит на своём прежнем месте, там и сейчас протекает своеобразная творческая жизнь, которая с советской литературой имеет чисто формальную связь, или не имеет никакой. Но в романе ЦДЛ сгорел, исчез мистически, как прекратил своё существование Советский Союз. Началась другая жизнь, в которой писателю приходится нащупывать и завоёвывать для себя другую роль. Но роман «ЦДЛ» возвращает нас к тому важному, что в нашей стране и в нашей литературе происходило сравнительно недавно, чему мы были свидетелями и что начинаем понимать, может быть, только сейчас. Александр Андреевич, спасибо Вам за интересную беседу.

– Иван Юрьевич, Вы действительно очень внимательный читатель. Я очень благодарен за эту встречу, я ею дорожу, и я в ней очень нуждался. Спасибо Вам.

Иван Юрьевич Голубничий – поэт, критик, публицист, переводчик. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького, работает в Московской городской организации Союза писателей России. Кандидат филологических наук, Секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, член Международной Федерации журналистов. Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Заслуженный работник культуры Чеченской Республики, Заслуженный работник культуры Республики Дагестан.

Живёт в Москве.

Хождение к Тихому океану

Пашка был «ходок». Дело это любил, «оттачивал и совершенствовал», как иногда прихвастывал ребятам из автомастерской, где работал по окончании института. Пошёл туда целенаправленно – за хорошими деньгами и нужными связями. Автодорожный заканчивал заочно. В армии получил права, после дембеля работал на автозаводе, куда устроился по лимиту. Там и дали направление на учёбу в вуз, хотя обучение «лимитчиков» в институтах не поощрялось: потому и открывали лимиты предприятиям, что рабочих в столице не хватало. На заводе думали назначить его мастером, как вуз закончит. Там и до начальника цеха недалеко. А он не будь дурак – в мастерскую пристроился. Ему с его опытом и дипломом даже не пришлось это место покупать – его почти сразу поставили на «блатняк». Мастером он стал попросту легендарным – тем, о ком разговоры в мире автовладельцев пошли. Машины знает – как никто. Поверить невозможно: словно у него в глаз рентген встроено, и, глянув на машину, он сразу может определить, что у неё не так или что надо для профилактики подновить. Дом кино, ресторан Дома журналистов, Сандуны – всё к его услугам. Театры он не любил – скукота. В оперетте – и то засыпал: на сцене веселье, канкан, а неблагоприятный зритель Пашка сопит. Об опере даже слушать не мог, чёлости сводило. А уж чтобы саму оперу по доброй воле выслушать... На балет походить было бы ничего, посмотреть на фигурки «балек», как называл балерин «вхожий за кулисы» завсегда. Сандунов Эд Эдыч. Но вот мужики в колготках – зрелище для него, Пашки, отвратительное. Так что в театры не ходил ни в какие.

Жилищный кооператив купил на имя дальней родственницы, бабуши-москвички, обставил чешской стенкой, югославской мягкой мебелью – красота. Жениться не торопился. Сам понимал, что одной бабы ему будет мало: он с неослабевающим интересом, как сам пафосно выражался, следил за разнообразием и совершенством советской

Екатерина Фёдоровна Глушик – родилась в Ижевске, окончила филологический факультет Удмуртского государственного университета, работала учителем русского языка и литературы в школах родного города и группы советских войск в Германии (ГСВГ). Автор 10 книг прозы и публицистики. Лауреат премии «Эврика» за книгу рассказов «Простые разговоры». Лауреат премии «Лучшая книга года» (2006) за книгу «Беседы о Сталине», дипломант премии им. А.Н. Толстого, победитель конкурса журналистских работ «Беларусь – Россия. Шаг в будущее».

Живёт в Москве.

молодёжи, исключительно женской её части. Девушек своих старался до влюблённости и привязанности к себе не доводить, был щедр, ограниченно галантен и честен до цинизма, сразу говорил, что не женится, по этой части чтобы на него не рассчитывали, и проблемы, коли что, решали сами. Молодость и пора «ходок» Пашки пришлась на благословенные времена, когда девица, коли что, оставалась один на один со своим пузом. Это позднее уже такую волю бабам дали – не отобьёшься: ДНК-тесты, фотофиксации... Да, его в своё время пытались взять «на слабо», мол, беременна. Он на это отрезал, что он не акушер, ему такие сообщения ни к чему, роды он принимать не собирается.

Жизнь сказкой сказывалась. Всё у Пашки было. Директор мастерской, уйдя на пенсию, поставил на своё место его, с этим было всё понятно. Кого, если не Пашку? Павел Алексеевич управлял мастерской, преобразованной им в автоцентр, и сам брался за ремонт важняков: импортные автомобили, раритет. Чинил тачки нужных людей. Ему нравилось возиться с машинами, которые все без исключения называл хламом. «Хлам свой заberi. Лучше нового стал. Хоть в кругосветку дуй». «Когда хочешь хлам свой на меня скинуть?» «У тебя не хлам, а конфетка. Будь я дипломатом, как ты, сам бы на таком колёса крутил».

Жениться он планировал, когда нагуляется, и только по любви. Коли такая в природе существует и его посетит. То, что она есть, любовь эта, он вообще-то знал ещё по школе: в 8 классе жутко, буквально до темноты в глазах влюбился в старшеклассницу, и замужество той сразу после выпускного стало для него трагедией. Но после армии встретил ту на улице – толстая тётка с химией на голове – ничего от романтической дюймовочки не осталось. И как отрезало. Подумал, что слава Богу, его опередили. А ведь он фотку этой Лизы всю армию в кармане таскал! Страдал. Было по чему!? Да уж, жизнь к бабам беспощадна. Так испортить отличный некогда экземпляр...

Решил, что такое чувство влюблённости – это своего рода ветрянка: в каком-то возрасте постигает всех, мучает, даже опасна для жизни, порой смертельна, но переболеешь, иммунитет получишь... Как-то так. Вообще-то, может, и есть любовь не только в качестве пережитого им юношеского страдания. Было бы, в принципе, неплохо взбудоражиться – полюбить.

А женился в итоге по голому расчёту – с обеих сторон. Директор овощебазы с дочерью на выданье прямо предложил «соединить наш хлеб», как говорят на Востоке, делая предложение. Мол, у тебя – полная чаша, у меня ещё более полная. Я со своей стороны дочь отдаю в хорошие руки, а ты со своей стороны попадаешь в хороший дом... Этот директор был мужик – загадка, как про него, шутя, говорили. Фрол Абрамович Веретенников. Коренастый, кривоногий, смуглый, скулы высокие, глаза раскосые, нос – шнобель натуральный, волосы курчавые рыжие. Что за масть? Сам Фрол Абрамович, партнёр по сандуновским баннам четвергам, говорил, что мама у него – удмуртка, а папа – по любви. Поехала мама поступать из родного Кильмезя в Москву, но не поступила. Однако не сказать, что ни с чем вернулась – с пузом. Отец разгневался, и потому она не домой в Кильмезь приехала, а к сестре в Як-Бодью, боялась отца. Родила сына. А у них в роду одни бабы: у него самого четыре девки («работал на это дело баскущце, а набраковал»), старшие дочери по две девки «приплодили». У Фрола Абрамовича и речь была необычная – вворачивал словечки всем понятные, с одной стороны, а с другой – их только от него и слышали. То ли сам выдумывал, то ли из своего Кильмезя привёз.

Отец Фрола всё пацана ждал – когда дочери внуком огорошат. И вот мать Фрола, младшая самая, родила и назвала сына в честь отца Фролом, а отчество дала по главбуху совхоза – Абрама Исидоровича, которого отец очень уважал за то, что тот помог им машину купить – кредит оформил. Да ещё и то хорошо, что фамилия Веретенниковых на отце не закончилась, род продолжился. Бальзам на душу. Так Екатерина, мать Фрола, и вернулась в Кильмезь – прощёная. После армии Фрол Абрамович в Москве остался, где и служил, женился. Хороший мужик. Себе на уме, хитрый, беспардонный, но беззлобный и без затей: женись на моей дочери – вот прямо так и сказал, не стал кругами ходить. Козыри выложил. Пашка ему говорит, мол, я же ходок. А тот: и что? Я тоже ходок. А баба моя до сих пор – серебряную уже сыграли – не знает, что за ходок замужем. И тебе незачем жене душераздираяться. На то и мужик, чтобы языком не наворачивать себе же на горб. Тайна украшает мужчину. Хотя ты и без того – медаль на всё бабье тело.

Остепеняться Пашка не собирался, но семью завести уже действительно можно. Поразмыслил – и согласился. Жена, Раиса (имя не нравилось, Горбачихи хватает, всем нутро выворачивает), сразу забеременела. Павел, в самом соку мужик, и не думал на себя власяницу надевать по этому поводу. Да и с какой стати? Он так привык к свободе и так любил возможности, которые давали его доходы и воля, что мысли о необходимости держать себя в супружеских тисках были ему попросту противны. Потому вёл активную, практически холостяцкую жизнь.

Жена родила дочку, а через пару месяцев Верка-фанерка (худющая – то ли из концлагеря, то ли с подиума прямиком), продавщица – флорист! – из цветочного, позвонила: она на четвёртом месяце. И сразу сказала: если хочешь, проявляй себя как отец, но я никуда жаловаться не пойду, денег просить у тебя не буду. Павел отрезал: не хочу. И отцом не собираюсь твою ребёнка быть, и денег не дам, а то привыкнешь к хорошей жизни. Свои проблемы человек должен сам решать. Твоё пузо – твои проблемы. Как и договаривались.

И Верка не звонила больше, не донимала. Жила она в том же районе, где тесть в качестве приданого квартиру молодой семье купил. Пашкиного двухкомнатного кооператива было маловато, да и семья бабуся, на которую квартира оформлена, намекали: это наше, ничего не знаем, пока бабушка жива, и вы живите там, а коли что – до свидания. Так что Пашка мебель всю оттуда перевёз, кроме дивана, и квартира стала «явочной».

Павел пешком почти не ходил, так что не пересекались с забрюхатевшей подружкой. Они с Веркой познакомились, собственно, когда он домой как-то ехал. И предложил подвезти стройную девушку. Райка вес набрала почти с первого месяца беременности. И Павла привлекла такая стройность Верки на контрасте с расплывшейся женой. Хорошая деваха, между прочим. Красивая, утончённая. Но с комплексами, словно внешности своей стесняется. Плохо, правда, что в него влюбилась, а ему это и не надо совсем – лишние сопли. Но свои сопли Верка сама утирала. Может, её отец даже отходил ремнём. Она говорила, что тот из казаков и очень крут. Павла, во всяком случае, она не тревожила.

Конечно, сразу, как только пошли свободой по стране махать, Павел с тестем кооперативы организовали. Денег стало – киту не заглотить. Тесть всё подбивал заводик какой-нибудь прикупить, складчину. Но Павел жутко боялся статьи «с конфискацией». Всем махинации сейчас с рук сходят, а вдруг

ему не сойдут? Этот страх у него был с отроческих лет. Напротив их дома, в шикарной «сталинке», дворянском гнезде городского масштаба, где шишки местные устроились, жил директор стадиона, которого прихватили на спекуляциях и осудили с конфискацией. И буквально на глазах благополучное семейство – все в мехах и бриллиантах – превратилось в нищих оборванцев. Жена стадионщика как-то сникла сразу и постарела. Дочь, только-только распутившийся бутон, все пацаны по ней вздыхали, в алкогольчику превратилась. Может, пила, чтобы позор этот не осознавать. Потом съехали куда-то. Но эта перемена, падение целой семьи вмиг, как с обрыва, врезалось не в память, а во всё Пашкино существо. Он очень боялся самого слова «конфискация». Тут расстрел, пожалуй, предпочтёшь, пулю в висок.

Потому он участвовать в афере с заводом не стал, а тесть, чертяка, прикупил производство. И как-то по-родственному отошёл от зятя, с семьёй оболтуса-сына больше скорешился. А Пашке и своих доходов хватало. Детей с Раисой он больше не хотел «выдавать на гора». Хотя новой семьёй обзаводиться не планировал, но не исключал, что и такое событие в его жизни произойдёт, и ещё один ребёнок в семье, родись он, может стать препоной для развода. Дочери пока вполне достаточно. А Райка и не могла больше детей иметь. Что-то у неё по женской части подводило. Он не вникал.

И жутко ревнивой Райка стала. А поскольку Павел на всякий случай на неё свой автокооператив переписал, то развестись-то не так легко, в принципе. Вернее, легко, но налегке и останешься.

Неприятность к Пашке заявила, откуда не ждал: дочь пошла в школу и оказалась в одном классе с его и Веркиной дочкой, Светой. Всё бы ничего, но они были как две капли воды похожи. Это все заметили: учителя, родители учеников думали, что это двойняшки. Сёстры и есть. Обе – в отца. И разница у девчонок – пара-тройка месяцев, они и роста одного, и комплекции. Ведь надо же! В школе шесть первых классов, а они в один угодили.

Да ещё Вера, оказывается, в графе «отец» его указала, ну и в классный журнал соответственная запись в графе «отец» занесена. Хотя фамилия у матери – Благоволева, на разных фамилиях родители получается. Имя у Пашки, в принципе, не редкое – Степанов Павел Алексеевич, таких в адресном бюро и не думай найти без уточняющих – тысячи граждан Степановых. Но тут понятно было, что не совпадение – просто невероятное сходство девочек. И Райка стала к Верке бегать скандалить. Верины родители перебрались на Кубань, откуда родом были, квартиру ей и брату отписали. Брат – военный, по стране мотается, сестре с племянницей жильё оставил, и получается, что даже вступить за мать-одиночку, когда Райка со скандалами прибегает, некому. К дочке Веринной цеплялась. Пришлось перевести в другую школу, но Райка – даром, что ли, дочь завбазы? – скандальная баба, донимала.

Да ещё вдруг горе настоящее – тестя с тётцей, из заурядных куркулей превратившихся в крутых нуворишей, расстреляли прямо в их загородном доме. Оказывается, сын свою долю в предприятии на кого-то переписал, как-то его обвели вокруг пальца, куда-то вляпался, припугнули... Новые владельцы и у отца стали пай отжимать, тот, конечно, рогом упёрся, пригрозил сына недееспособным признать и сделки его отменить... Тот и правда, то ли работал под шалопаю, то ли натуральным дураком был, так что вполне реально было его лишить права распоряжаться, подписывать документы... После расстрела Фрола Абрамовича и его жены весь бизнес на каких-то людей оказался переписанным, сам Игорёша невесть куда смылся, видимо, за свою шкуру испугался.

Почище конфискации всё вышло. Райка после этого как с цепи сорвалась: она боялась, что бандиты её тоже убьют – она же наследница отца, может подать в суд на часть папиного наследства. Свои нервы опять-таки срывала на Павле и Вере с дочерью. Добилась, чтобы Веру уволили из школы, где та уроки труда стала вести: она в своё время техникум окончила по растениеводству. В школу пошла преподавать, чтобы дочка под присмотром была. А Райка из вредности донимала директора школы, где Вера работала, писала в Министерство просвещения, родительский комитет тормозила, мол, в школе аморальная женщина не может работать... Вера из школы ушла, в магазин поблизости от дома устроилась. Как-то Райка и туда прибежала, а охранник взял, да и накостылял ей – отвадил.

Но вот стал Павел за дочерью замечать, что та бледная всё время. Исследования, обследования пошли... А Виолетта чахнет и чахнет. Райка орёт, что это зеленоглазая Верка сглазила, это у ведьм глаза зелёные...

Диагноз в конце концов поставили. И оказалось, что при таком заболевании помочь может переливание крови не просто родственника, а близкого по возрасту родного человека. Райка взялась брата разыскивать: у того сыновья, пусть двоюродную сестру спасут. Но не могла найти – хорошо спрятались где-то.

Однако её активность привела к тому, что на неё вышли бандиты: её угрозило искать и через «друга», который, как оказалось, наводчиком на бизнес Райкиного отца был, для того и устроился на завод, втёрся через брата в ближний круг, всё разнюхал...

Семейный бизнес был на Рае, и отжать автосалон и мастерскую бандюкам не стоило труда: те своему счастью не поверили, когда она, поняв, с кем имеет дело, заявила, что не претендует на отцовское наследство, поскольку у неё своего добра хватает. Поняли, что эта баба – добыча сахарная просто – во рту тает. Райка все документы подписала – передала бизнес конкретным пацанам. Когда Павел узнал об этом, слёг с инсультом.

Райка судорожно и бестолково искала способ, как вылечить дочь, которая у неё – навсегда единственная, и нашла: заявила к Вере и стала скандалить, что та не хочет спасти ребёнка, её дочь, сестру вот этой сопливки, которой и на свете не было бы, коли бы не законный Райкин муж. Райка всегда орала и требовала. Она просто не могла общаться иначе, считала: надо наорать и запугать. Правда, орать надо на более слабого или интеллигентного. Сильных она сама боялась.

Видя, как очередного скандала испугалась дочь, Вера буквально спустила толстенно-здоровенную Райку с лестницы. Вот буквально! Откуда силы взялись? Но сама на другой же день проконсультировалась, может ли дочь – ребёнок ещё – сдать донорскую кровь, не повредит ли ей. Нет, ничем это девочке не повредит.

И Вера спокойно организовала спасение дочери отца своего ребёнка – без истерик и заламывания рук. Она сама ходила и со своей дочерью, и с Виолеттой по врачам, проходили реабилитации... Дело в том, что у Раисы ноги вдруг отказали, видимо, на нервной почве, хлопотать о лечении дочери она, во всяком случае, не могла. И буквально злобой исходила, что о дочери эта «стерва» заботится. Но выхода не было. Всем была недовольна: не к тому врачу пошли, не те лекарства выкупили... А уж её положение – это вина Веры, это та ей все нервы измотала. Виолетта выздоровела. Но и этим Раиса будто бы недовольна была. Видимо, ей непереносимо думать, что всё – благодаря Вере и её дочери,

они буквально – спасительницы. Даже спасибо ни разу не сказала. Странная женщина. Бог ей судья.

Без должного ухода, которого ждать от жены не приходилось, без дорогостоящего лечения, на что не было денег, Павел умер. А у Раисы метастазы уже в спинной мозг пошли – вот тебе и причина, почему ноги отказывали.

О том, что ту забрали в хоспис, Вере сказала дочь: «Мама, а Виолеткина мама, которая к нам ругаться приходила, в больнице. Мне девочки из старого класса сказали, а Виолетку в детдом отдадут». Света в балетную студию с ними ходила, те и поведали.

Вера пошла навестить свою недоброжелательницу. Хотела узнать, как справляется с трагической ситуацией Виолетта, оставшаяся без отца, с неизлечимо больной матерью. А Рая была уже в бессознательно-беспомощном состоянии. Но когда Вера, преодолевая неприятие, взяла женщину за руку и заверила, что не оставит девочку, позаботится о ней, у Раи из закрытых глаз потекла слеза. Говорить она не могла.

Виолетта находилась на попечении соцорганов, и там уже готовились документы для отправки её в детдом, но одновременно разыскивали родственников. А квартира оказалась отписанной какому-то Араику и продана. Даже вещи ребёнка забрать не удалось. Вера позвонила своим родителям: хочу взять девочку к себе, это сестра моей Светы. Но одна я на мою зарплату не потяну двоих. Родители не раздумывали: бери. Сами на один хлеб сядем, но девочек поднимем. Будет у внучки сестричка.

На похороны Павла Райка Веру не пустила. А рядом с могилой мужа Сидорову Раису похоронила Благоволева Вера, мама Сидоровой Светланы Павловны.

Документы на опеку собирали долго, однако и до оформления всех бумаг – волокиты немыслимой, Вере разрешили Виолетту взять к себе. Но неожиданно нашлись какие-то дальние родственники, которые претендовали на девочку. А Вера так привязалась к той! Всё плохое, скандалы Райкины и Света забыла, сестрички сдружились – не разлей вода. За Виолеттой даже приехала какая-то двоюродная тётка с сыном. Но, узнав, что у девочки нет никакого некогда богатого имущества, уехали. Радости было!

Когда документы наконец оформили, вдруг появился ещё один претендент. У Павла, оказывается, есть старший брат, который остался после службы на флоте в Оле, небольшом городке в Магаданской области, работал на рыболовецком судне. Он осуждал Пашку за разгульный образ жизни. Приехал как-то к нему в Москву с семьёй проездом к родителям в Курск, а Пашка стал его учить, как надо жить, мол, у меня дом – любой позавидует. А ты трубишь ради чего? Раз в год в отпуск съездить? Тот стал нудеть, что не в деньгах и барахле смысл... Разругались. И Пашка, совершенно не страдающий от сентиментальности, фактически выгнал брата с семьёй. Мол, ты у меня, а не я у тебя живу. Так кто кого учить должен? При чём тут, что ты старше? Мне 5 лет было, когда ты на флот ушёл. Чего сейчас воспитывать взялся? Волной смыло твою мораль. На дне моря-океяна эта утопленница.

Брат ему: родители тебя избаловали. А Пашка: ну и отчаливай в свою Олу и ко мне больше не заваливайся.

Брат собрался, с сыном и женой прямо в ночь ушли – слава Богу, билеты были, и они в Курск уехали. Больше не общались. И Пашка ничего о брате не рассказывал ни жене, ни тем более дочке – мала ещё, чтобы в семейные передряги её посвящать.

И вот органы опеки отыскали ближайшего родственника Виолетты – круглой сироты. А тот, оказывается, овдовел, живёт с младшим сыном и непременно хочет удочерить Виолетту. Просто слёзы! Вера до последнего ничего девочкам не говорила. А сама всё время плачет да вздыхает. Ну несправедливо же! Тот хоть и родной по крови, по документам, но совершенно чужой человек. Тоже, поди, надеется, что тут приданного полно. Хорошо бы, если бы тоже развернулся и – восвоился. А Вера со своими девочками стали бы жить-поживать...

Когда Валентин прилетел из Магадана и позвонил, чтобы договориться о встрече, Вера, хотя и готовилась к этому, растерялась. Даже расплакалась. Слава Богу, без рыданий. И слёзы её этот дядя не видел. Она всё думала, где им встретиться. Дома принимать не хотела – врага, захватчика в дом пускать не желала. С другой стороны, пусть увидит, что у девочки хорошие условия. У неё тут дом, гнездо: кровать, шкафчик, стол письменный, планшет свой. Нельзя вырывать её уже из второго дома, да в столь короткий отрезок времени такие перемены на ребёнка сваливать. Это Виолетте навредит.

Решила всё-таки не дома встречаться. И на первые смотрины Виолетту не брать. Надо на этого дядю самой глянуть, что за тип. Он даже в вацапе своё фото не ставит. С чего бы? Вот Вера тоже без фото обходится. Но это потому, что очень не любит свою внешность. Ей ещё с детства всегда все девочки казались более красивыми, чем она. Ну просто все в классе. И во взрослой жизни это ощущение осталось – некрасивости своей. Чего тогда свою рожу тыкать всем? Рада была, что дочка в Пашку – тот красавец.

Встретиться договорились в кафе недалеко от Вериного дома. Та пришла уж очень заранее, сидела у окна, смотрела на улицу и так волновалась, что озноб стал колотить. Ничего с собой поделать не могла.

Почему-то идущего по улице мужчину с мальчиком-подростком она сразу признала. Тот не был похож на Павла, но Вера подумала – он. Так и оказалось. Когда отец с сыном зашли в кафе, стали осматривать зал, Вера не подавала виду, что это с ней на встречу они пришли. Подумала, как будет искать? Валентин достал телефон... Хотя Вера поняла, что он ей звонит, но вздрогнула, когда услышала сигнал. А мужик сразу к ней направился.

Он был намного старше Павла. Очень спокоен. Добротен, но без Пашкиного шика, одет. Его сын похож на Пашку, значит, и на Вериных девочек – брат всё-таки. Поздоровались. Как-то неловко, скованно начали разговор. Вера кофе пила и ела мороженое, он предложил ещё что-то ей заказать, она отказалась. Они с сыном взяли полные обеды. И напряжённый разговор быстро повёлся по-семейному. Вкусно-невкусно, приятного аппетита, как долетели...

К сути дела оба боялись приступить. Когда поели, молчание нависло. Валентин начал первым:

– Вера, понятно, что тема для обоих не самая лёгкая. Но отмолчаться не получится. Оба знаем, зачем мы здесь. Мы с Ваней хотим забрать Виолетту. Она сирота, мы – её семья. Мы своих точно не бросаем. Старший сын мой живёт на материке, в Белгороде, мы с Ваней одни. Зарплата у меня хорошая, квартира у нас отличная, большая. Виолетта ни в чём не будет нуждаться.

Вера помолчала. Ей при мальчике неудобно было это говорить, она спросила:

– Может, мы отсыдем и поговорим с вами, Валентин?

Тот обратился к сыну:

– Вань, погуляй пару минут.

Мальчик встал, ушёл в дальний угол, устроился там за свободным столом и достал мобильный – стал играть. Самостоятельный послушный парень.

– Вы – два чужих, пока, по крайней мере, ей мужчины. Она потеряла родителей, жила в казённом доме, стресс для неё такой был. Сейчас у нас чудное бабье царство. И вдруг опять её вырывать и за тридевять земель тащить. Не каждый взрослый такое вынесет.

– Вы не хотите её отдавать? Но это не обсуждается. Мы её ближайшие родственники, девочку забираем. Извините, у вас муж есть? Нет? Умер? Разошлись?

– Ваше какое дело?

– Именно мне есть дело. Кому ещё, как не мне, родному дяде, и дело? Вы свою жизнь не особенно устроить смогли, прямо сказать, а ещё берётесь за чужую. Явится ваш, будет скандалы устраивать. Что я, мужиков в разводе не знаю? Вы – молодая, симпатичная. Не монашкой, ясен день, живёте. Дело ваше, конечно, но моей племяннице какой пример? Короче, не о чем говорить.

Вера сидела ошарашенная. Мужлан настоящий, хотя на вид не скажешь, за приличного примешь... Точно нельзя его к Виолетте подпускать. Она встала:

– Вы – хам. Урод настоящий. Моральный. А может, и педофил, – она хотела именно оскорбить, как он её оскорбил – в лицо плюнул. Дурной пример нашёл! – Чего это вы так восхотели девочку заполучить. А? Виолетту я не отдам. Не подпущу вас просто к ней. Надо же! Семейка так семейка: оба братца – сволота. И не вздумайте донимать нас, приближаться даже. В милицию заявлю.

Из кафе опрометью бросилась – не хватало, чтобы этот гад её слёзы видел. В гулящие записал! Сволочь! Да уж, стоят братцы друг друга.

Она пока займёт круговую оборону, его к Виолетте не подпустит, а через пару дней оформит отпуск и девочек к родителям увезёт. Слава Богу, каникулы. К родителям и без того собирались, но через пару недель, а надо – незамедлительно. Не будет же он тут месяцами жить? Уберётся восвоится. Надо ещё ему сказать, что у Виолетты вообще ничего нет – ни квартиры, ни машины, вещей даже нет. Может, тоже пыл пропадёт, как у первой партии набежавших горячо любящих родственников.

К городскому телефону Вера не подходила, Валентин этот звонил на мобильный, она не отвечала. И вообще с незнакомых номеров звонящим отвечать не будет: он же наверняка симку купит – названивать начнёт.

Из дома выходила, как шпион, озираясь. Два дня продержаться – и ищи нас на Кубани, Степанов Валентин, сверхмерзкий гражданин. С девочками соседка сидела, выполняя строжайшее указание: не открывать никому кроме Веры! А когда по какой-то нужде сама будет из квартиры выходить – смотреть в глазок. Соседка поначалу перепугалась от таких инструкций. Знала о коллизиях в семье Виолетты, о расстрелах и бандитах. Но Вера объяснила: дядя хочет забрать. Тут соседка уверила – только через мой труп.

...Вера уже на чемоданах сидела, когда позвонила Зинаида Ульяновна из соцслужбы. Как-то неестественно начала разговор – наигранная сверхприятность в голосе. Наконец приступила: у неё тут с заявлением и скандалом дядя Виолетты, уже и участкового подключили, уполномоченного по правам ребёнка хотят задействовать. Так что на разговор выйти придётся, иначе могут предъявить обвинение в незаконном удерживании несовершеннолетнего и прочее. Но этот Валентин Степанов говорит, что если у вас есть интерес к

квартире, счетам каким-то Виолетты, он не претендует, забирайте. Ему только девочка нужна.

Вера возмутилась:

– Только девочка ему нужна! Скромник какой. Так, мелочь – ребёнка отдайте. Жлоб! Какие счета? Нулевые. Скажите ему, вы же знаете.

– Верочка, милая, я всё знаю. С позволения, включу громкую связь. Говорите с ним через меня. Он недоумеает, какой тогда у вас интерес девочку, просто одноклассницу Виолетты, на себя взваливать? Логично.

– Не его дело.

– Нет, Верочка, машина закрутилась, и это его дело и наше. Приходите, садитесь напротив друг друга и выясните, что и кто. Обязательно с Виолеттой. Давайте сегодня же. Он человек решительных намерений, скажу тебе. Милая, он же действительно с милицией пойдёт забирать девочку, заикой оставит. Да-да (это она уже ему, видимо, говорила), заикой оставите племянницу. До такой степени любите, а не видели ни разу, оказывается. Могли бы и раньше приехать повидаться.

Было слышно, как тот что-то бубнит, но Вера не разбирала, что. Однако по репликам Зинаиды Ульяновны («Да, со всех сторон – не моё дело. А идёте ко мне») поняла, что и этот Валентин говорит, что это не её дело.

– Верочка, давайте, решим всё. Приходите. Я на вашей стороне, при нём ясно обозначаю свою позицию: я на стороне ребёнка. А ребёнок прижился в новой семье и окружён любовью и заботой. Да, разыскивали родственников, порядок такой (она опять отвечала на реплики Валентина). Но ребёнку хорошо в семье, которая его приняла. Вера, к трём часам успеете? Жду.

Девочки играли в принцесс в своей комнате. Вера позвала:

– Ваши величества, пожалуйста ко мне.

Девочки жеманно шествовали из своей комнаты, сдерживая смех. Сделали книксен, уселись на диван.

– Приехал дядя твой, Виолетта, хочет повидаться.

Обе принцессы испуганно уставились на Веру. И разревелись. Они помнили, как приезжали тётя и брат, которые хотели забрать Виолетту. Оба были уж очень толстыми, и Виолетта до слёз напугалась одного их вида и притворных улыбок, когда те полезли обниматься.

– Мы ходим с Виолеттой одни. Ты, Света, посидишь с тётей Сашей.

– Мамочка, давай не пойдём, а сбежим к бабушке с дедушкой, – предложила Света. – То вдруг Виолетку заберут?

– Сходить повидаться надо обязательно. Мы быстро, Светик.

– Нет, и я с вами, я Виолетку не отдам, – решительная Света встала с дивана и пошла переодеваться. Она ещё и ревновала немного. Потому что Вера невольно мягче относилась к Виолетте, и даже когда надо было с ней идти в больницу, Света увязывалась. Она не хотела отпускать маму одну с появившейся сестричкой.

– Я без неё не пойду, – заявила Виолетта, обнадёженная решительностью Светы не отдавать её.

Отправились все вместе.

Валентин был без сына, сидел мрачный, чтобы не сказать – злой. Глянул на Веру с неприязнью. Девочки, которых она держала за руки, прятались за её спиной. Когда все сели, и он посмотрел на них, оторопел. Перед ним – близняшки.

– Их двое? Двойня, что ли? – он растерялся.

– Одна – моя.

– Как похожи! Жесть! В маму нашу и Пашка, и Виолетта. А которая – моя?

– Я не ваша, – Виолетта заплакала. – Я Верина.

– И моя, – заявила свои права Света. – Она не ваша.

Валентин улыбнулся:

– Ну, это мы решим. У тебя брат есть. Он с тобой тоже хочет познакомиться, вот. Можем к нам поехать, у нас океан, – и Валентин раскинул руки, словно показывал, как огромен океан.

Лучше бы не говорил. Уже обе заревели, крича, перебивая друг друга: «Мама, не отдавай! Не хочу ни в какие гости. Мы к бабушке с дедушкой хотим».

Зинаида Ульяновна решительно вступила:

– Так, товарищи, разговор не детский. Повидались, Валентин Алексеевич, с племянницей. Девочек можно домой отвести. А вам встретиться вдвоём и поговорить, как взрослые разумные люди. Без угроз и прочее. Надеюсь, моё посредничество больше не нужно? Мне ещё три семьи надо посетить на дому. Верочка, я на связи.

Когда все встали, Валентин хотел поухаживать – дверь дамам открыть. Но девчонки, как испуганные зайчата, шарахались от него: Виолетта вцепилась в руку Веры, Света с другой стороны взяла руку Виолетты двумя ручонками, видимо, чтобы не вырвал этот неожиданный дядя. Вера спросила:

– Часов в шесть там же вам удобно?

– Да.

– Приходите без сына, надо серьёзно спокойно поговорить.

– Идёт.

– Если сможете, обойдитесь без хамства и жлобства. И в вашем почтенном возрасте можно попробовать что-то впервые, например, быть порядочным, – вот как уела его! Так ему и надо.

Валентин только хмыкнул.

Дома на лестничной площадке уже ждала соседка тётя Саша: она в окно высматривала депутацию. И спросить не успела, как девчонки, не дожидаясь, когда войдут в квартиру, наперебой закричали, как Виолетку хотели отобрать и увезти. Но мама сказала – не отдам, а Светка сказала – убирайся. А Виолетка сказала – не поеду.

– Ну, я не сомневалась, героини мои, – тётя Саша обняла всех троих разом и поцеловала девочек в макушки. – Меня бы взяли. Я бы тоже сказала – не отдам, убирайся, нам и без тебя хорошо.

Девочки закрылись в своей комнате, откуда то и дело раздавался то смех, то вскрики, то наступало затишье – они шептались.

– Тётя Саш, посидите с ними, мне с этим козлом надо встретиться, – Вера стала переодеваться.

Тётя Саша села на кровать, служившую и диваном в Вериной комнате, смотрела, как та наряжалась-прихорашивалась.

– Посижу, конечно, чего в таком покое не посидеть? Мой скоро телевизор-то расколотит. Никто ему никак не угодит! Все у него, как вот этот дядя с Магадья – козлы. Они, конечно, козлы, так чего смотреть тогда на них? Нет! Обязательно новости все пересмотрит, всех отмают. Всем кулаков напокажет. Герой кверху дырой. А у тебя девочки – цветочки истинные. Телевизор у тебя смотрю – одни путешествия. Мне и ехать никуда неохота, я в

телевизоре всё увидела у тебя. Мой мне и на кухне не даёт воли. Припрётся и переключит на политику или спорт. А там тоже – хвастать нечем, тоже – маюки одни летят. А этот Валентин хорош мужик? Чего наряжаешься?

– Говорю же – козёл. Хам.

– Козёл-то козёл, но говорю – хорош? Как мужик?

– Откуда я знаю?

– Ну, на внешность-то как он? Видный? Чего-то же вон фуфыришься. Вдовец, говоришь?

– Придумаете, тётъ Саш! Ерунда. Просто не хочу, чтобы он подумал, что я – бедная.

– А ты и есть бедная. Верка, ты – бедная!

– Я не бедная, а стеснённая в средствах.

– Подумай, какая фифа! Ты – сверхстеснённая в средствах. А козёл-то увидит тебя расфуфыренную и подумает, что ты приданое Виолеткино при себе пристроила и потому не хочешь из рук выпускать. Мужики ведь – примитив. Раз-два! Готово. Докумекал. Ага: вцепилась, не отдаёт. Сама вон в пух и прах. Ты же не расскажешь, что серёжки – материны, а вещи подруга-богатежка отдаёт свои, как наносится. И мне ещё перепадает. Смотри, не перестарайся с красотой. Ишь, дорого-богато. Кстати, чего Инка твоя давно ничего не приносила? На сторону отдаёт? Или обедняла, до дыр донашивает?

– Да что я, спрашивать буду? И на том спасибо. Ну вас, тётъ Саш, умеете с толку сбить.

– У кого толку нет – не собьёшь. А у кого есть – тоже не собьёшь. Давай, держи удар. Отступать некуда, за тобой – маковки твои. И мои. К старости и мой понял, что дочка – хорошее дело было бы. Как нос задирает: два сына, вы все – бракоделы с девками. А оба сыночка-то сейчас – отрезанные ломти. А была бы хоть одна дочка – мы бы горя не знали. Давай, красотка, иди, проводи переговоры на высоком уровне.

– Я ушмыгну, а вы девочкам не говорите, куда я пошла. Подумают, что передумала и отдам.

– Давай, давай. Не учи старую партизанку. Нас, брянских, пытай – не пытай...

Валентин уже ждал. Только Вера села за стол, он не спросил даже, а сказал:

– Твоя дочь – от Пашки?

Вера смутилась. Он продолжил:

– Братца своего я знаю. Ничего хорошего ты от него, судя по всему, не видела. Избаловали его. Он мало того, что младший, так ещё и на мать похож. Отец его просто обожал. И мать выласкивала его – не передать как. Так что мы сами тоже виноваты, что он у нас такой. Ты от него получила два ведра неприятностей, да ещё вот и я с довеском подсуетился. Ну, я же не знал. Сама пойми. Думаю: чужая тётя. Мать-одиночка одноклассницу дочери вдруг так возлюбила, что хочет себе на горб взвалить. Это в ранешные времена народ-то хороший был, от души всё делал. А сейчас везде один аферизм ищи. Ты извини. От всего сердца прошу – извини. Девчонки сёстрами получают. Точно – не чужие. Тут уже другой разговор. Но не однозначный.

– В каком смысле?..

– Погоди. Не однозначный. Я же тоже не могу решения менять в один день. Сына настроил, что у него – сестра. Он рад. А сейчас что? Меня юрист знакомый подковал, я свои права-то знаю. Подожди...

Вера перебила:

– Права – правами. Но девочки не просто сестрички. Если бы не Света, то Виолетты и в живых бы, наверно, не было. Это ваш юрист учитывает? Она сколько крови своей отдала. Я как дрожала: всё ли сложится нормально? И спасать надо, и свою под удар ставишь. Я же все эти круги с Виолеттой прошла, не родители, не вы – я. А сейчас тут с правами приехали на готовую здоровую девочку, отличницу.

Валентин помолчал.

– Не думал, что меня ошарашить можно. Ошарашила. Ещё раз извини, что я в первый день наплёл. Подумать надо. Ты поешь, тут кухня хорошая, поешь.

– Не хочу.

– Ну, со мной посиди, я поем. Давно за одним столом с женщиной не сидел, не ел. Посиди. Вот странно, общаться – общался с бабами, и очень разнообразно, прям сказать, а вот не ел за одним столом.

Вера осталась, пила чай. Смотрела, как Валентин ест...

Договорились на другой день встретиться. Билеты, видимо, придётся сдать. А то получится, что она похитила Виолетту. На неё же никаких документов и прав нет у Веры. Так, договорённости, добрая воля.

На другой день Валентин встретил Веру, как и договорились, после работы – она последний день перед отпуском работала. В кафе идти не хотела. Предложила просто поговорить, на лавочке посидеть, но он попросил:

– Я есть хочу. Нам готовить негде, мы же не дома. И новоявленные родственники не зовут у них остановиться, – он шутил, даже кокетничал. – У сына праздник настоящий – он сухомятку любит, а мне надо первое, второе и компот.

И когда шли, то даже под руку поддерживать пытался, словно парочка на свидании. Вера отстранялась. Уж очень он оскорбил её в первый день. Тактику сменил. Лисом вползает.

– Вам обеим ещё один плюс, Верочка, за то, что вы для Виолетты сделали, чего я сказать тут могу? На колени встать? Но ты послушай. Я юристу звонил, он говорит: заключайте формальный брак, девочку удочеряйте. И тогда она будет наша: и твоя, и моя. Конечно, она к тебе привыкла. Но может, если бы я побольше с ней общался, она бы и ко мне привыкла.

Опять за своё!

– А где мы, формальная семья, жить будем?

– Можем ко мне поехать, в Магадан.

– От меня встречного предложения не ждите. Я к себе не приглашаю.

– Плохо. Но вы можете в Москве остаться, чтобы пока всё по-старому шло, всё-таки действительно срывать с места ребёнка в чужие люди – не годится. Но я буду приезжать. Звонить буду. Создадим такую ситуацию, чтобы хорошо было всем. Мы же взрослые люди. Дети ни при чём, что мы договориться не можем. А мы можем. Вы точно можете. Я тоже. Это я не лучшие свои выкрутасы выказал, признаю. Но я могу нормальным быть. Да чё я говорю? Я вообще нормальный. В море не хожу, как овдовел. Сына нельзя одного оставлять. Капитаном был. Сейчас в конторе своей же, на берегу, хорошо получается в месяц. Нормально, в общем. Прилетать раз в квартал точно могу. Не успеете соскучиться.

Две недели, что Валентин с Ваней провели в Москве, прошли насыщенно. На другой же день, как Валентин и Вера «сговорились» и тайно подали

документы в загс, пошли кататься на теплоходе по Москве-реке. Так здорово! Вера давно мечтала с девочками проплыть. А тут вшестером – ещё тёту Сашу с собой сманили. Она в Москве всю жизнь прожила, сразу после школы на завод лимитчицей, как Пашка, приехала, а на теплоходе ни разу не катались. А тут шикарные условия: ресторан, обед, виды...

После «прогулки на водах» Вера пригласила всех в гости. Через день магаданцы перебрались сюда: Вера подселась к девочкам, освободив свою комнату для мужчин. Успели во Владимир и Боровск съездить – машину взяли напрокат. Брак заключили, никому ничего не сказав – до поры до времени. Всё равно он – формальный. Фамилию Вера взяла мужнину – стала Степановой. Как и дочь.

Расставались едва ли не лучшими друзьями. Договорились: зимние каникулы – в Магадане.

Девчонки с Ваней в день чуть не по часу по вацапу болтали. Если б не был обеим братом – влюбились бы. Вера замечала, что волнуется, когда Валентин звонит. Уезжая, он хорошие деньги оставил, стиральную машину купил. У Веры сломалась, она руками стирала и на новую всё копила. Каждый месяц Валентин переводил хорошую сумму. Она категорически отказывалась брать, а он на карту посылал – и попробуй верни их ему.

...Как им понравился Магадан! Уже с дороги от аэропорта влюбила в себя Колыма. Нашли, чем пугать. Такая красотища! Квартира у Степановых роскошная, четырёхкомнатная. Ещё жена, Оля, обустроивала.

– Вкус хороший у твоей жены, – сказала Вера.

– Раз меня выбрала – точно вкус у неё хороший. Ваня, покажи дамам их места. Будь хозяином.

Девочкам выделили комнату окнами во двор: прелестный скверик – белый снег, на деревьях шапки снеговые. Веру определили в комнату Валентина, там стояла кровать из карельской берёзы – шик настоящий. Валентин переселялся в гостиную на диван. Ваня показал свою комнату, заставленную всякими мальчишескими прибабасами, что привело девочек в восторг. Ведь действительно, получается, что они впервые увидели мальчишковую комнату.

С дороги гости очень устали, и в первый день решили никуда не ходить, а отдыхать. На следующий день отправились в Олу – городок вблизи Магадана, выехали на берег на то место, куда прибыл первый корабль с геологами. Пока стояли, делали селфи и фотографировались, к ним выплыла нерпа: вынырнула, подняла голову. Свечкой постояла, а потом ушла под воду. И больше не показывалась. Вечером сходили во Дворец культуры на выступление танцевального ансамбля «Энер». Очень понравилось. Девочки пришли домой и старались повторять движения, что видели на концерте. У Светы, которая занималась в балетной студии, лучше получалось, Виолетте стало обидно, и Света в знак солидарности перестала танцевать.

Несмотря на усталость, Вера приготовила ужин. Валентин хотел отговорить, мол, обойдёмся, можно и в кафе сходить. Она настояла:

– С домашней пищей кафе не сравнится. Ещё находитесь в столовки, без нас. Думаешь, я дома меньше устаю? Да это же одна радость – на семью готовить.

...Сквозь сон Вера почувствовала, что в комнате кто-то есть. Не успела испугаться, как вдруг на кровать кто-то сел. Конечно, может, в чужой квартире девочки спать боятся и к ней пришли? Нет, это не дети. Она боялась

вскрикнуть – разбудит, напугает. Валентин забрался под одеяло. Вера громко прошипела:

– Сбрендил? Пошёл отсюда! – стала выпихивать его.

Он был невозмутим:

– Имею не только полное право, но ещё и долг – супружеский. Не забывай, что мы – муж и жена. Могу паспорт показать, если не веришь.

– Мы же формально. Сам говорил, что не по-настоящему.

– Это я наврал. Про формальный наврал. Но обещаю, что врать больше не буду. Тебя никогда не буду обманывать. От нашей семьи братец хорошо с этим делом справился.

– Да он и не врал, кстати, не обманывал. Так получилось.

– У нас по-другому получится...

Насколько разгульным и бесшабашным был Павел, и насколько разумным и ответственным – Валентин. Уже на следующий день он отправил детей в ДК на какие-то игры. Благо, дворец через дорогу. Ваня – за старшего. Сам усадил Веру и выложил свой план: ему на выслугу можно уже через год, он собирался ещё остаться, пока Ваня школу закончит, а может, и навсегда в Магадане зажить. Можно на родину – в Курск, там и квартира есть. Но пусть решает Вера: или они с девочками переезжают в Магадан, или через пару лет все переберутся в Курск. На Москву Валентин не напрашивается.

Вере было неприятно, что он всё решил и её уступчивость истолковал, как ей казалось, вульгарно. О чём она и сказала. И они почти поругались. Когда вернулись дети, то застали Веру, готовящую на кухне ужин, а Валентина – смотрящего телевизор – по разным углам. Однако выслушать восторги детей все собрались в зале. Ужинали уже в тёплой дружеской обстановке. А спать Вера пошла к девочкам, обрадовавшись их признанию, что они немного боялись ночью в чужом доме.

Валентин пробурчал:

– Нашла службу безопасности. За спинами детей прятаться некрасиво.

На другой день отправились на день рождения товарища Валентина ещё с армейских времён: они оба остались здесь после дембеля. Сам он из Самары, жену привёз из Вологды, невестка – из Владивостока. География за столом! Валентин шутливо при всех высмеял девочек, что уже большие, а ночью одни спать боятся. Они в один голос запротестовали, сказали, что не боятся, просто с мамой лучше.

– Это ясно, что с такой мамой лучше, тут не поспоришь. Точно не боитесь одни ночью? Вот при всех скажите, – подначивал хитрован Валентин.

Вера онемела, а девочки дали слово, что они смелые, спать будут одни и маму даже не пустят.

– А если мама сама боится ночью, мы её в обиду не дадим, – никак не мог уговориться Степанов.

Вечер очень хороший был. Такие люди чудесные! Пели под гитару, танцевали. Валентин ни одного танца не пропустил, Вера даже устала. Домой шли, как многодетная семья: Вера с Валентином сзади под руку, дети впереди, о чём-то увлечённо болтая.

Девочкам так понравилось на Колыме, что предложение Вани и Валентина остаться они встретили радостными криками. Улетать не хотели ни в какую! Договорились: и летом приедут на каникулы.

...Она полюбила второй раз в жизни. Но если в Пашку втюрилась с первого взгляда, то о своём чувстве к Валентину, что это не просто симпатия,

увлечение, поняла, когда он два дня не звонил. Она извелась, просила дочерей, чтобы позвонили Ване, всё ли хорошо, но и Ваня не отвечал. Не догадалась у его друзей взять телефон! Неделю продолжалось это незнание: то ли решил, что надо разорвать отношения, то ли что-то случилось. Но не с обоими же! А Вере нервничать-то нельзя.

Позвонил через неделю: попал в аварию. Уже вышел из больницы. Всё нормально, обошлось одним зубом и синяками «на морде» и по всему телу: «Научно сказать – гематомы, а по-людски – фингалы».

Ваньке запретил выходить с ними на связь – проговорился бы.

Вера у экрана разрыдалась, а Валентин довольно улыбался:

– Вот как о любви-то можно узнать: долбануло тебя, а дурочки зарыдали. Значит, дурочки любят.

– Смешно ему! Мне волноваться-то нельзя, – проговорила Вера.

...Рожать полетела в Магадан. Хотела, чтобы местом рождения у двойни был Магадан, а Валентин очень хотел встретить жену с детьми из роддома. Когда родились старшие сыновья, он был в плавании. И ни одного сына не встречал, не нёс из роддома домой.

К дочерям в Москву приехали дед и бабушка. На Новый год они все прилетели в Магадан, а в Москву возвращались с Верой и новорожденными – Санькой и Манькой. Летом должен и папа-пенсионер перебраться к ним. А Ваня – поступать в военное училище.

Но квартиру в Магадане Валентин оставил за собой: чудесный край – Колыма.

ПОЭЗИЯ

Надежда ОХРИМЕНКО

Надежда Николаевна Охрименко – член Союза писателей России и Союза журналистов России. Окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана и народный университет рабочих корреспондентов им. М.И. Ульяновой. Автор шести поэтических сборников. Награждена дипломом 1-ой степени и медалью «России верные сыны», памятным знаком «300 лет российской журналистике», почётным дипломом Союза журналистов России, орденом В.В. Маяковского «Светить всегда»; благодарностью Министерства культуры РФ за большой вклад в развитие культуры, многолетнюю плодотворную работу (2016); наградной грамотой с вручением медали «За мастерство и подвижничество во благо русской литературы», 2020 (МГО СПР), рядом юбилейных медалей МГО СПР и других общественных организаций. Живёт в Москве.

«...И будет снова день за днём бежать вприпрыжку...»

А чуда не случится и сегодня,
И завтра, видно, нам его не ждать.
В окно глядит луна серпом холодным,
Как будто что-то силится сказать.
Но нет, молчит. Глядит весьма устало
И видит нас, мятущихся во мгле.
Для жизни здоровым людям надо мало –
Покой на грешной матушке Земле.
Который день с ума нас сводят вести:
Опасный вирус всюду за окном.
Нельзя народу быть сегодня вместе.
И завтра, послезавтра и... потом.
Коронавирус держит нас в квартирах.
Откуда он? – додумывай ответ.
И только слышим, как звучит в эфире,
Что к прошлой жизни – нам возврата нет!
Куда деваться, Господи, помилуй?!
Дай людям, Боже, мужества сполна,
Чтоб победить заразу! Дай нам силы,
Чтоб не глядеть на мир лишь из окна!

Давай с тобой уйдём в снега
 по Подмосковию,
 И пусть нас белый свет тогда –
 «мешает с кровью»!
 На даче, сонной и пустой,
 затопим печку.
 Соседский кот – он стал большой –
 придёт к крылечку.
 Кота, конечно, впустим в дом –
 сосед ведь, всё же.
 Он, ласковый, пушистый ком,
 такой пригожий!

Усядется в моих ногах,
 ужасно мудрый,
 И я промолвлю второпях,
 что скоро – утро.
 Что надо ехать до Москвы,
 где ждёт работа;
 Что лучше ждать тепла, весны,
 а не субботы...

А ты посмотришь на меня
 усталым взглядом, –
 Как будто в жизни ничего
 уже не надо, –
 Погладишь рыжего кота
 по мягкой шерсти
 И скажешь:
 – Будем до утра с котом мы вместе.

А там, коль очень хочешь ты,
 домой поедем.
 Пусть разобьются все мечты!
 Кота – к соседям!

...И будет снова день за днём
 бежать вприпрыжку,
 Оставив чувства на потом,
 как сказок книжку.

Рассвет

Рассвет вставал под сводом грозных туч,
 Луна в просветах в страхе догорала,
 И – до безумья был тогда скрипуч
 Снег под ногами... Но светло и ало

Вставала долгожданная заря.
 Свет от неё, ударившись о землю,
 Мне словно прошептал, что я не зря
 Земное зло душою не приемлю.

Холодный ветер северных широт
 Нёс за собой непоправимость стужи.
 Я знала это, знала наперёд,
 Вот потому-то мне рассвет был нужен.
 Я шла к нему. Я верила в него!
 И он вставал, багрово и могуче.
 Мне же хотелось только одного:
 Развеять роковые, злые тучи!

Спасенья не найти

Потерялась я, сердечная,
 Средь России, средь снегов.
 Не ведёт во храм богов.
 Не дорога, а ... тропиночка,
 Да не прямо, а – взигзаг.
 Вот и гнёт судьба былиночкой,
 Вот и вышло всё не так,
 Как хотелось и как грезилось
 На заре того пути.
 О любовь душа порезалась,
 И спасенья не найти!

КНИГА

К 75-летию со дня кончины
русского шахматного гения А.А. Алехина

О гибели Александра Алехина

Размышления после прочтения документальной повести Светланы Замлеловой «Александр Алехин: партия с судьбой» (М.: Эксмо, 2021)

Излагать историю жизни и смерти великих людей, к которым приковано внимание миллионов – очень ответственное и непростое занятие. Особенно осторожно следует подходить к описанию случаев трагических смертей. Люди невольно тянутся к разгадке тайн гибели Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Есенина, Моцарта, Чайковского, Гагарина и многих других Великих, внезапно и трагично ушедших из жизни. Они хотят знать правду о гибели своих кумиров.

Однако в этом деле существует очень много спекуляций двойного рода. Во-первых, на телевидении появляется всё больше передач, авторы и ведущие которых, ради привлечения внимания публики и повышения рейтинга, заняты не поисками истины, а раздуванием сенсации, используя всевозможные домыслы. Разве интересно будет телезрителю, считают они, если в первой же передаче будет научно и аргументированно

Александр Алехин (1892–1946)

Михаил ДАВИДОВ

Михаил Иванович Давидов – доцент Пермского медицинского университета, кандидат медицинских наук, врач высшей категории, автор 10 медицинских книг и более 650 научно-медицинских статей. Член Союза писателей России, автор 6 документальных повестей о жизни великих писателей – «Дуэль Пушкина», «Дело №37», «Бунт души», «Тайна смерти Гоголя» и других, опубликованных в журналах «Москва», «Урал» и отдельными изданиями, а также 65 статей по истории жизни Ф.М. Достоевского, П.И. Багратиона и других выдающихся русских людей, опубликованных в журналах «Наука и жизнь», «Уральский следопыт» и других. Включён в энциклопедию «Отечественная медико-техническая наука» (2013), лауреат премии Лермонтова, кавалер ордена Достоевского.

Живёт в Перми.

МИХАИЛ ДАВИДОВ

расставлены все точки над *i*, например, доказано, что «дятловцы» погибли в результате схода «снежной доски» и последующего общего переохлаждения туристов? Куда заманчивей годами мусолить эту тему, говоря завуалированно о неких «таинственных силах», НЛО, небесных пришельцах, которые якобы сгубили группу Игоря Дятлова. Телезрители и читатели, по их мнению, потеряют интерес, если в передаче сразу открыть истину; например, что Чайковский умер от холеры в период её эпидемии в Санкт-Петербурге, а Василия Шукшина никто не убивал, а просто не выдержало его сердце напряжённой работы без отдыха и нервных потрясений от тяжёлых жизненных ситуаций.

Вторая причина спекуляций на гибели великих – политическая и идеологическая. Великие люди умирают от

обычных заболеваний, но их болезням и смертям придают выгодную политическую или идеологическую окраску. Так, Ленин, который шараялся от женщин, как от ладана, потому что они могли отвлечь его от главного дела жизни – революции, который даже не имел детей, вдруг объявляется больным... сифилисом. Сталин, умерший, как и Ленин, от банального мозгового инсульта, всю жизнь боявшийся быть отравленным, предпринимающий для предупреждения этого огромные усилия, объявляется вдруг именно отравленным. При этом не приводится ни одного факта, одни домыслы.

Михаилу Фрунзе операция была выполнена по строгим, тщательно взвешенным медицинским показаниям. Больше суток он жил после операции, выполненной тремя выдающимися, кристальной чистоты хирургами В. Розановым, И. Грековым и А. Очкиным. Однако во множестве телепередач, статей, книг и художественных фильмов совершенно голословно, без анализа истории болезни, утверждается, что Михаила Фрунзе «зарезали» прямо на операционном столе «по личному приказу Сталина».

В последнее время огромное внимание привлекает сложная фигура единственного непобеждённого чемпиона мира по шахматам Александра Александровича Алехина (1892–1946). Напомню, что А. Алехин был чемпионом мира с 1927 по 1935 и с 1937 по 1946 гг. За карьеру он выиграл 63 крупных международных турнира. Это говорит об исключительной гениальности шахматного короля.

Всё больше разговоров идёт о перезахоронении праха А. Алехина с парижского кладбища Монпарнас на Новодевичье кладбище в Москве.

Ну как же упустить такой благоприятный момент определённым политическим силам и прозападным идеологам, пытающимся очернить историю нашей великой страны? С 1991 г. всем им, часть которых является пережившими коммунистами, так хочется именно коммунизм (от которого пережившие получили все блага, но предали его) и Советскую власть обвинить во всех смертных грехах.

Вот почему, словно грибы после дождя, растут версии убийства Александра Алехина. Якобы шахматного гения отравили, убили на улице, перерезали горло бритвой и т.п. Понятно, что, по мысли авторов версии, это могли сделать только большевики и советские спецслужбы.

Одна из популярных версий «ликвидации» Алехина советскими спецслужбами принадлежит международному мастеру по шахматам В.Д. Чашихину. В своих измышлениях он всячески пытался доказать, что Александр Алехин являлся ярким антисоветчиком, что советские спецслужбы организовали убийство чемпиона мира для того, чтобы его титул перешёл к претенденту – гражданину СССР Михаилу Ботвиннику.

Материалы о трагической гибели великих – Пушкина, Гоголя, Маяковского, Багратиона и многих других, я собираю с 1977 г., в том числе, работая в архивах, и имею по этому вопросу немало публикаций в журналах «Наука и жизнь», «Москва», «Урал», «Уральский следопыт» и других.

В этой связи, мне хочется высказаться и о точке зрения Чашихина и К, а также по поводу документальной повести Светланы Замлеловой «Александр Алехин: партия с судьбой».

В этой повести Светлана Георгиевна скрупулёзно и тщательно, словно под лупой, рассмотрела всю жизнь мирового шахматного чемпиона – от его рождения в Москве, в дворянской семье директора знаменитой Трёхгорки, и прозвища «Тише» (а звали Сашу так потому, что он с 7 лет целыми сутками занимался шахматами и просил у членов семьи тишины) до трагического финала 24 марта 1946 г., когда оборвалась его жизнь в тихом португальском городке Эшторил, на берегу Атлантического океана.

Отрадно, что С. Замлелова пишет объективно, без идейного предубеждения, смело вскрывая недостатки и сложности характера великого чемпиона и очень непростого человека, если его оценивать с обыкновенной, житейской точки зрения.

«Алехин – это не та фигура, которая нуждается в защите, а потому обелять его нет никакого смысла, – пишет она. – Он всё равно останется велик своими свершениями и своим талантом, выдающимся умом и личным масштабом» [С. 132].

Хочется остановиться на ряде фактов из жизни Алехина, тонко подмеченных известной писательницей.

Прежде всего напомнить, что Александр Алехин – ярчайший образец гения. Он обладал уникальной памятью. Алехин помнил наизусть все партии, сыгранные за 25 лет с маэстро и гроссмейстерами. Русский чемпион поражал всех игрой вслепую со зрячими противниками. Едва эмигрировав из России, в 1922 г. Александр в шахматном клубе Праги дал сеанс одновременной игры вслепую на 12 досках, выиграв 10 партий и 2 сведя вничью. В дальнейшем в Чикаго он сыграл вслепую одновременно на 32 досках и вышел победителем почти во всех поединках со зрячими опытными шахматистами. Таким образом, он, не смотря на шахматные доски, держал в голове сразу 32 партии одновременно!

С. Замлелова справедливо утверждает: вся жизнь Алехина была подчинена шахматам. Если принять за аксиому это положение, становятся понятны все необъяснимые прежде поступки этого уникального человека.

Даже его эмиграция во многом объясняется шахматами. С юных лет Александр мечтал стать чемпионом мира. В детстве он играл сам с собой и днём, и ночью. Родители иногда даже прятали от мальчика шахматы. В 16 лет

Александр получил звание гроссмейстера, в 1910 г. известный шахматист К. Шлехтер сказал о юном даровании: «Это – будущий чемпион мира».

Талант шахматиста в наивысшей степени расцвёл в Алехине к 20-22 годам. Он успел блестяще проявить себя в целом ряде довоенных международных турниров.

И тут нагрянула Первая мировая (Великая) война, затем началась Гражданская. Шахматная жизнь в России была остановлена. В дальнейшем, в 1930-х годах, она не только восстановится, но СССР превратится в самую великую шахматную державу мира. Однако годы шли, Александр взрослел и старел, уровень его шахматного мастерства с возрастом мог снизиться. И тогда – прощай, звание чемпиона мира!

«Алехин не верил, что, оставшись в Советской России, сможет стать чемпионом мира по шахматам», – пишет С. Замлелова, объясняя его эмиграцию. И доказывает, что для развития шахмат в России тогда, в годы потрясений, совершенно не было условий.

Но, по С. Замлеловой, было ещё одно обстоятельство, в связи с которым Александр Александрович был вынужден покинуть Россию.

Зиму 1918-1919 гг. Алехин провёл в Одессе. Приглашённый на Всеукраинский шахматный турнир, он не смог выехать из Одессы в Москву. Очень нуждался в деньгах, голодал и, очевидно, взял от белогвардейцев под расписку какие-то деньги, которые использовал не по прямому назначению, а на пропитание. В апреле 1919 г., когда в Одессу вошли части Красной Армии, шахматист был арестован Одесской губчека, как «пособник Антанты и белых». Лишь чудом он избежал расстрела.

Существует миф, что в Одессу приехал Троцкий, в камере сыграл партию с Алехиным, проиграл, но освободил известного шахматиста из заключения. С. Замлелова опровергла этот миф, доказав, что в этот период Троцкого не было в Одессе.

Однако Александра действительно должны были расстрелять. Спас его не Троцкий, а одесский шахматист Я. Вильнер, который отправил срочную телеграмму председателю Украинского Совнаркома Х.Г. Раковскому, а тот позвонил в Одесскую губчека и отменил расстрел за 2 часа до него.

В Москве в феврале 1921 г. «Одесское дело» А. Алехина всплыло. Он, будучи следователем Центропрозыска и, по совместительству, переводчиком Коминтерна, был вызван на допрос в ВЧК и дал показания, что будто бы никаких денег не брал. В архивах ФСБ до сих пор хранится «Дело А.А. Алехина № 228», начатое в 1921 г.

Ожидая новых вызовов в ВЧК, А.А. Алехин срочно расторгает брак с Александрой Батаевой и уже в марте 1921 г. женится по расчёту на 42-летней (!) иностранке – журналистке из Швейцарии Анне-Лизе Рюэгг, получает вместе с ней разрешение на поездку в Ригу и больше в Россию не возвращается. Поступок очень некрасивый, но тем самым Александр спас свою жизнь.

С. Замлелова установила интересный факт: все 4 жены чемпиона мира были значительно старше его. К примеру, третья жена, вдова русского генерала Надежда Васильева, была старше Алехина на 19 лет, а четвёртая, вдова чайного плантатора и владелица замка в Дьепе, Грейс Висхар, – на 16 лет. Две последние были очень богаты. Есть такая порода мужчин, ищущих женщин, которые окружали бы их материнской лаской и заботой. Да с такой возрастной женщиной и хлопот меньше: за ней не надо особенно ухаживать, не нужно ревновать, она, в отличие от юной очаровательной прелестницы, не

отвлекает от шахмат. С богатой и старой женой отношения всегда спокойные и стабильные, а, следовательно, остаётся много времени, сил и энергии на шахматы. Влюбившись в молодую очаровательную красавицу, уж точно не станешь чемпионом мира по шахматам!

По России Алехин очень тосковал, но возвратиться не мог, в том числе, из-за дела, заведённого в ВЧК. С. Замлеловой установлено, что «Дело Алехина» в НКВД изымали из архивов и снова с ним знакомились в 1938 г.

С. Замлелова убедительно опровергает распространённый миф, что Александр Алехин является антисоветчиком. Во многом этот миф держится на искажённой публикации речи нового чемпиона мира, произнесённой 15 февраля 1928 г. в Русском клубе Парижа.

Алехин находился тогда в состоянии эйфории. Он только переплыл на лайнере Атлантический океан из Буэнос-Айреса, где победил «непобедимого» кубинца Капабланку. После последней партии Александра на руках вынесли из зала и на руках донесли до отеля! Журналы и газеты размещали восторженные статьи и портреты нового чемпиона мира.

В Русском клубе Парижа Алехин увлечённо говорил о победе над Капабланкой, победе над «ничейной болезнью», захватившей шахматный мир, о новом этапе развития шахмат, когда они становятся искусством, творчеством.

Однако русские эмигрантские газеты бессовестно исказили речь нового чемпиона мира, приписав ему антисоветские высказывания. Утверждалось, будто бы «Алехин пообещал, что миф о непобедимости большевиков развеется, как развеялся миф о непобедимости Капабланки».

В ноябре 1935 г. в «Известиях» было опубликовано письмо чемпиона мира по шахматам А. Алехина, в котором он писал: «Как человек, понявший громадное значение того, что достигнуто в СССР во всех областях культурной жизни, шлю искренний привет шахматистам СССР по случаю 18-й годовщины Октябрьской революции».

Имеется немало других примеров, доказывающих, что Алехин любил Россию и русский народ и не собирался критиковать Советскую власть.

Таким образом, Алехин отнюдь не был антисоветчиком и, как справедливо замечает С. Замлелова, у советских спецслужб совершенно не было мотива устранять чемпиона мира, русского по национальности.

А после смерти Алехина титул не мог автоматически перейти к Михаилу Ботвиннику, ибо у ФИДЕ и ряда сильнейших шахматистов мира были на этот счёт совсем другие мнения. В частности, экс-чемпион мира голландец Макс Эйве и американский гроссмейстер Самуил Решевский планировали разыграть титул нового чемпиона мира в поединке между собой. После смерти А. Алехина дело могло повернуться так, что М. Ботвинника могли вообще не рассматривать как претендента на звание чемпиона мира.

Итак, Чашихин и К° и их многочисленные сторонники настаивают на том, что Александр Алехин был убит на улице, а затем труп его перемещён в отель «Парк» в португальском городке Эшторил, где проживал в то время чемпион мира в крайней бедности. Он закончил отношения со своей четвёртой (и богатой) женой, не мог пока участвовать в шахматных турнирах, поэтому в эти тяжёлые послевоенные годы имел скудные средства для существования.

Данные расследования, проведённые португальской полицией, несколько не подтверждают версию убийства, а говорят совсем о другом.

23 марта 1946 г. 53-летний Александр Алехин в 23 часа 40 минут вернулся из города в отель и поднялся в свой №43. Его видел консьерж, у которого он заказал ужин, и бармен-официант, который принёс заказанную еду прямо в номер. Всю ночь в отеле «Парк» было тихо и спокойно.

В 11 часов утра 24 марта официант Иво в сопровождении мальчика-гарсона подошли к №43, чтобы забрать посуду, и постучали в дверь. Им никто не ответил. Тогда Иво открыл дверь номера запасным гостиничным ключом.

Алехин оказался мёртв: он сидел на стуле за столом, на котором лежали частично опорожнённые тарелки с едой. Лицо мертвеца было спокойным и естественным, как будто он спал. Но тело было холодным. В правой руке мертвец держал надкушенный кусок мяса (в домашней обстановке Алехин часто ел мясо и рыбу прямо руками). Ноги Алехина были неестественно вытянуты. Голова слегка отклонена назад. В углах рта отчётливо видна пена.

Данные вскрытия показали: в гортани, на уровне голосовых связок, застрял большой непережёванный кусок мяса, который полностью перекрыл дыхательные пути для воздуха.

В свидетельстве о смерти Александра Александровича Алехина ясно и однозначно записано: «...смерть наступила в результате асфиксии (удушения), последовавшего после закупорки верхних дыхательных путей куском мяса».

У очень многих людей, не знакомых с медициной, и в те годы, и сейчас возникает внутреннее сопротивление. Как это так? Лицо трупа спокойно, он сидит (точнее, полулежит) на стуле, вытянув ноги. Ведь он, подавившись, должен был что-то делать: вскопчить, кричать, звать на помощь!

Однако никто в отеле ничего не слышал, на сделанных корреспондентом Луишем Люпи фотографиях мёртвого – он спокоен и умиротворён. К тому же, на этих фотографиях нашли несовпадения в некоторых мелочах. Например, на одном фото газета и листы бумаги лежат на верхней полке трюмо, а на другом они вдруг перекочевали на нижнюю полку. Однако следует учесть, что Люпи фотографировал умершего во время осмотра комнаты следователями, и они просто могли переложить эти предметы.

Попробуем разобраться с проблемой причины смерти Александра Алехина с научной точки зрения. Будучи доцентом-хирургом, с 1975 г. я занимаюсь проблемой инородных тел. Имею по данной проблеме защищённую диссертацию, свыше 200 статей в научно-медицинских журналах; собственный материал охватывает более 1000 больных с инородными телами различных органов человека.

Для меня, как специалиста, факт смерти гражданина А.А. Алехина вследствие асфиксии, вызванной инородным телом гортани, не выглядит ни странным, ни необычным. Этот случай с точки зрения медицинской науки – достаточно типичный.

Инородные тела дыхательных путей составляют 25,7% от числа всех инородных тел, встречающихся у людей. Попадают они в дыхательные пути в 99% случаев в результате аспирации [аспирация – лат. aspiratio (вдыхание) – проникновение посторонних веществ в дыхательные пути при вдохе]. Эта патология встречается у людей в возрасте от нескольких дней до 96 лет, несколько чаще у детей. Большинство взрослых с инородными телами дыхательных путей находятся в возрасте от 45 до 55 лет. Аспирации инородных

тел способствуют приём непережёванной пищи из-за недостаточного количества зубов, плохого их состояния, поспешной еды, отвлечения во время приёма пищи, чихании, смехе. Но особенно часто аспирируют инородные тела лица, злоупотребляющие спиртными напитками, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, так как алкоголь нарушает чувствительность слизистой полости рта и глотки.

75,7% инородных тел дыхательных путей органического происхождения – мясные и рыбьи кости, кусочки мяса, рыбы, овощей и фруктов, бобовые, рвотные массы.

В момент аспирации инородного тела наступает рефлекторный спазм голосовой щели, возникает приступ удушья, с цианозом (посинением) кожных покровов у многих больных, нередко с потерей сознания. Однако большинство аспирированных инородных тел имеют небольшие размеры и быстро проскальзывают дальше – в трахею и бронхи. При этом приступ удушья исчезает, и появляется сильный кашель. Состояние таких больных улучшается, и при правильном лечении они, как правило, выздоравливают.

При полной остановке инородного тела в гортани (а застревают здесь в 96% случаев крупные инородные тела) возникает молниеносная клиника с непосредственной угрозой жизни. Здесь счёт идёт буквально на секунды. С каждым мгновением несчастный приближается к своей смерти.

Если предмет объёмный (например, кусок мяса), застревающий на уровне голосовых связок, симптомы удушья развиваются так стремительно, что летальный исход наступает через 4–5 минут, если пациенту не будет оказана неотложная специализированная помощь. Возникает так называемая инспираторная одышка, т.е. связанная с нарушением инспирации (вдоха). Из-за невозможности вдохнуть атмосферный воздух вследствие нарушения проходимости гортани, у человека наступает асфиксия (греч. *asphyxia* – удушение; кислородное голодание и избыточное накопление углекислоты в организме человека вследствие прекращения или резкого затруднения дыхания). При этом у 75% пострадавших наступает цианоз кожи лица и шеи, однако 25% (по данным медицинской литературы и нашим наблюдениям) имеют физиологическую, нормальную окраску кожных покровов (чаще всего нормальная окраска кожи сохраняется у лиц с ослабленным питанием, голодающих, с малокровием). Если инородное тело застряло в области голосовых связок, возникает афония (греч. *arhonia* – немота, отсутствие голоса), т.е. эти люди не могут ни говорить, ни кричать, ни звать на помощь, ибо голосовые связки у них заблокированы, сдавлены. При инородных телах гортани серьёзную нагрузку испытывает сердечно-сосудистая система – возникает тахикардия (учащение сердечных сокращений) до 100–180 ударов в минуту и другие расстройства со стороны сердца.

Если инородное тело небольшое и из гортани проскальзывает ниже, в трахею или бронхи, человеку становится легче, он уже способен к движениям, проявляет двигательную активность, вскакивает, кричит, натужно кашляет, пытается откашлять аспирированное инородное тело. Я наблюдал больного, который через несколько часов после случайной аспирации откашлял аспирированную швейную иглу из бронха (локализация в бронхе была доказана рентгенологически).

Если же имеется крупный кусок мяса или другой пищи (размером 2 см. и более), который прочно застрял в гортани, то человек теряет сознание через полторы – две минуты и умирает в течение 4–5 минут от момента

проглатывания предмета. Эти больные находятся в таком крайне тяжёлом, критическом, состоянии, что, как правило, не могут существенно изменить положение, передвигаться; остаются лежать или сидеть, иногда слегка содрогаются в конвульсиях; находившиеся в вертикальном положении – падают при потере сознания.

На вскрытии цианоз кожных покровов фиксируется не у всех умерших от асфиксии. Например, при анемии (малокровии) его вообще не бывает. Также и лицо умершего может быть внешне спокойным. Как часто мне приходилось видеть муки и страдания умирающего больного от различных заболеваний, а, приходя на вскрытие, обнаруживать спокойное, умиротворённое лицо усопшего. Впрочем, тот, кто часто посещает похороны, знает: лица подавляющего большинства умерших выглядят спокойными. Ведь у покойника расслабляются мышцы лица.

Летальность при крупных инородных телах гортани достигает 85–98%. Необходимо в течение 4–5 минут или сделать интубацию, т.е. ввести в дыхательные пути больного специальную интубационную трубку, через которую затем подаётся кислород, или извлечь инородное тело специальными эндоскопическими инструментами, что выполняет анестезиолог-реаниматолог, эндоскопист или ЛОР-врач. Но всё это возможно только в условиях больницы, куда надо за 1–2 минуты успеть доставить больного.

На дому ещё можно попытаться сделать трахеостомию, т.е. разрез трахеи ниже локализации инородного тела. В литературе описаны казуистические случаи, когда врачи или посторонние лица прямо на улице или на дому у такого задыхающегося больного вскрывали трахею перочинным или складным ножом и иногда таким путём спасали человека.

А сейчас вернемся к нашему именованному пациенту. Что необычного мы видим в летальном исходе гражданина Алехина А.А., у которого на вскрытии был найден крупный кусок мяса в гортани на уровне голосовых связок? *Абсолютно ничего!* Этот случай – самый обыкновенный, и он закономерно закончился смертью.

Следует отметить, что А. Алехин имел два существенных предрасполагающих фактора, чтобы аспирировать инородное тело в дыхательные пути.

Во-первых, все последние недели перед несчастным случаем ежедневно принимал алкоголь, причём в больших дозах. Алкоголь вызывал нарушение чувствительности слизистой оболочки полости рта и глотки, повышая риск случайной аспирации предметов.

Во-вторых, у шахматного короля было очень плохое состояние зубов, что нарушало пережёвывание пищи. Алехин с молодого возраста страдал кариесом и хроническим периоститом. Проблемы с зубами проявились у него ещё в 1927 г., во время исторического матча за звание чемпиона мира с Капабланкой. Из-за периостита (и флюса) Алехину в разгар игры пришлось удалить сразу 6 зубов. И в дальнейшем кариес продолжался и делал своё чёрное дело по уничтожению и порче зубов чемпиона мира. Конечно, у него были вставные зубы, но эффективность пережёвывания пищи вставными зубами снижается в несколько раз по сравнению с естественными.

Войдя в 23 часа 40 минут 23 марта в свой номер и дождавшись, когда бармен-официант принесёт ужин, Алехин уселся за стол на стул и принялся за трапезу. Была съедена очень небольшая часть пищи (по свидетельству бармена, увидевшего стол утром), когда шахматный король, взяв в правую руку большой кусок мяса, принялся поглощать его. Из-за снижения

чувствительности слизистой полости рта и глотки алкоголем и плохого состояния зубов (и, возможно, какого-то отвлечения внимания) достаточно большой непережёванный кусок мяса из глотки вместо пищевода попал в дыхательные пути больного. На уровне голосовых связок, где гортань очень узкая, он, естественно, застрял и не мог пройти через голосовую щель. Больной потерял способность вдыхать воздух, лёгкие спались, газообмен в организме нарушился, через 45–60 секунд возникло тяжёлое, критическое состояние, сопровождающееся тахикардией, и затем – потеря сознания. Пациент лишь успел откинуть назад голову и непроизвольно вытянуть ноги; возможности подняться, встать, из-за быстро наступившего удушья и потери сознания у него не было. Кричать и звать на помощь он никак не мог, ибо инородное тело (кусок мяса) сдавило голосовые связки. Из-за острой дыхательной и вторично наступившей сердечно-сосудистой недостаточности у больного появилась пена в углах рта. Через 4–5 минут от момента обтурации гортани инородным телом наступила остановка сердца.

Примеров трагической смерти от асфиксии – множество. Вспомним, как погибли космонавты Добровольский, Волков и Пацаев. В кабине космического корабля «Союз» наступила разгерметизация. Открылся ошибочно клапан, через который из кабины корабля стал уходить воздух. Можно было приподняться, чтобы закрыть этот клапан. Но космонавты не смогли это сделать, из-за асфиксии и гипоксии они потеряли способность к движению, а через несколько десятков секунд потеряли сознание. Когда открыли люк в приземлившемся спускаемом аппарате, все три космонавта спокойно сидели в своих креслах и казались уснувшими. Лица их были спокойными и умиротворёнными. Но они были мертвы.

С. Замлелова по документальным материалам скрупулёзно изучила состояние сердечно-сосудистой системы чемпиона мира. Оказывается, ещё в 1914 г. на медицинской комиссии в Германии у Александра нашли сердечную патологию. По этой причине его не призвали на воинскую службу ни в Великую, ни в Гражданскую войну. С возрастом у пациента из-за напряжённой мозговой деятельности и постоянных переживаний возникли атеросклероз, гипертоническая болезнь (систолическое артериальное давление повышалось до 280 мм рт. ст.), ишемическая болезнь сердца. Летом 1945 г. испанский врач К. Ругарсия осматривал Алехина в Хихоне и обнаружил у него увеличенную печень, поставив диагноз алкогольного цирроза. Однако, как показало вскрытие, испанский эскулап ошибся – печень пациента была увеличена не из-за цирроза, а вследствие хронической сердечной недостаточности, что бывает нередко.

Тяжёлые приступы стенокардии наблюдались у Алехина в 1946 г., когда он уже находился в португальском городке Эшторил. Первый приступ случился в январе, когда шахматист получил известие о том, что ему отказано в участии в крупном международном турнире в Лондоне из-за его антисемитизма и якобы пособничества фашистам. Второй тяжёлый приступ стенокардии произошёл у Алехина в начале марта, уже от положительных эмоций – ему сообщили, что вскоре должен состояться матч за звание чемпиона мира между ним и претендентом – Михаилом Ботвинником. Таким образом, Алехин превращался из изгоя, временно не имеющего средств к существованию, в прежнего кумира миллионов, вновь мог оказаться в зените всеобщего внимания и мог покончить с нагрянувшей бедностью, так как должен был получить за участие в матче солидный гонорар.

В романе Александра Котова «Белые и чёрные» и в художественном фильме «Белый снег России» утверждается, что чемпион мира скоропостижно скончался именно от сердечной патологии – инфаркта миокарда.

Точка зрения Александра Котова, автора романа и сценариста фильма, мне понятна. Алехин получает телеграмму из Москвы о вызове от М. Ботвинника, в состоянии возбуждения возвращается в отель, расставляет шахматные фигуры, начиная продумывать варианты игры, восклицает: «Да, именно так надо играть против Ботвинника!». Внезапно гроссмейстер хватается за сердце и замирает в кресле – скоропостижная смерть от инфаркта. Как это выглядит красиво, какие эмоции вызывает у зрителя!

А сейчас представьте всё то же самое, за исключением причины смерти. Маэстро берёт большой кусок мяса руками, ест, непрожёванный кусочек мяса попадает в дыхательное горло и застревает там, вызвав нелепую смерть. Вся красота финала художественного фильма исчезает.

Но жизнь – это не художественный фильм! В жизни случаются не только красивые, эффектные сцены. В жизни могут произойти некрасивые, непоэтичные вещи, как, например, удушение от случайного попадания банального непрожёванного куса мяса.

На определённую, но не решающую, роль патологии сердца в патогенезе смерти Алехина указывает С. Замлелова. Светлана Георгиевна считает, что инородное тело, попав в гортань, могло спровоцировать аритмию и остановку большого сердца шахматиста.

Теоретически это возможно. Но в практической медицине таких конкретных и доказанных случаев в мировой литературе я не нашёл.

Врачи, наблюдавшие Алехина, прежде не находили у него аритмии сердца. Важно, что на вскрытии инфаркта миокарда не было установлено. Хотя и отмечены явления атеросклероза коронарных (венечных) сосудов сердца, что было причиной его ишемической болезни с приступами стенокардии.

Таким образом, прямой связи между сердечной патологией и летальным исходом вскрытие не установило.

И всё же С. Замлелова, указывая на плохое состояние сердца у А. Алехина, во многом права. Дыхательная и сердечно-сосудистая системы взаимосвязаны, и сердечная недостаточность усиливает дыхательную недостаточность.

Неважное состояние сердечно-сосудистой системы Алехина в какой-то степени усугубило ситуацию и могло на несколько десятков секунд приблизить летальный исход, по сравнению с пациентами, имеющими нормальное состояние сердечно-сосудистой системы. Но в медицинской практике встречались тысячи больных с абсолютно здоровым сердцем, которые быстро погибали от асфиксии в результате перекрытия просвета дыхательных путей.

Таким образом, патология сердечно-сосудистой системы у А.А. Алехина не является непосредственной причиной его смерти. Она имеет лишь косвенное значение в его летальном исходе.

Вернёмся к популярной версии отравления великого шахматиста. Стронники её уверены: тот же бармен Иво или кто-то другой (опять же, выполняя указания НКВД, Москвы) подсыпали-де яд в пищу Алехина.

Надо сказать, что португальские следователи версию отравления Алехина первоначально считали основной, живо ухватившись за неё. Однако она рассыпалась, словно картонный домик, после вскрытия, проведённого опытными судебно-медицинскими экспертами в морге Лиссабона. Во время аутопсии у Алехина в первую очередь взяли содержимое желудка и проверили его

на содержание всевозможных ядов. При тщательном лабораторном исследовании яды не были обнаружены ни в содержимом желудка, ни в крови, ни в других жидкостях.

В желудке и двенадцатиперстной кишке на вскрытии были обнаружены лёгкие явления гастродуоденита (воспаление слизистой этих органов). Никакого отношения к смерти шахматиста это нетяжёлое заболевание не имеет. По данным современных врачей-эндоскопистов, гастродуоденит встречается у 30-37% всех людей и не считается патологией, угрожающей жизни.

С. Замлелова убедительно опровергает версию убийства А.А. Алехина, на которой упорно настаивали многие, особенно С.Н. Ткаченко, утверждавший, что шахматного короля убили «чекисты, выполнявшие задание руководства НКВД».

С. Замлелова пишет: «С.Н. Ткаченко предположил, что Алехина могли убить на улице, притащить в отель, бросить в кресло, а пену [на угол рта, как признак асфиксии] нанесли искусственную. <...> Перемещение трупа с места на место – стопроцентная фантазия, не выдерживающая критики. Для того, чтобы занести в отель труп незамеченным, нужно умудриться миновать персонал, посетителей и случайные взгляды... Войти в гостиницу с трупом крупного 53-летнего мужчины незамеченным попросту нереально. <...> Даже если бы Алехин был убит на улице, тащить его в отель было бы крайне неосмотрительно, весьма рискованно и совершенно бессмысленно. Ну и лежал бы себе труп на улице, а когда бы нашли, зафиксировали смерть от сердечного приступа» [С. 181-183].

Самое главное опровержение версии убийства Алехина – на его теле не было обнаружено ни пулевых, ни ножевых ран, ни других каких-либо следов насилия.

Светлана Замлелова негодует по поводу того, что в последние десятилетия в СМИ (даже российских!) льют целые реки лжи на прошлое России, а «виновниками всех бед часто называются большевики, демонизированные темы, кто так настойчиво добивался разрушения СССР» [С. 162]. Раздуваемая история «убийства» Александра Алехина – лишнее тому подтверждение.

Документальная повесть «Александр Алехин: партия с судьбой» – несомненная удача замечательного писателя Светланы Замлеловой. Это яркое талантливое бескомпромиссное произведение безусловно поможет читателю разобраться в той наброшенной антироссийскими идеологами паутине домыслов, фальсификаций и лжи, опутавшей тайну смерти великого и непревзойдённого чемпиона мира, навечно вписавшего своё имя в историю.

С. Замлелова описала жизнь русского гения Александра Алехина правдиво и честно, не боясь указать на сложный характер шахматного короля и его некоторые некрасивые поступки в жизни, значительно уступающие по красоте его шахматным партиям.

Однако Александр Алехин, как всякий неординарный человек, интересен и дорог нам таким, каким он был, со всеми своими недостатками и достоинствами.

ПОЭЗИЯ

Пётр ГУЛДЕДАВА

Пётр Георгиевич Гулдедава – член МГО СП России и Академии российской литературы. Автор четырнадцати книг поэзии и прозы. Дипломант и лауреат московских и всероссийских конкурсов.
Живёт в Москве.

«Я не в обиде на огни и воды...»

*В беспамятстве раздробленных корней,
В кишащей однобокости истории
Мы что-то в нас такое опозорили,
Что часто не похожи на людей.*

Лариса Патракова

Небесным Духом славен человек,
А разум упирается в земное,
Но наша жизнь, увы, не что иное,
Как тест длиною в человеческий век.

Привыкшему сиротский хлеб жевать
Легко понять в жестоком споре с веком,
Что если выпал жребий выживать,
Непросто оставаться человеком.

И в битве жизни замыкают круг
Гармония единства с мирозданьем
И мозг, не ослеплённый многознаньем
Займствованной мудрости наук.

Мы на Земле не гости и не дети,
И каждый должен столько пережить,
Чтоб осознать, сколь многое на свете
Дороже первобытной жажды жить.

Пускай и не похожи на богов
Те, кто достойно носят образ Божий,
Зато они в святые воды вхожи,
В которых нет ни дна, ни берегов.

Как ни пытаюсь Божий дар беречь,
Но «шастаю» по тропам ренегатства,
На птичью радость мимолётных встреч
Расходуя душевное богатство.

Не ведаю, восторг или беду
Преподнесёт стезя моя кривая,
Но, спотыкаясь, всё-таки иду
Вперёд и вверх, с трудом одолевая

Злой хохот эльфов и матёрых фей
Эпохи словоблудного распутства, –
К безмолвью соловьиных матерей,
Дарящих миру гениев искусства.

Чем сильнее утопаем в земном,
Чем тернистей дорога к загробью,
Тем скорей прозреваем умом
И сознаньем, омытыми скорбью.
Нас иные влекут берега,
И души воспарившая птица
Отвергает соблазны врага,
И туда начинает стремиться,
Где свечами сияет амвон
И внушают нам думы благие
Колокольный целительный звон
И молитвенный взлёт литургии.

Мы веру носим, как манто,
И метим в ангельские сонмы,
При этом максимум на то
В самовлюблённости способны,

Что спорадически неожиданно
Являя как бы альтруизм,
Держать за пазухой спонтанный
Ретивый рационализм.

В морях неволи ищем броды,
С трудом доводим досуха,
Но с достижением свободы
Спешим на скользкий путь греха.

Я у судьбы не кланчил подаваний,
И понял, испытал её на вкус,
Что, если ты дозрел до покаяний,
То негативный опыт – это плюс.

И не напрасно ты горел и дрог,
Во всём стараясь доходить до сути
Сквозь пыль непредсказуемых дорог
По веткам не угаданных распутий.

Я не в обиде на огни и воды, –
Не так меня томит их злая суть,
Как попусту растроченные годы
На груз грехов, теперь теснящих грудь.

Я вроде бы почти не замечаю,
Как годы теребят меня и мнут,
Но, словно кровь из раны, ощущаю
Капель летящих в прошлое минут.

ИНТЕРВЬЮ

Вадим ЧЕКУНОВ

«Она забудется, вся эта сегодняшняя премиальщина...»

Беседа Светланы ЗАМЛЕЛОВОЙ с главным редактором портала «Альтернативная литература», писателем Вадимом ЧЕКУНОВЫМ

– Вадим, Вы – прежде всего прозаик. Но и выступив в качестве критика, Вы заявили о себе уверенно и громко. А что же всё-таки побудило Вас, как пел Аркадий Велюров, «переквалифицироваться»? Или же, если речь не идёт о переквалификации, взяться за рассмотрение, анализ чужих текстов, зачастую не приносящих ни радости, ни пользы душе?

– Дело, полагаю, не во мне, а в том, что назрела ситуация. Наша литература серьёзно больна. Читателей настолько перепичкали откровенной дрянью, выдавая её за литературные достижения, что люди просто ждали, когда кто-нибудь раздаст сёстрам по серьгам. И сделает этот процесс увлекательным, заставя всю литературную лакейскую нервничать и пыхтеть. Ведь совершенно верно у Замятина сказано: «Смех – самое сильное оружие. Смехом можно убить всё». Смех оказался эффективным оружием против нынешних «царей горы». Люди пишут, что у меня получается – уж если не прихлопнуть всё это непотребство (я всё же оцениваю ситуацию реально), то хотя бы разворошить гнездо. Рад этому, значит, правильное и нужное дело затеяно. Я ведь даже не столько прозаик, сколько просто человек, который всю жизнь с литературой дело имеет – выпускник филфака МГУ, работал после выпуска преподавателем русского языка для иностранцев. Книжки тоже писал, да. Правда, всегда был в стороне от «тусовки» и «литпроцесса» – у меня и характер такой, и жизнь складывается таким образом, что я больше сам по себе. Однажды меня пригласили поработать в издательстве «Популярная

Вадим Владимирович Чекунов – современный российский писатель и литературный критик. Автор романов «Кирза», «Шанхай. Любовь подонка» и др. Родился в 1970 г. в Москве. Самыми яркими годами детства называет 1980-1983, когда семья Вадима жила на Кубе, где отец работал в Институте русского языка. На Кубе Чекунов встречался и с легендарным Фиделем Кастро – тот приезжал с приветствием в школу для советских детей. Позднее семья Чекуновых приехала обратно в Союз, где Вадим окончил школу и поступил в МГУ на филологический факультет, решив стать преподавателем русского для иностранных студентов.

Живёт в Шанхае (Китай).

литература» редактором. А через какое-то время пригласили в АСТ, там я тоже занимался жанровой литературой несколько лет. На мне была ответственность за ежемесячный выход продукции сразу в нескольких книжных сериях. А что это значит? Открываешь присланную рукопись, а там первый же абзац: «Одев шлем на свою голову, капитан на полусогнутых в коленях ногах перебежал сквозь лужайку и спрятался за пень. Он был мокрый и тяжело дышал». И ты не можешь, хохоча, это выкинуть в корзину. Потому что – план, серийные графики, другого текста нет. Надо издавать. И всё это дело отчаянно выправляешь, чтобы успеть запулить на вёрстку, а по ночам тебе снится шумно дышащий пень на полусогнутых в коленях ногах... Особых претензий к этим бедным авторам у меня не было – в массе своей это ведь неизвестные рабочие лошадки, почти ничего за свои «труды» не получающие. Но грела мысль – ведь есть же редакции, издающие настоящую литературу. Тем более редакция Елены Шубиной была по соседству. Я посматривал на них и завидовал – у них-то, думал, с пнями и коленями наверняка всё по-другому... Но толком почитать, что за книги там выходят, не удавалось – урывками только, потому что все силы на корчевание пней уходили. Ну а потом случилась очередная поездка в Китай, и появилось время наверстать упущенное, почитать «с чувством, с толком, с расстановкой» так называемую «большую литературу». Премировальную. И вот сначала возникло сильное недоумение, а потом оно сменилось ещё более сильным чувством, но в печати нельзя прямо его обозначить, а все эвфемизмы мне кажутся блёклыми. И я понял, что есть что сказать, чем поделиться.

– После публикации Ваших статей поднимается шум в стане критикуемых. Это было бы понятно, если бы, в стремлении оспорить Ваши замечания, литераторы говорили о литературе. Но главный аргумент всегда таков: критикуешь, потому что завидуешь. Или, как написал недавно один такой писатель и защитник корпоративных интересов, «толпа неудачников набрасывается на талантливых авторов и начинает самовыражаться на полях их текстов, выдавая это за критику». И вот интересно: что такое в литературе «удача» или «неудача»? Неужели главная удача – это быть изданным в редакции Елены Шубиной и попасть хотя бы в длинный список одной из престижных премий?

– Помню это высказывание, да – смешные моменты ведь хорошо запоминаются. Комичность ситуации особенно прелестна: во-первых, метавший такие вот инвективы защитник сам-то разбираемую повесть, оказывается, вообще на тот момент не читал. Он просто верил, что она «страстная и хорошая». На вопрос, на чём же основана такая вера, отвечал: «Потому что верю, что автор – ответственный человек!» К тому же, этот защитник около года терпеливо ожидал высочайшего соизволения редакции Елены Шубиной издать его книгу. Не дождался, кстате, завяло дело. Но веры не теряет, свою лояльность старательно повсюду фиксирует. Я предложил ему честный диспут – чтобы он всё же повесть прочёл и высказался о ней в виде рецензии, например. Иначе как-то нелепо выглядит обвинение в «горлопанстве». Но в ответ тишина. Спросил его о критериях удачливости автора – результат такой же. Вот раньше все шутили про «я Пастернака не читал, но осуждаю», а теперь ещё веселее время настало – «я прекрасную книгу замечательного автора не читал, но критика всё равно считаю никчёмным неудачником».

Да чего уж там, совсем недавно бренд-менеджер РЕШ (*Редакция Елены Шубиной* – С.З.) (изумительной красоты девица, между прочим) тоже на своей фейсбучной странице короновала литераторов (живых и здравствующих, современных) на «состоявшихся» и «несостоявшихся». Первые, понятное дело, это те, которых издали в редакции, на которую она работает. Это нормально. Вторые же – вот с ними не совсем ясно. Менеджер-красавица не соизволила прояснить вопрос. Спрашивал её про тех литераторов-неудачников, которым вообще при жизни славы вкусить не вышло – ну там, Кафка, По, Стендаль... Нет ответа.

Думаю, действительно всё проще в сознании у таких: издался в престижной редакции, вот и состоялся. А не издался (читай: не пустили на порог, оставили зябнуть на морозе) – так и завидуешь всем, кто вхож, кто «в обойме», «в тусовке». О зависти и неудачливости наши оппоненты любят рассуждать много и часто. Видать, хорошо владеют темой. «Тявкающие шизофреники», «злые бездарности», «просто глупцы», «глаза заплыли банальной завистью», «раздутое самомнение при мелком человеческом калибре»... Это все от одной лишь авторессы в одном комментарии – о тех, кто не восхитился ее романом.

Набоков совершенно верно определил пошлость как ложную, поддельную значительность. В нынешней литературе и литературной критике пошлость чувствует себя вольготно.

– В критике, применительно к современной российской словесности премиального извода, Вы используете такой термин: «антиотечественная литература». Расскажите, пожалуйста, читателю, что скрывается за этими словами? Точнее, что Вы вкладываете в эти слова?

– Я о Китае говорил уже, что часто приезжаю в эту страну. Дело в том, что моя семья международная – жена у меня китаянка. Разумеется, я никакой не эмигрант – ещё только меня китаяцам и не хватает для полного счастья, у них и своих граждан почти полтора миллиарда в наличии. Но мы, конечно, постоянно навещаем страну. Вот как на дачу люди ездят, так мы – в Китай. Сейчас из-за вируса и закрытия границ застряли тут на какое-то время. Я не сильно сожалею – ведь Китай такая страна, которую всю жизнь изучать можно с неугасающим интересом. В последнее время всё больше стал обращать внимание на китайский патриотизм – причём не официальный, а именно повседневный, среди обычных людей. Не перестаёт удивлять трепетное отношение китайцев к своей истории, к прошлому и настоящему. А ведь радужной их историю назвать никак нельзя.

Иногда мне кажется, что они на нас посмотрели и правильные выводы сделали. Тут не найдёт понимания повесть о друзьях-самураях, отрубавших головы китаяцам в Нанкине и потом «страдающих» от своего участия в войне, развлекаясь туризмом и искусством – а у нас по водолазкинской коллаборационистской повести спектакли с радостью ставятся. Тут никто не будет публиковать и награждать авторессу, сочиняющую рассказ о том, как Председатель Мао гоняет по улицам Пекина на авто и давит людей для развлечения. Или как китайская медсестра спасает японского солдата-подранка, бросив на произвол своих. А у нас госпожа Яхина награждается на государственном уровне премиями и грамотами.

Кстати, какого-либо табу на описание тёмного опыта прошлых лет в китайской литературе не существует. Вот, пожалуйста, популярный автор Лю

Цысинь (тот, который книгу «Блуждающая Земля» написал, не так давно сняли отличный фильм по произведению), есть у него известный роман «Задача трёх тел», так там очень впечатляющее начало – как раз описывается хунвейбинская расправа над людьми на площади. Ну, было такое, да. Но в китайской современной литературе вы не встретите ни смакования, ни откровенного очернительства недавнего прошлого. Не только из-за цензуры, хотя она, конечно, присутствует. И не факт, что она существует во вред обществу. Цензура (имею в виду государственную) порой наоборот, поневоле помогает авторам становиться более искусными, достигать высот и тонкостей в подаче материала. А вот корпоративная, частная цензура, которая у нас процветает – убивает живое слово напрочь. Ну и разнузданность, полная развязанность добивают то, что остаётся. Но вернёмся к китайцам. Что вызывает у меня восхищение и уважение – у них самих нет потребности в прошлом специально ковыряться, копаться, беречь. Мне кажется, потому что они не желают этим пачкать своё настоящее и будущее.

Наша же российская премиальная литература, та, что крутится в шорт-листах и награждается – какое-то невероятное месиво из антисоветчины, русофобских установок и пошлятины. Далеко ходить не надо – премия «Большая книга». Та самая, которая призвана «исправлять наши нравы и вносить вклад в культуру России», по словам прописавшегося в жюри Водолазкина. Ну, как он сам наши нравы и культуру исправляет, я уже говорил. Может, другие как-то иначе себя там проявляют? Вот косноязычный Селуков тоже вносит посильный вклад в культуру, навязчиво рассказывает о мастурбации и бухалове. Вот Синицкая в «сказочной, игровой манере» опошляет медаль «За оборону Ленинграда» (*В романе С. Синицкой «Сияние “жемужаха”», вошедшем в короткий список национальной литературной премии «Большая книга», ручной удав Машенька во время ленинградской блокады охотится на крыс, за что Машеньку после войны награждают медалью «За оборону Ленинграда» и грамотой «За отличную работу по укреплению санитарной обороны СССР» – С.З.*), а чтобы вклад не был слишком мал, в довесок глумится над бойцами Красной армии на Волховском фронте, лепя из них зомбаков. Есть ещё места для вкладов в историю и культуру – можно и дальше продолжать, медалью «За оборону Севастополя» наградить черепаху из красного уголка, а за «Оборону Сталинграда» – привесить крокодилу из зоологического сада... Кто у нас там ещё? Ну Шамиль Идиатуллин на их фоне почти ангел, он хотя бы просто написал скучнейший нудный текст: люди-репродукторы вяло потрахиваются, а в свободное от этого занятия время (а его много у них) страницами вещают фейсбучные манифесты на тему «как власть в России плоха и как засрато всё». Ещё бы – серия-то называется «Актуальный роман», благословение редакции ЕШ! А ещё в шорт-лист угодил объёмистый и невозможный для чтения «кирпич» Кибирова, тенденциозная, замшелая антисоветчина и плевки во власть нынешнюю.

Я вовсе не оголтелый моралист, сталинист или запутинец, но вот это всё производит очень тягостное впечатление на меня. Не могу называть эту литературу современной отечественной. Она однозначно направлена против культуры, народа, истории, родины. Я бы и литературой её не называл, честное слово, но так как премии у нас официально называются «литературными», то смирился, во избежание путаницы. Пусть будет литература, но эта литература – против нас. Это современная антиотечественная литература, тщательно культивируемая.

– Современную премиальную литературу зачастую отличает кое-что общее: с одной стороны, как будто принципиальное косноязычие, скука и обилие нелепостей (вроде переселения крымских татар в 1942 г.), с другой – неприменная русофобия, обязательный антисоветизм и вдобавок что-нибудь богомерзкое и патологическое. Порой возникает впечатление, что это две стороны одной медали: неважно, как написано, лишь бы попротивней. Как Вы думаете, есть ли такая связь на самом деле или это фантазии конспирологов?

– Совсем недавно с одним из знакомых писателей беседовал на эту тему, он высказал замечательную теорию: «Такое впечатление, что из нас специально выковыывают сталинистов и гомофобов». В этой шутке доля истины есть – чем мощнее поток патологической «премиальности», тем сильнее наше неприятие этих мерзостей. Бездарность и отвратительность продукции, которую нам хотят скормить, меня даже радует. Вот фильм Бортко «Собаچه сердце», который я, прекрасно понимая, с какой целью он был снят, всё равно очень люблю. И если бы вся нынешняя антисоветчина была бы такого же высочайшего качества – как зритель или читатель я получал бы эстетическое удовольствие, да, но как гражданин я бы сильно беспокоился. К счастью, нынешние поделки столь убоги, что вызывают лишь одно желание – как следует высмеять их вместе с творцами и издателями. Почему у Бортко получился отличный фильм? Потому что там был порыв души. Пусть он идеологически чуждый мне, но я его силу чувствую и ценю. А у нынешних этого нет, там лишь расчётливость и угодливость. Ну и желание подкормиться, подзаработать, не сильно напрягаясь.

Конечно, какие-то внутренние патологии мировосприятия тоже нельзя списывать со счетов – достаточно лишь взглянуть, что отбирается для публикации в серии «Книжная полка Вадима Левенталя», кого там активно пиарят в качестве «интеллектуальных авторов». Это питерское гнездо литераторов-девиантов. В Москве в АСТ есть Илья Данишевский, там под его патронажем публикуются творческие личности из тех, что охлаждённых кур себе отнюдь не в авоську засовывают или причиндалы к брусчатке прибывают.

Так что какие уж тут конспирологические фантазии – горькая реальность наших дней.

– Те, кто, возмущаясь критикой, прибегают к такой сомнительной терминологии как «неудачники», «завистники», «злопыхатели», «аутсайдеры» и пр., либо искренне не понимают, либо делают вид, что не понимают, что именно раздражает многих в околопремиальной возне. Ведь писателей, в том числе и талантливых, немало как в столицах, так и в регионах. Но если автор не попал в премиальный список, а попадают туда отнюдь не за таланты, его как будто и нет. При этом неискущённому читателю внушается, что вот, например, Гузель Яхина – отрада российской словесности. Как, по-Вашему, что всё это значит: все эти премии, странные писатели и их тексты – весь этот шабаш с Роспечатью во главе? Преступный картель, коррупционная структура, пятая колонна, «враг под крылом редактора» или что-то ещё? Другими словами, почему писателей стали назначать, да ещё и выбирая для этого не самых одарённых людей?

– Кроме обязательных коррупции, «блата», круговой поруки и лизоблюдства ещё в литературной тусовке огромную роль играет заказ. Качество текста никого не интересует вообще. Никто книг не читает. Всё, что от книги требуется издательству – это её продать. Поэтому существуют целые команды

критиков-лакеев и ручных авторов с обязательством хвалить вышедшие книги своих коллег.

Вот Яхина, да. В кулуарах утверждают, что была чуть ли не разрядка и приказ всем писателям и прочему люду, кто желал ехать на Фракфуртскую ярмарку: непременно расхваливать «Зулейху». На этом смешно погорел даже такой «титан» как Прилепин – послушно выполнив указание, расхвалил «по-человечески глубокий, серьёзный роман». Так как Прилепин врёт часто и много, то через пять лет он забыл напрочь об этом и проболтался, что Яхину вообще не читал. Когда люди стали недоумевать – опомнился и подправил свой пост, снова соврав: мол, лишь половину романа прочитал, потом настало время подвигов в Донбассе, руки не доходили. Ну вот так и все дочитывает этот «серьёзный, глубокий роман», уже шестой год пошёл. Видать, и впрямь роман серьёзный. Может, и зря я так строго к Евгению Николаевичу?.. И смех, и грех, конечно.

На «Зулейху» был однозначный заказ. Некие силы, финансово и политически весьма влиятельные, однозначно с антиотечественной идеологией и интересами, разыграли всё как по нотам – найдена безропотная авторесса-марионетка, никому не известная, к ней была приставлена престижнейшая редакция, тут как тут нарисовался заботливый духовный покровитель-писатель, издающийся всё в той же престижной редакции (ну что там умалчивать – тот самый, который повестью про друзей-фашистов наши нравы исправлять пытался), моментально во всех книжных сделали выкладки, повсюду появились постеры и вообще пошла оголтелая рекламная кампания, ещё продать ничего не успели, уже нарекли «бестселлером», подсутились с сериалом... Да можно было бы лишь порадоваться за успех книги и автора – вот по-человечески, по-хорошему так. Как редактор, я обожаю это чувство – это даже не радость, это какая-то эйфория, счастье, когда удаётся отыскать хорошего автора с прекрасными текстами и добиться их выхода в виде книг. Но в случае с Яхиной и её поделкой «Зулейха открывает глаза» – совсем другие чувства. Бездарная авторесса, лживый и беспомощный текст, отвратительная редактура, откровенно враждебный посыл – из этого делают «событие», это протаскивают в большую литературу. Мишустин награждает авторессу правительственной премией... Понятно, что он, как и Прилепин, Яхину не читал и не будет, но всё равно стыдно за весь этот балаган.

Но яхины нужны. Ведь с талантливыми людьми очень сложно. Талант, настоящий талант – плохо управляем. Талант самостоятелен, независим, он и послать куда подальше может. А нынешние «лауреаты» – ни за что и никогда. Таланта у них нет, зато есть важнее вещи – статус, местечко, знакомства. Кто ж в здравом уме под собой сук рубить будет и к кормушке задом поворачиваться?.. Эти годами наращивают и плетут паутинки связей, ползают по ним, укрепляют и поглаживают друг друга по мохнатым спинкам... Эти будут делать всё, что им скажут, лишь бы остаться в системе.

– Доводилось слышать от читателей, несведущих в премиальных премудростях и незнакомых с писательскими буднями, как они представляют себе вхождение в «большую литературу». Допустим, некий человек написал роман, отправил его в издательство. Там прочитали и, если роман хорош, воскликнули что-то вроде «новый Гоголь явился», после чего бросились издавать. Издав, передали тираж во все магазины страны, развезли по международным ярмаркам, разослали переводчикам, а заодно выдвинули автора

на соискание какой-нибудь престижной премии. Жюри опять же прочитало, вспомнило Гоголя, присудило главный приз. После чего «новый Гоголь» является миру, зрители аплодируют. Могли бы Вы рассказать такому читателю, как устроена вся эта система? Каков путь от рукописи до, условно говоря, международной выставки-ярмарки?

– Писать гениальный роман и потом мыкаться с ним по издательствам – гиблое дело. Никто его читать не будет. Тем более, если самотёком отправить – можно сразу о дальнейшем забыть. Кандидат в новые Гоголи должен чётко осознать – никому его текст в издательстве не нужен вообще. В смысле, никому не интересно, что он там пишет. Издательство производит книжную продукцию. Если возникнет тренд на изготовление книг, где на страницах вместо букв будут, допустим, разводы натурального кала – издательство с лёгким сердцем будет выпускать и такие книги. Топовые авторы будут выходить в сериях, где субстанция наносится кистями вручную, середнячкам будет выводить узоры специальная машина-пульвелизатор, а жанровые низовые книги будут просто обмакиваться в чаны, высушиваться и продаваться. Будет спрос на такое – будут такое делать. Вот что нужно знать новому Гоголю в первую очередь об интересности и ценности своей рукописи для издательства.

Новый Гоголь, если хочет вкусить славы и погреться на верхушке, должен быть действительно новым, современным. Активно использовать соцсети, вести блоги, где надо сосредоточиться на двух важных моментах – критике страны (советский и постсоветский периоды нужно охватить обязательно) и подобострастном общении с той частью литтусовки, которая сейчас «рулит». Это очень важно. Вход в так называемую «большую литературу» – не через тексты, а через тусовку. Без вариантов. Хочешь попасть – действуй соответствующе.

Например, в заветной мечте многих авторов – в РЕШ – внимательно следят за «поведением в сети». Могут запросто публичную выволочку устроить, выговор вклеить. Да вот тому самому автору, которого мы в самом начале беседы вспоминали, нынешнему защитнику «талантливых авторов», несколько лет назад шубинская красавица-менеджер как раз грозилась пальцем и ставила на вид, какое-то он непозволительное вольнодумство проявлять пытался. Не беда, что девица на четверть века его моложе – предупреждала она его со всей строгостью. Автор потом выводы сделал и к перстню с монограммой «РЕШ» губами припасть пытался, но пятно в личном деле помешало, как я уже говорил. А могут людям рассылать личные сообщения с намёками на нежелательность общения и дружбы с неугодными. В общем, новый Гоголь должен умело дружить с кем надо и метко плевать в кого укажет тусовка. На это уйдёт уйма сил и времени, но так как творчество никому не нужно, то и беспокоиться не о чем. Дружить (для начала хотя бы в сети) надо не только с редакцией, но с её фаворитами – лайкать, комментировать, оттачивать себя в хвалебных отзывах на книги и регулярно посещать пятиминутки ненависти в адрес псевдокритиков, троллей и завистников.

Это тяжёлый ежедневный труд, я так полагаю, но если человек поставил себе цель прорваться в «боллитру», пусть овладевает наукой лакейства в совершенстве. А там уж как карты лягут. Заметят, одобряют – появится шанс на покровительство. Я вот сейчас наблюдаю за одним «молодым автором», из исследовательского интереса. Он одно время мыкался в сети по разным литгруппировкам, всё не мог определиться, против кого дружить. Но главную мечту не скрывал – издаться именно у Шубиной. Пишет он плохо, но зато понял две вещи – надо сосредоточиться на полировке именно тех, о ком

грезил, и попытаться заинтересовать их именно тем, что им близко. И вот автор нащупал, как ему показалось, чем можно попытаться привлечь к себе внимание – собирается писать роман о Зимней войне. Ну вы знаете – огромный СССР беспричинно и коварно напал на маленькую, но гордую Финляндию, трагедия целого народа, страшные потери, которые отзываются болью в сердцах людей до сих пор, проблема воинских захоронений... Если думаете, что про наши сердца и боль автор собирается писать, разочарую: нет, про финские. Мудро – с прицелом на выход в переводах. А русья и есть русья, тем более если ещё и русья-солдат, коммунист, тут уж к гадалке не ходи, что такой автор там про наших советских людей напишет. Я по простоте и добротности этому автору однажды написал: мол, если уж копаешь тему, интересуйся, могу скинуть много материала по «Карельской авантюре». Страшного материала, кровь леденеет, когда читаешь, что творили те, кто с территории Финляндии в Советскую Карелию вторгся. В ответ – тишина. Это неинтересно, это невыгодно. Над финскими могилами всплакнуть в нынешней литературе – куда как прагматичнее. Водолазкин не даст соврать, опять же.

Так что, уважаемые новые Гоголи и Моголи, путь у вас один – через пресмыкание, лакейство, целование ступенек высочайшего крыльца, покорное ожидание в сенях и чётко выраженную антиотечественную гражданскую позицию. И упаси вас бог от малейшего скепсиса по поводу премиальных бездарностей – мигом лишитесь надежд. Литтусовка злопамятна и припомнит при случае обязательно. Да и не факт, что вас постигнет удача в итоге – это закрытая корпорация, вы можете всю жизнь на крыльце прождать.

– Лет десять назад в интернете была опубликована статья господина Рудалёва «Мы победили!». В статье утверждалось, что некие «мы» «затуманили всем мозг и отформатировали литературу, сделав из неё “новый реализм”. Мы для кого-то – агрессивные бездари-сорняки, расчищающие локтями себе место под солнцем. Но уже совсем скоро никто и не вспомнит, что может быть что-то иное». Кстати, там же говорилось: «Мы – победители, все кто не с нами – аутсайдеры с выжженным тавром неудачника». Как Вы считаете, действительно агрессивные бездари-сорняки победили, затуманив всем мозг и переформатировав русскую литературу под себя, или же это победа в сражении – не в войне?

– Рудалёва очень люблю, это один из самых комичных персонажей современной литературной критики. Воздушный акробат, умеющий мгновенно переобуваться в прыжках. Вертлявый флюгер и прыгучий ковёрный в литлакейской. Вот буквально на днях этот, с позволения сказать, критик писал одному автору, давно уже выступающему против сложившейся системы в литературе. Орфографию Рудалёва сохраняю: «о деревянная башка - подленький затейник-подстрекатель секты агрессивных графоманов. видный графоман с позывным «карась от мороженый» свою чешую решил раскидать. ликуй в своей норе».

Ну, в конце концов, всякое бывает в литмире. Бывает, не любит критик автора, и хоть ты тресни. Плюс многое зависит от внутренней культуры человека. Я бы не обратил особого внимания, если бы не читал рудалёвскую статью об этом же авторе, но писанную в другие времена. Тогда автор считался «своим». Не могу устоять супротив соловьиных трелей, приведу цитату: «Читая Карасёва, к месту или нет, вспоминаешь Гаршина и Куприна, Бабеля и Зоценко, с которыми у автора ощущается преемственность, возникает

масса ассоциаций, переключек с отечественной традицией малых прозаических жанров. <...> В технике письма Карасёв тяготеет к особой импрессионистичности. Он не вязнет в деталях и подробностях. Его война чеканится ёмкой и отточенной, будто штык, фразой, смысловая нагрузка которой при кажущейся простоте – колоссальна».

Вот такая критика штука. Смешно, но грустно.

И всё же к недалёкому Рудалёву стоит прислушиваться – он никакой отсебятины не позволяет, изрекает только то, что угодно нынешним его почитателям – тем, кто по его мнению, «под солнцем». В принципе, он многое верно написал в своём манифесте. Да, всё заросло бездарями-сорняками, да, они пытаются тех, кто им противостоит, всячески подвергнуть маргинализации. И писателям достаётся, и критикам. Совсем недавно Герман Садулаев целый пост написал на тему, какой ваш покорный слуга никому не известный, мелкий, никчёмный, но активно ищущий славы на хайпе человек. Жаль, он не пояснил, что со славой потом мне делать – солить, сушить или в сыром виде ею давиться...

А критикессе Жучковой в ответ на её кокетливые хождения по острым краям сделали внушение – дама быстро поняла опасность и полностью присмирела, впряглась в облуживание литпроцесса. Теперь искупает вину своеобразной декларацией: мол, некая кучка дурачков-маргиналов «воюет с премиальными книгами» (что, разумеется, полная чепуха – люди просто недовольны, что в премиальных списках сплошняком отвратительно плохие книги, но это не война, а нормальное читательское недоумение). «Думаю, пока они не отстреляются, умным людям на этом поле делать нечего» – вот так теперь подаётся происходящее. Всё же больше это смешно, чем грустно.

Но тот же Рудалёв человек не сильно глубоких ума и памяти. Он ошибается в главном: мы-то помним, как было что-то иное, и мы хотим иного, и мы будем за это иное бороться.

Знаете, что вселяет оптимизм? Что вот те сорняки, которыми всё засажено сейчас, они, в отличие от природных собратьев, не так уж и живучи. Без подпитки не выживут, и многие из них – однолетки. Что отличает хорошую литературу от дрянной? Хорошую читатель с удовольствием перечитывает. А плохую – проглатывает. Она забудется, вся эта сегодняшняя премиальщина. Она зыбка, как и все так милые их сердцу места в рейтинге. Для хорошей литературы место в сердце читателя – там она хранится до конца жизни.

– Священник Андрей Ткачёв заявил, что никогда не станет ругать советскую власть хотя бы потому, что именно она дала ему и другим детям из простых семей – как он выразился, «сирромахам» – рафинированное, дворянское литературное образование. Русские классики – Пушкин, Баратынский, Тургенев, Толстой – писали для дворян, не рассчитывая, что крестьянин или рабочий станет читать их сочинения. Действительно, представим, что крестьянин, пусть даже с ЦПШ за спиной, открыл «Войну и мир» на первой странице... Как открыл, так и закрыл. И дело не во французском языке. Поэтому отец Андрей и утверждает, что, научившись понимать дворян через литературу, через образы литературы, он и сам как бы стал дворянином. Во всяком случае, его сознание оказалось на уровне сознания дворянина XIX века. А как можно охарактеризовать образование, если в школе преподают современную российскую литературу? С каким сознанием выйдет человек после таких уроков?

– Отец Андрей – умный человек, что тут можно ещё сказать. Мои предки – крестьяне. Так что моя семья обязана советской власти всем, включая подаренное счастье общения с книгами.

Мы стремительно теряем всё, чего за советские годы удалось достичь – и навыки качественного чтения тоже. Доводилось мне, работая редактором, давать объявление о наборе так называемых «ридеров», тестирующих читателей. Так знаете – больше половины людей, желающих подзаработать на чтении текстов, были не в состоянии прочесть и понять текст объявления. Я даже подумал, его как-то неправильно составили, что ли... Нет, просто молодые люди в массе разучились читать.

С нынешней школьной программой беда полная. Может, я утомил уже китайскими примерами, но, слушайте, не передать моего изумления, когда я первый раз увидел китайских школьников младших классов, которые читали «Как закалялась сталь». Известная книга в КНР, входит в программу. А у нас её убрали, и чем заменили – Солженицыным? Надеюсь, у меня получится договориться с учителем литературы в русской школе, что некоторых современных писателей мои дети читать не будут. А то уже и по «военным рассказам» Яхиной начинают «общечеловеческим ценностям» детей обучать некоторые учителя-энтузиасты.

– Возможна ли сегодня в России внятная и справедливая государственная поддержка литературы, или это утопия, один из подарков советской власти, оставшихся в прошлом? И нужна ли вообще такая поддержка?

– Поддержка всегда нужна. Мы же видим, как эффективна клановая поддержка тех, кто правит бал в нынешней ситуации – пропихивание «своих», кто «в обойме». Ну и пусть автор косноязычен в своём избитом и глуповатом «вторчестве», зато если кому надо понравился – протащат, защитят, опубликуют, похвалят, выдвинут на премию. Далеко ходить не надо, достаточно полюбоваться на один из последних проектов Юзефовича-отца – на фейсбучного «автора» Павла Селукова. Не куда-то там, а на «Большую книгу» уже выдвинут. Ну или всё ту же Яхину вспомнить снова – неужели без поддержки это творческое недоразумение смогло бы появиться?

Но о справедливой государственной поддержке даже мечтать не стоит, пока у нас в реальности не совсем справедливое государство. К сожалению, сейчас государственная поддержка литературы такова, что обрекает её на вырождение. Да не только литература – кино и театр тоже под ударами.

Если положение не изменится – поддержку и дальше будут оказывать друг другу только те, о ком мы сегодня говорили. Они будут поддерживать исключительно своих и вытаптывать остальных. Ещё и дурака валять при этом. Взгляните, как Аствацатуров юродствует: «Но вот обратите внимание: например, в магазинах мало книжных новинок. Новых имён практически не появляется. Я – какое-то странное, загадочное, смешное исключение». Понятно, что он это городит для непосвящённых. Надо же – человек со стороны нашёлся, случайно вытянул счастливый билет... Он хороший человек, отличный филолог, прекрасный учёный – но вот «в виде исключения» стал новым именем в литературе вдруг. И пытается других убедить в этом.

– Вадим, расскажите, пожалуйста, о портале «Альтернативная литература». Для чего он был создан: как коммерческий проект, просто ещё один литературный сайт или как «наш ответ Чемберлену»?

– Светлана, с Вашего позволения, можно я под конец передам микрофон своим коллегам с Альтерлита? А то я уже много всего говорил. Мы ребята скромные, решили для себя: дело не в нас, дело – в деле. Поэтому без должностей и имён, просто скажем, что такое для нас «Альтернативная литература».

«Мы начинали этот проект как площадку для независимых и творческих людей, и сейчас мы начинаем его перезагрузку. Альтерлит всегда работал для авторов и дальше будет работать для них же. Мы ждём креативщиков всех мастей для любых интересных вам и нам совместных проектов».

«Мой девиз: “Всё дело в авторах”.

Вспоминается, как люди мне рассказывали свои истории о том, что с ними произошло, когда читали изданного нами Свешникова, его “Кошку с собакой”. Или Раевскую. Кто-то выздоровел; кому-то книги помогли пережить страшное время в больнице с маленьким ребёнком; а кто-то решил уже погубить, вдруг встал с кровати после прочтения».

«Альтерлит, каким я его вижу в будущем – он и для читателя. Взыскательного, требовательного, внимательного. Потому что без читателей вся литература ни о чём. И тут очень важно найти точку равновесия – нам нужны не только “крепкие” авторы, нам нужны и читатели».

«Создан Альтерлит давно и в первую очередь не как коммерческий проект и не как ответы чемберленам разных мастей, а как инструмент для поиска и продвижения талантливых авторов, комментаторов и просто как сообщество созвучных друг другу людей. Чем, собственно, остаётся и по сей день. Это как воплощение негасимой надежды на хорошие тексты и хороших писателей».

Мне остаётся только к словам коллег добавить, что для меня Альтерлит это возможность наконец-то заниматься любимым делом – помогать талантам пробиваться к читателю. Я достаточно нагрешил перед ноосферой, готова к печати романы про шумнодышащие пни. Настало время грехи искупать.

Вадим, спасибо за то, что нашли время побеседовать, за интересный и во многом поучительный рассказ. Наверное, остаётся набраться терпения и спокойно сидеть на берегу реки, ожидая, пока сорняки увянут. Будем оптимистами!

Светлана Георгиевна Заммелова – родилась в АлмаАте. Окончила РГГУ. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор книг прозы «Гностики и фарисеи» (повести и рассказы), «Посадские сказки», «Блудные дети» (роман), «Исход» (роман) и др. Автор переводов французской и болгарской поэзии. Кандидат философских наук (МГУ им. Ломоносова), автор философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искариоте в XX-XXI вв.» Отмечена Благодарностью Министерства культуры РФ

Живёт в Сергиевом Посаде.

«Он за свою веру пошёл бы на плаху»

Штрихи к портрету
Константина Аксакова

В первых числах ноября 1843 года, когда последняя листва уже облетела с деревьев, московские обыватели заметили на Большой Дмитровке крепкого телосложения молодого человека с бородой и в несколько необычной одежде: длиннополом кафтане, сапогах с загнутыми носками и мурмолке. После этого незнакомца видели в том же наряде в других местах Первопрестольной. Как писал современник, большинство народа принимало этого человека за персиянина.

Впрочем, не станем томить читателя догадками, а сразу назовём его имя. Это – Константин

Николай Александрович Карташов – родился в 1957 г. на Белгородчине. Окончил Воронежский государственный университет и Новосибирское высшее военнополитическое общевойсковое училище. Проходил службу в Вооружённых Силах и правоохранительных органах. Автор и составитель более 20 книг, среди которых «Мытари», «Верую в верность», «Солдаты казны», «Служивый народ», «Станкевич», «Жизнь Станкевича», «Крамской», «Ватутин» и других. Секретарь Союза писателей России. Член правления Московской городской организации Союза писателей России. Удостоен государственных, ведомственных и общественных наград. Заслуженный работник культуры РФ. Лауреат ряда творческих премий. Живёт в Москве.

Константин Аксаков

Аксаков, глава славянофилов России. О причастности его к этому движению как раз и свидетельствовала исконно русская одежда, в которую он был облачён.

...Константин Сергеевич Аксаков, мыслитель, поэт и публицист, родился 29 марта (10 апреля) 1817 года в селе Ново-Аксаково Оренбургской губернии. Он происходил из знаменитой семьи. Его отец Сергей Тимофеевич Аксаков уже в ту пору слыл известным писателем. А литературную славу ему впоследствии принесут произведения – «Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Записки об ужении рыбы», «Аленький цветочек». К слову сказать, издаваемые и читаемые по сей день. Что касается Ольги Семёновны Заплатиной, матери Аксакова, то она была дочерью генерала.

Детство будущего славянофила прошло в имении отца. В большой семье Аксаковых царил патриархальная атмосфера, характерная для устоявшегося мира русской дворянской усадьбы. В 1826 году Аксаковы переехали в Москву. Как было принято в дворянских семьях, начальное образование дети получали дома. Первым учителем Константина был отец. Именно он привил сыну любовь к русским корням и ко всему русскому. Мальчик оказался очень способным учеником, он «выдавался своими дарованиями, любознательностью и серьёзными занятиями». Ему даже дали прозвище «Маленький оратор». В возрасте 15 лет Аксаков поступил в Московский университет на словесное отделение, о чём позднее с восторгом написал в стихах:

*И вместе мы сошлись сюда
С краёв России необъятной,
Для просвещённого труда,
Для цели светлой, благодатной!*

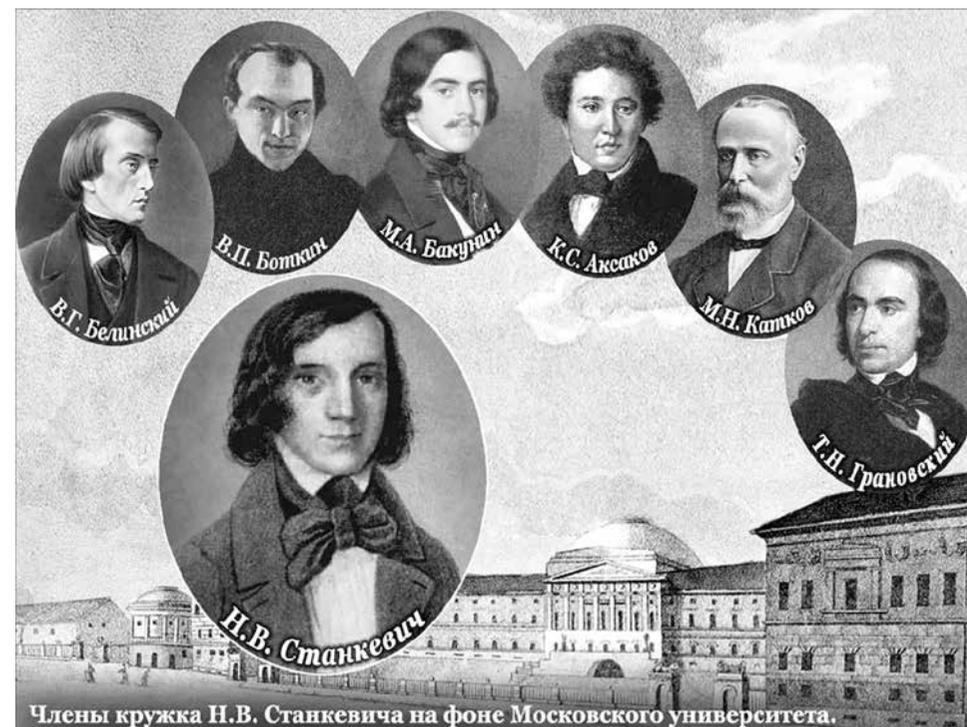
*Здесь развивается наш ум
И просвещённой пищи просит;
Отсюда юноша выносит
Зерно благих, полезных дум.*

*Здесь крепнет воля, и далёкой
Видней становится наш путь,
И чувством истины высокой
Вздывается младая грудь!*

В стенах университета судьба свела его с Николаем Станкевичем. И хотя Аксаков не учился со Станкевичем на одном курсе (он поступил в университет на два года позже, в 1832 году), но его, как и других студентов, привлекла к себе яркая и притягательная личность Станкевича. Практически сразу их связали узы дружбы.

Станкевич относил Аксакова к числу наиболее образованных своих друзей и шутливо именовал его «зевающим энтузиастом». Тот не обижался, хотя и был очень обидчив. Хорошо зная это, Станкевич даже предупреждал резковатого Виссариона Белинского: «Надобно с ним быть поделикатнее... в нём есть многие стороны, стоящие уважения, и он малый умный!»

В свою очередь Белинский так говорил об Аксакове: «Славный, чудный человек! Но молод так, что даже Катков (член кружка Станкевича. – Н. К.) годится ему в дедушки. В нём есть всё – и сила, и энергия, и глубокость духа,

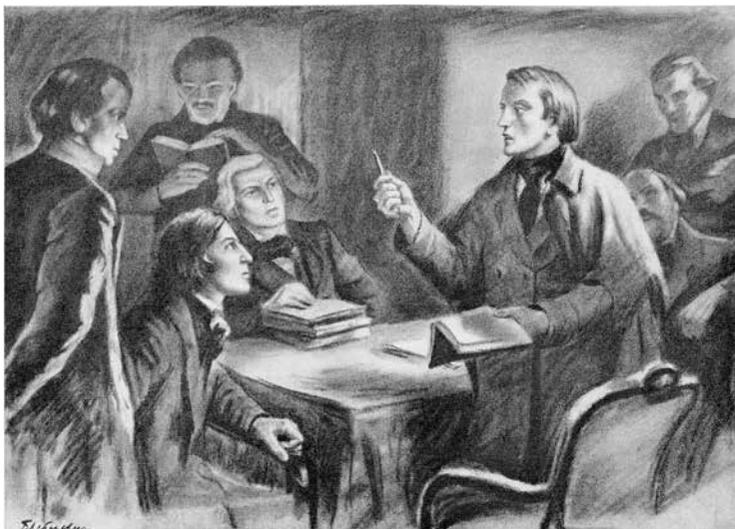

но в нём есть один недостаток, который меня глубоко огорчает. Это – не прекраснотушное, которое пройдёт с годами, но какой-то *китайский* элемент, который примешался к прекрасным элементам его духа. Коли он во что засядет, так, во-первых, засядет по уши, а во-вторых – во сто лет не вытащите вы его из того ощущениеца или того понятияца, которое от праздности забредёт в его, впрочем, необыкновенно умную голову».

Писатель и мемуарист И.И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» весьма живописно создал портрет Аксакова: «Его открытое, широкое, несколько татарское лицо имело между тем что-то привлекательное; в его несколько неуклюжих движениях, в его манере говорить (он говорил о любимых своих предметах нараспев), во всей его фигуре выражалась честность, прямота, твёрдость и благородство; в его маленьких глазках сверкало то бесконечное добродушие, то ничем не преодолимое упорство...».

Юный Аксаков принимал самое активное участие в работе кружка Станкевича, проводил в нём каждый вечер и, как сам признавался, «не мог от этого кружка оторваться». О своём кружковском периоде он впоследствии подробно написал в своих «Воспоминаниях студентства 1832-1835 гг.». Вот строки из его рассказа:

«В 1832 году лучшие студенты собирались у Станкевича. Это были все молодые люди, ещё в первой поре своей юности. Некоторые из них даже не имели права называть себя юношами. Товарищество, общие интересы, взаимное влечение связывали между собой человек десять студентов. Если бы кто-нибудь заглянул вечером в низенькие комнаты, наполненные табачным дымом, то бы увидел живую, разнообразную картину: в дыму гремели фортепианы, слышалось пение, раздавались громкие голоса; юные, бодрые лица виднелись со всех сторон; за фортепианами сидел молодой человек

Кружок
Станкевича

прекрасной наружности; тёмные, почти чёрные волосы опускались по вискам его, прекрасные, живые, умные глаза одушевляли его физиономию».

И далее:

«Станкевич сам был человек совершенно простой, без претензии, и даже несколько боявшийся претензии, человек необыкновенного и глубокого ума; главный интерес его была чистая мысль. Не бывши собственно диалектиком, он в спорах так строго, логически и ясно говорил, что самые щегольские диалектики, как Надеждин и Бакунин, должны были ему уступать. В существе его не было односторонности; искусство, красота, изящество много для него значили. Он имел сильное значение в своём кругу, но это значение было вполне свободно и законно, и отношение друзей к Станкевичу, невольно признававших его превосходство, было проникнуто свободною любовью, без всякого чувства зависимости. Скажу ещё, что Бакунин не доходил при Станкевиче до крайне безжизненных и бездушных выводов мысли, а Белинский ещё воздерживал при нём свои буйные хулы».

Но и Аксаков любил поспорить. На собраниях кружка, где кипели жаркие словесные баталии, касающиеся вопросов литературы, философии, искусства, он с фанатической запальчивостью отстаивал свою точку зрения. И что характерно: Аксаков был искренне убеждён в своей исключительной правоте. В кружке он считался наиболее истинным шеллингянцем, особенно в сфере эстетики. Одной из ключевых идей эстетики Аксакова была мысль о полной отрешённости искусства от грубой прозы жизни. Он считал, что художник – это творец, силой своего воображения создающий прекрасное. «Поэзия – творчество, – писал Аксаков в одном из своих писем, – поэт не трудится, а творит, а может ли для творца одно быть трудным, а другое лёгким; трудность и лёгкость могут быть там, где есть *усилие*, а здесь усилия быть не может, потому что здесь – творчество».

Однако увлечение шеллингянством не мешало Аксакову впитывать в себя от Станкевича многие плодотворные идеи, которые способствовали его развитию, позволили глубже познакомиться с произведениями современной литературы. Именно благодаря Станкевичу Аксаков сумел распознать трескучую поэзию В.Г. Бенедиктова, а также высоко оценить талант Н.В. Гоголя, его повести и комедию «Ревизор».

К слову сказать, ни в одном московском салоне или кружке не читали так Гоголя, как в кругу Станкевича. А читали его запоем, что и подтверждает в одном из писем сам Станкевич: «Собираемся у меня, читаем Гоголя».

Всем без исключения нравился его совершенно новый язык, подкупающий своей простотой, силой, меткостью и поразительной точностью. Настоящий же восторг у членов кружка вызывал тонкий гоголевский юмор.

Аксаков вспоминал: «В те года только что появлялись творения Гоголя; дышащие новою небывалою художественностью, как действовали они тогда на всё юношество, и в особенности кружок Станкевича! Во время нашего студентства вышло “Новоселье”, альманах; там была повесть Гоголя “О том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”. Помню я то впечатление, какое она произвела. Что может равняться радостному, сильному чувству художественного откровения? Как освежало, ободряло оно души всех! Как само постепенное появление изданий гениального художника оживляло, двигало общество! Рад я, что испытал и видел всё это. Станкевич ценил очень верно и тонко художественность Гоголя, особенно в безделицах. Вскоре после выхода его и моего из университета Станкевич достал как-то в рукописи “Колыхку” Гоголя, вскоре потом напечатанную в “Современнике”. У Станкевича был я и Белинский; мы приготовились слушать, заранее уже полны удовольствия. Станкевич прочёл первые строки: “Городок Б. очень повеселел с тех пор, как начал в нём стоять кавалерийский полк...” – и вдруг нами овладел смех, смех несказанный; все мы трое смеялись, и долго смех не унимался. Мы смеялись не от чего-нибудь забавного или смешного, но от того внутреннего веселия и радостного чувства, которым преисполнились мы, держа в руках и готовясь читать Гоголя. Наконец, смех наш прекратился, и мы прочли с величайшим удовольствием этот маленький рассказ, в котором, как и в других созданиях Гоголя, и полнота, и совершенство искусства. Станкевич читал очень хорошо».

Аксакову посчастливилось неоднократно встречаться с Гоголем. Одна из встреч с великим писателем состоялась в мае 1835 года в доме Аксаковых. В тот день Гоголь решил прочитать собравшимся свою новую комедию «Женитьбы» – первый вариант будущей «Женитьбы». В назначенный час в хлебосольной семье Аксаковых собралось много гостей, в том числе Станкевич и Белинский, все ожидали автора. Гоголь должен был подойти к обеденному столу, но он опаздывал, что, кстати, нередко с ним случалось. Было уже пять часов, и хозяин Сергей Тимофеевич Аксаков велел подавать проголодавшимся гостям кушать. И тут появился Гоголь. «Но, увы, наши ожидания не сбылись, – вспоминал позже С.Т. Аксаков. – Гоголь сказал, что никак не может прочесть нам комедию, а потому и не принёс с собой».

В последующие годы Аксаков воздаст должное творчеству великого писателя. В 1842 году он напишет критическую брошюру «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мёртвые души”». В этой работе автор сравнил Гоголя с Гомером, а его поэму – с русскими былинами.

С юных лет Константин Аксаков писал стихи. До наших дней сохранилось около двухсот его стихотворений и драматическая пародия в стихах «Олег под Константинополем». Примечательно, что добрая половина этих стихов была написана в период его пребывания в кружке Станкевича. Уже тогда будущий первый наш критик Виссарион Белинский назвал Аксакова «человеком с необыкновенным поэтическим дарованием».

Темы раннего и последующего творчества поэта – природа, родная земля и русский народ, которые он безмерно любил.

*Что лучше может быть природы!
Взгляни, чисты небеса!
Взгляни, как тихо льются воды,
Как на цветах блестит роса!
Послушай – внемлешь ли ты пенье
Неподкупных лесных певцов?
Кто им внушает вдохновенье?
Кто учит языку богов?*

Многие из его стихов студенческих лет, где поэт прославляет любовь, природу, счастье, «прелестное земное бытие», публиковались в «Телескопе», «Молве», «Московском наблюдателе», других московских и петербургских изданиях.

После окончания университета Аксаков плодотворно трудился на литературной и общественно-политической ниве. Поэзия, публицистика, драматургия, переводы, литературная критика, филология – вот области, в которых проявился его незаурядный талант. В конце 1837 года Аксаков успешно защитил магистерскую диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».

Однако в историю России друг Станкевича вошёл как главный идеолог славянофильства. После знакомства в конце 30-х годов с основателями славянофильства – А.С. Хомяковым и И.В. Киреевским – Аксаков, напитавшись их мыслями, становится последователем идей своих новых друзей. В 1837 году он начал создавать славянофильскую теорию общественно-политического устройства и систему эстетических взглядов, используя при этом передовой опыт европейской философской мысли.

«Русская история имеет значение всемирной исповеди. Она может читаться, как жития святых», – считал Аксаков. Он неоднократно подчёркивал, что назначение России было явить на земле христианский народ по верованию, стремлению, по духу своей жизни и, сколько то возможно, по своим действиям. Именно по началам веры и зовётся Русь «Святой Русью». Но этому христианскому стремлению, по мнению Аксакова, нанёс тяжёлый вред «важнейший из всех переворотов» – петровский, коснувшийся «самых корней родного дерева».

«Пётр захотел образовать могущество и славу земную, захотел, следовательно, оторвать Русь от родных источников её жизни, захотел втолкнуть Русь на путь Запада, путь ложный и опасный», – писал он в своей статье «Семисотлетие Москвы».

Эта статья, опубликованная в 1846 году в «Московских ведомостях», вызвала огромный резонанс. Автор осуждал Петра I за перенос столицы из Москвы в Петербург, настаивал на том, что у Москвы особое значение – мессианское. Русь, по Аксакову, – патриархальная и общинная, она сакральна, а царица-Москва, её центр и символ – средоточие этой сакральности.

За публикацию статьи редактор получил выговор от властей, а в обоих столичных «Ведомостях» началась острая полемика. В Первопрестольной писали, что Москва выражала собой не власть над Русской землёй, но власть Русской земли, и что именно ей принадлежит честь победы над Наполеоном. «Столица ваша Москва, а не Петербург, который ни что иное, как резиденция

государя», – делал вывод один из авторов. «Санкт-Петербургские Ведомости», наоборот, настаивали, что время Москвы прошло, она – древность и предмет ностальгии.

По словам известного российского историка и публициста Б.Н. Чичерина, для Аксакова «древняя Русь была идеалом человеческого общежития. Самые противоположные явления одинаково приводили его в восторг – и городское вече, и московские цари». В вече, прототипе русского мира, он видел совершеннейшую форму совещания, в которой господствует не юридическое начало большинства, свойственное презренному Западу, а славянское начало любви, выражающееся в требовании единомыслия. «Нам нечего учиться у Запада, – говорил Аксаков, – в древней Руси всё было».

Хранитель народных устоев, Аксаков, как уже сказано выше, ходил с бородой и носил исключительно русскую одежду – сапоги, красную рубаху, мурмолку. Говорили, что даже пепельница у него была в виде лаптя... Тягу ко всему русскому заметил у Аксакова ещё Станкевич. 16 октября 1834 года в письме к Василию Красову он иронично написал: «Хотелось бы узнать что-нибудь о милом Аксакове, которому прошу тебя позвать за меня руку крепко, по-славянски, а поклониться в пояс, по-русски».

А И.И. Панаев вспоминал, как однажды, прогуливаясь с Аксаковым по окрестностям Кремля, тот буквально заряжал его своей славянофильской верой.

– Вот Русь-то, вот она настоящая Русь-то! – истово вскрикивал Аксаков своим певучим голосом, указывая своей широкой рукой на царь-пушку и на царь-колокол...

Почти всё западное для Аксакова было антонимом, он запрещал, чтобы в его присутствии кто-то говорил на иностранном языке. Из-под острого пера Аксакова выходили публицистические статьи, свидетельствующие о внутренней свободе его духа и понимании им многих недугов страны. Он, как и его друг Станкевич, был искренен и благороден в своих помыслах во благо России.

В 1856 году Аксаков пишет царю Александру II записку «О внутреннем состоянии России» (опубликована она будет лишь в 1881 году). В ней – новые идеи нового государства, в котором у власти и у простого народа будут разные полномочия. Русский народ, по Аксакову, должен жить патриархально, общинно. Начинается эта записка возвышенно: «Русский народ есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия...».

«Не подлежит спору, – говорит далее автор, – что правительство существует для народа, а не народ для правительства. Современное состояние России представляет внутренний разлад, прикрываемый бессовестной ложью. Народ не имеет доверенности к правительству, правительство не имеет доверенности к народу. При потере взаимной искренности и доверенности всё обняла ложь, везде обман. Взятничество и чиновный организованный грабёж – страшны. Всё зло происходит главнейшим образом от угнетательной системы нашего правительства. Такая система, пагубно действуя на ум, дарования, на все нравственные силы, на нравственное достоинство человека, порождает внутреннее неудовольствие и уныние. Та же угнетательная система из государя делает идола, которому приносятся в жертву все нравственные убеждения и силы».

Читая сегодня эти аксаковские строки, особенно о взяточничестве и чиновном организованном грабеже, нельзя не видеть их актуальности для современной России.

В 1859 году в «Молве», издании, в котором в юности печатался и Станкевич, Аксаков помещает острую статью под заголовком «Публика – народ. Опыт синонимов». В ней автор разнёс в пух и прах российское дворянство с его презрением к отечественной культуре и языку. Прочитируем из статьи лишь небольшую выдержку:

«Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки; народ черпает жизнь из родного источника. Публика спит, народ давно встал и работает. Публика едет на бал, народ идёт ко Всенощной. Публика танцует – народ молится. Публика презирает народ – народ прощает публике. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь. Но в публике грязь в золоте, в народе золото в грязи. Публика и народ имеют эпитеты: публика у нас – почтеннейшая, а народ – православный».

Статья Аксакова также вызвала большой общественный резонанс. Автора, посмевшего выступить против дворянского сословия, пытались затравить. Но у тогдашних «акул пера» из этого ничего не вышло. Зато газету, опубликовавшую статью, вскоре наказали, и она прекратила своё существование. Уместно сказать, что статья «Публика – народ. Опыт синонимов» считается одним из наиболее ярких образцов критики правящегося класса в истории русской общественной мысли.

В ряде исторических работ, в частности, «О быте славян вообще и русских в частности» (1852 г.), «О внутреннем состоянии России» (1855 г.), «О русском воззрении» (1856 г.) и многих других Аксаков выразил собственные взгляды на русскую историю. Его главными понятиями здесь были «Земля» и «Государство». Земля представляла сам народ с его общинной организацией и внутренними «нравственными» законами. Государство же, к которому прибегла Земля, выполняло военную функцию защиты последней и отпора врагам. Это объединение, в отличие от Европы, было мирным и сознательным. Не в пример западной истории с её насилием, по мысли Аксакова, главным содержанием отечественной истории была свобода.

...Судьба отмерила Константину Аксакову всего лишь 43 года. Он умер 19 декабря 1860 года на греческом острове Занте. Проклятая чахотка, словно пиявка, за короткий срок высосала из этого богатыря всё здоровье. Его привезли в Москву и похоронили рядом с отцом в Симоновом монастыре. Так завершился путь благородного и неутомимого сына земли русской, о котором А.И. Герцен сказал, что «Он за свою веру пошёл бы на площадь, пошёл бы на плаху...»

ПОЭЗИЯ

Светлана ГОРОШИЛОВА

Светлана Борисовна Горошилова – родилась в Заполярье на Полярной станции. По образованию – технарь, по складу души – поэт. Автор двух поэтических книг «Верю» и «Полёта память». Победитель конкурсов «О чести, доблести и славе» (2002) и «Русь Православная» (2013). Член Союза писателей России. Художник. Член Международного Художественного Фонда и Международной Федерации Акварелистов.

Живёт в Москве.

Во имя доброты

Я – дома

Разве знаешь, удача придёт иль беда,
разве знаешь?
Дверь откроешь, помотришь с надеждой туда,
и... выпускаешь.

Самоизоляция

Тяжко жить в одинокой клетке,
можно только глядеть в окно.
Но коснуться зелёной ветки
сквозь стекло моё не дано.

Нет к окну ни одной тропинки,
все следы заросли травой.
Ткёт паук свои паутинки,
вот и славно, что он живой.

Там за стенкой макушка лета.
А вот в клетке томится грусть,
что не рядом со мной, а где-то,
скрыто что-то, о чём молюсь.

Мне об этом, самом чудесном,
птицы вольные говорят,
чтобы жизнь в заточенье тесном
мой не вычернила наряд.

Вот и солнце в окошко светит,
а иначе быть не должно.
Потому, что на белом свете
быть и радости суждено.

Чем дышим, родные, где столько порока,
где ложь разгулялась по улицам нашим?
И даже молчанье бывает жестоко,
а мы в суете безысходности пляшем?

Болезни свои сотворили мы сами,
от горьких дурманов почти задыхаясь.
И глупо твердить, что «мы сами с усами»,
второе столетье безверием маясь.

Под маской

Запрятаны под маской лица,
кочует ветер над землёй.
И невозможно с ним не слиться,
с его печалью вековой...

Я там была, где всё мгновенней
ломались судьбы, тлели дни.
Беспомощнее и смиренней
сгорали осени огни.

Я вечности касалась взглядом,
теряя мысли и слова,
а жизнь и смерть сидели рядом,
бросая жребий на права.

Что видела, закрывши веки,
к каким тянулась берегам?
Ведь близко где-то рощи, реки,
родные тропки тут и там.

Как бабочки влетали звуки –
за стенами жил мир большой.
Перемога грусть и муки,
летела трепетной душой...

А ветер кружит над землёй
и невозможно с ним не слиться.
Запрятаны под маской лица –
печать тревоги роковой.

Я дома

Свет лампы лучистый
над чайным столом,
всё мило, знакомо,
и тихо, и чисто.
Пусть снег за окном,
я – дома.

На новой странице
раскрыта тетрадь,
как в радость оконце.
И муза стучится.
Нам нынче не спать
до солнца!

Как много грусти неземной
в земной юдоли.
Проходит время стороной,
не чуя боли.

Среди людей кружит, ворча,
пороков свора.
А мне незримого плеча
нужна опора.

И с одиночеством на «ты»,
с его участием,
прошу немного теплоты,
земного счастья.

Но вот у грусти неземной
другая воля –
беседует, любя, со мной,
о счастье споря.

Во имя доброты

Белым снегом устлана земля.
Залатав разбитые дороги,
снег метёт, блистая и пыля,
на людские беды и тревоги.

Кутает деревья и дома
стужею с утра до самой ночи.
Видно, жизнь морозами сама
зло людское выморозить хочет.

А с зарёй приходит тишина,
та, которую ты чуешь сердцем.
Думная, спокойная, она
проживает с нами по соседству.

Но является не каждый час,
жизнь её – поэзии причастна.
Вот и снег живой, живее нас,
Божий свет нам дарит не напрасно.

Красит мир во имя доброты.
Я смотрю с надеждой, не впервые, –
благодать нисходит с высоты
сказкой непорочной красоты.
Тайны жизни – чудеса живые!

Рассказы

Сказка у камина

Когда по заснеженным дворам разгуливает морозный зимний вечер, окна в домах украшены заиндевелыми узорами, а у камина смирно греются шкодливые котятка, подходит время для сказки! Почему бы под кружку горячего, душистого глинтвейна не поведать огню в камине грустную историю о милой девушке, чьи доброта, красота и молодость чуть не обернулись для неё несчастьем? Пожалуй, расскажу, ведь языки пламени насколько горячи, настолько же и молчаливы – они умеют хранить тайны.

Все любили юную красавицу с её детских лет. Ласковое солнце радовалось, когда любящий отец подкидывал чадо к небесам, тёплый ветер путал русые волосы ребёнку во время прогулок, а жаворонки в небе заливались сладкоголосым пением, слыша её ангельский смех.

Девушке радовались и люди, и звери. Даже растения приветственно шелестели листвою, когда проходила она по тенистой аллее послушать, о чём плещутся волны в городском пруду. Красавица внимала каждому, особенно тому, кто нёс в душе тревогу или скрытую печаль.

Волны всегда кручинились о том, что никогда не станут небом и по ним не поплывут облака, как плывут по ним их отражения. Девушка лишь улыбалась этому.

– Стоит ли печалиться? – опускала она в воду белые ножки. – Небо красиво, но далеко. Оно бескрайне, но в нём нет жизни. К тому же, с ним я не делюсь секретами.

И успокаивались волны, играя бликами, потому что становилось приятно: настолько обнадёживали её слова.

Как-то вечером юная дева, подходя к пруду, остановилась на берегу. Вид заходящего солнца впечатлил её настолько, что захотелось сказать ему: «Спасибо за тепло сегодняшнего

Сергей ЗАМОЗ – родился в 1973 г. Публиковался в газетах «Моя семья», «Русское слово» (г. Кишинёв), интернет-альманахе «Снежный ком», на сайте журнала «Работница».

Живёт в г. Бельцы (Молдова).

дня». Красавица свела перед собой ладони и думала поклониться светилу. Но прилетела огромная туча и закрыла собой солнце. Стало темно, как ночью.

– Прости меня, – виновато чихнула она громом, – но так велело Вселенское Зло.

– Разве зло может быть Вселенским? – удивилась девушка. По-моему, и просто зла многовато будет. Но почему ты позволяешь собой повелевать?

– Потому что оно грозило превратить меня в снежный ком, тогда я не смогу летать.

– А ты поделись на десятки облачков, – улыбнулась красавица. – Тогда зло не поймёт, на какое из них слать заклятье, и превратится в мелкую пакость.

– Как ты мудро придумала, – вновь чихнула туча, разделившись на десятки маленьких облачков, из которых пошёл грибной дождь.

А когда он прошёл, вечернее небо стало безоблачным.

– Спасибо тебе, мудрое дитя, – улыбнулось заходящее светило. – Сколько буду сиять, всегда помогу. Ты только обращайся, а сейчас я уступлю место месяцу. Подходит его черёд дарить свет.

Когда опустилась ночь и прохлада сменила зной, красавица сидела на лугу и любовалась ночной фиалкой. Девушка любила это растение и его душистые цветы. Под их аромат прекрасно мечталось, особенно в пору летних ночей. Красавица нежно гладила соцветия, от чего пахло ещё сильнее и на манящий дух слетались полночные бабочки.

– Как же мне замечательно с вами, милые мои, – радовалась она, словно ребёнок. – Вот бы было всегда так беспечно.

Но её слова прервал суровый ветер. Он подул порывисто, сильно, от чего все бабочки разлетелись.

– Что дурного сделали тебе эти прелестницы? – удивилась девушка. – От чего ты разогнал их?

– Ох, – вздохнул ветер. – Коварное Вселенское Зло обманом заманило меня в терновый куст и велело гнуть к земле всё живое. Я бы, конечно, не стал делать этого по доброй воле, но запутался в колючих ветках, а шипы так нещадно впиваются в меня, что приходится дуть от злости и боли.

– Я помогу тебе, сильный ветер, – сжалилась девушка и освободила бедолагу.

– Ты была добра ко мне, – благодарно пробасил мощный друг. – И я всегда отблагодарю тебя. Непременно обращайся в трудную минуту! За добро платят добром!

Сказав это, он понёсся к дальним скалам задувать раны, что остались от шипов терновника. А девушка вернулась к цветам Метиолы, ведь именно так называют ещё ночную лилию.

Как-то, прогуливаясь по парку, красавице показалось будто её кто-то преследует. Но, сколько ни оборачивалась, никого не замечала. Разве что чью-то тень, что скрылась за стволом старого дуба.

– Хм, со мной шутит игривый гном из леса? – пожалала она плечами. – Давно старый скромник не появлялся в наших местах. Дам-ка я ему конфетку, расспрошу, где пропал.

Но вместо гнома за деревом оказался снеговик. По форме и цвету он ничем не отличался от обычного, только слеплен был из пластилина, а вместо носоморковки кто-то вдавил ему перламутровую пуговицу.

– Какой вы забавный, – смутилась девушка, она ведь никогда не встречала снеговиков летом.

– И несуразный? – грустно договорил он.

– Напротив. Оригинальный, – улыбнулась красавица. – Я и не знала, что в миру бывают снеговики из пластилина.

– О, милое дитя, – безнадежно махнул он рукой. – Как видишь, бывают. Ты ещё многого не знаешь. Вселенское Зло ходит за мной по пятам. Ему доставляют радость издевательства. Кем я только не был: и причудливым кроликом с оленьими рогами, и белым вороном со свиным рылом, а сейчас я снеговик с крокодильим хвостом.

Действительно, за пластилиновой поделкой тянулся хвост в крокодильей чешуе.

– Зачем оно глумится над тобой? – спросила прелестница, отделив ненужный снеговика хвост.

– Затем, что чужие страдания доставляют ему удовольствие, и оно разрастается.

– Разве можно над кем-то издеваться? – возмутилась девушка. – Что оно о себе возомнило? Это зло – по сути, обыкновенная мерзость.

Тут же грянул гром, непонятная тревога овладела красавицей.

– Не смей жалеть это чучело! – приказал кто-то страшным голосом.

Девушка, поборов страх, обернулась.

Перед ней плотной стеной, не имея определённого обличия, стояла тьма.

– Кто вы? – робко спросила прелестница.

– Ты недавно назвала меня недоразумением и пакостью, – ехидно напомнила тьма. – Я та, что собирает страхи и боль. Я – Вселенское Зло – пришло за тобой. Ты станешь моей невестой. Хочу, чтоб ты нагоняла ужасы на всех, кого любишь.

Но девушка оскорбилась непристойному предложению и возразила:

– Я не люблю тебя и не смогу чинить зла никому: ни знакомым, ни посторонним.

– Сможешь, глупая, – глухо засмеялась тьма. – Это проще простого. А любовь, кому она нужна? От тебя я требую боязни и повинования, всего лишь.

– Невозможно любить насильно, – возразила красавица. – Я не стану!

– Станешь! – прошипело Вселенское Зло. – Посмотри, от чего отказываешься, – к ногам барышни пали горсти драгоценных камней.

– Во мне много ценностей. Они могут принадлежать тебе.

– Что это? – смутилась девушка.

– Непокорные души, – ответило Зло. – Они тоже были неподатливыми, но смотри, как я их огранило, каким светом заиграли они. Знаешь, каково это, повелевать душами?

– Я не стану твоим алмазом. Не буду светить для тебя! – отказалась прелестница. – Ты приносишь несчастье!

– Глупая девчонка, – возмутилось Зло. – Я превосходно укрощаю строптивых. Быть алмазом или сапфиром – это слишком мягкое наказание для тебя. Поищи счастья в новогоднем стеклянном шаре – я люблю живые игрушки. Кстати, пусть твой новый друг присматривает за тобой. Доносительство – чем не плата за доброту?

Так, под жуткий хохот свершилось колдовство – красавица стала крохотной, чуть больше пылинки на комод. И заточила нечисть её в новогодний

стеклянный шар – по сути тот же мир, только в миниатюре. Туда же поместила она и пластилинового снеговика.

– За тобой присмотрит твой жалкий друг, – наказало Зло. – У тебя будет время одуматься, глупый ребёнок! А мне некогда. По мне скучает Вселенная!

Стеклянный шар действительно оказался маленькой копией огромного мира. Правда, всё в нём было искусственным. Вместо пруда – обрезок серебряной фольги, лес – из картонных деревьев, птицы и звери, отлитые из воска, даже сама местность утопала в пластиковой крошке, что заменяла снег, потому и зима была не настоящей – тёплой и поддельной.

– Интересно, кто живёт в этом домике? – указала девушка на разукрашенный теремок недалеко от леса.

– Думаю, что никто, – пожал плечами вынужденный спутник. – Здесь всё бутафорское, и нет ничьих следов на искусственном снегу: ни звериных, ни человеческих. Пройдём же и увидим.

– Здравствуй, светлое жильё, – поклонилась красавица маленькой горнице, когда вошли вовнутрь. – Стань нам уютным пристанищем.

Это было сказано настолько искренне, что случилось чудо: лесные орешки, которые находились в вазе на подоконнике, заиграли огнями, словно рубины, а восковой жаворонок ожил и вылетел из позолоченной клетки, лишь девушка открыла дверцу. Звонкой трелью отблагодарила птаха свою спасительницу, от чего в печи вспыхнул огонь, и стало тепло и уютно.

– Тебя добродушно встретил сказочный терем, – грустно вздохнул провозжатый. – Умеешь ты радовать и располагать к себе. Это настоящее чудо – оживлять неживое.

– Почему же ты тогда печален? – удивилась красавица. – Скажи, что гнетёт тебя?

– Вспомни, для чего я здесь, – грустно улыбнулся он. – Ты творишь добро, я обязан сообщать об этом. Но не хочу.

– Тебе достанется из-за меня, – согласилась девушка. – И Зло погубит всё, что стало живым, но давай мы обманем нечисть. Я вылеплю из тебя Пегаса, такого, как видела на картинках.

Снеговик улыбнулся. Ему пришлось по нраву задумка девушки.

– Действительно, – согласился он. – Зло обязывало доносить снеговика, а коню с крыльями оно ничего не поручало.

Но скажу тебе, огонь в камине, только ещё глотну глинтвейна, – красавица с таким усердием лепила Пегаса, что он получился добрым и умеющим летать.

– Теперь тебя точно не узнает Вселенское Зло, – улыбнулась прелестница, окончив работу.

– Даже, если узнает, – возразил крылатый конь, – я тебя не дам в обиду, чего бы мне это ни стоило.

Раз в два дня в стеклянном шаре шёл снег. Или это так казалось, будто он идёт, потому что словно вихрем поднимало пластиковую крошку, и, коснувшись свода шара, она оседала взвесью.

– Точно настоящий снег, – вздыхала прелестница и добавляла печально. – Как дома, на Рождество...

Всё-таки ностальгия порой одолевала её. И скатывались тогда из глаз красавицы слезинки, и тут же превращались они в янтарные зёрна, из которых прорастали цветы Метиолы, стоило зёрнышку пасть на искусственный снег.

– Кто же запускает вихри? – часто гадали друзья. – Должен же быть кто-то, кто кружит пластиковую крупку?

– Есть в лесной чаще учёный, – объяснил однажды жаворонок. – Он и ведаёт всеми механизмами в шаре. Это очень мудрый человек, почти волшебник. Не помешало бы сходить к нему, он подскажет, как выбраться отсюда.

– Садитесь на меня, – предложил крылатый конь. – Я поднимусь к самому куполу шара, и мы быстро найдём учёного.

Друзья взобрались на коня и, расправив крылья, он полетел, оставив позади гостеприимный терем.

Виды искусственных сосен сменялись запорошенной степью, за которой вновь появился лес. Покружив над ним, Пегас опустился на опушку. Там-то и нашли друзья учёного. Заросший щетиной человек сидел за круглым столом, глядел в микроскоп и что-то увлечённо считал. Поглощённый этим занятием он вздрогнул от неожиданности, когда с ним поздоровались.

– Странно, – удивлённо проговорил учёный. – Мои механизмы не бродят по лесу, тем более не летают. Я не помню среди своих работ таких. Разве что жаворонок, но он обыкновенная восковая игрушка. Кто же оживил тебя, маленькая птичка?

– Мы не механизмы, – возразила девушка. – Вселенское Зло заточило нас в новогодний шар.

– А, – грустно улыбнулся учёный. – Вы тоже не покорились ему, узники под сводами шара?

– А как вы попали сюда? – спросила красавица. – Чем не угодили нечисти?

– Я, прелестное дитя, – признался эскулап, – отказал Злу в сущей безделице – не признал его равным солнцу и ветру, и наш спор окончился моим заточением. Теперь изобретаю механизмы – разгоняю скуку работой. Одно угнетает – даже самый совершенный механизм бездушен. Живое – тянется к живому. Нет у меня способности оживлять, и не в одной формуле это не выведено, к сожалению.

– А у неё это выходит само собой, – кивнул на девушку Пегас. – Жаворонок тому пример.

– Так это ты, – взглянул вопросительно мужчина, – оживила птицу? Но так не бывает!

На что девушка пожалала плечами в ответ.

– Я никогда не задумывалась об этом, – улыбнулась она. – Просто хочу этого сильно, и так получается.

– Я же могу создать множество механических устройств, а ты оживишь их! Нам никто не помешает – мы одни. Представить только: сколько сможем принести пользы...

– Вселенскому Злу? – перебил учёного Пегас. – Не забывайте, что мы его игрушки.

Пришлось опуститься с небес на землю эскулапу. Он совсем забыл о положении узника.

– Нда-а-а, – безнадежно вздохнул он. – Вы правы. Мы не принадлежим себе. Придётся разбирать свои конструкции. К чему игрушки Вселенскому Злу?

– Не стоит! – возразила красавица. – Раз есть игрушки, значит, им найдётся применение. Они будут радовать многих. Может, лучше оживить ваши творения?

– Я был бы счастлив, – смутился учёный, – если бы получилось с этим механизмом.

Он хлопнул в ладоши, и недалеко от места, где сидел, откатился люк, а из тёмных подвальных недр, поскрипывая шестерёнками, вышла механическая кукла.

– Самое дорогое и любимое моё творение, – признался учёный. – Не дай Бог, Зло узнает о нём!

– Но кто же это? – спросила девушка. – Чем ценна работа, на что способна?

– Она умеет слушать, – воодушевился эскулап. – Все мои идеи, мысли и страхи она принимает без осуждений. Это моя муза! Оживи мне её, юная красавица!

– Но у неё – у живой – появятся свои душа и характер. Вдруг вы не сойдётесь?

– У меня есть ключ к каждому своему механизму, – уверил учёный.

И девушка погладила куклу по синтетическим волосам, от чего вновь случилось чудо: сошёл искусственный блеск и краски с парафинового тела, пропал скрип шестерёнок – зарделись щёки, губки растянулись в улыбке, и кукла ожила.

– Как чудесно быть живой, – потянулось ожившее творение. – Но и у прежней у меня была душа. Каждый твой разговор со мной, великий гений, я помню наизусть. Ты был так трогателен со мной, что я полюбила тебя ещё будучи куклой. Спасибо, любимый, что создал меня, – обняла Муза учёного. – А тебе, красавица, спасибо, что оживила! – улыбнулась она девушке.

Только Пегас неодобрительно покачал головой.

– Слишком много живых игрушек для Вселенского Зла, – произнёс он. – Мы всё ещё заложники в новогоднем шаре!

– Да, – согласился учёный. – Пора убраться отсюда. Мне есть теперь ради кого жить и ради чего рисковать! Из-под этого колпака возможен выход! Нам пригодятся твои крылья, Пегас.

– Единственная уступка, на которое пошло Вселенское Зло, – продолжил учёный, – это раздвижной купол – он позволял изучать звёзды. Главное – выбраться за пределы шара, за ним мы обретём прежние размеры.

Эскулап нажал на маленькую гашетку под столом, и своды купола начали расходиться.

– Пора, друзья! – поторопил учёный. – Нужно спешить, пока не вернулось безжалостное Зло. У него повсюду доносители.

Но не тут-то было. Новогодний шар подняла неведомая сила и затрясла его.

– Кого вы хотели обмануть?! – гулким эхом раздался голос Зла. – Смешно, когда букашки мнят себя богами. Вам не удастся покинуть заточения, вечные рабы!

Тем не менее, друзья взобрались на Пегаса, и он стал подниматься к раскрытому куполу.

Зло жутко хохотало, забавляясь бессилием беглецов.

– Ха-ха-ха, – закладывало уши от смеха восставшим пленникам.

– Тщетны потуги ваши. Они напоминают агонию, – метала нечисть молнии. – Я превращу вас в пепел!

Но всё ближе и ближе, уклоняясь от огненных стрел, подлетал Пегас к выходу во своды, а когда оставалось совсем немного, красавица выпустила жаворонка.

– Заведи самую голосистую песню, – попросила птицу. – Пусть тебя услышат солнце и ветер! Только они нам смогут помочь!

Жаворонок сквозь отверстие в куполе вылетел из шара и поднялся так высоко, что стал невидим. Только тревожная песня его звонко лилась с высоты.

– Напрасно, – бесновалось Зло. – Вам это не поможет. Нет силы, которая остановит меня!

Оно, словно тяжёлым хлыстом, громыхнуло громом такой силы, что красавица слетела со спины Пегаса. А сверкнувшая затем молния подожгла искусственный лес.

– Вы погибните! Да сгорят твои куклы, глупый учёный!

Пламя подходило всё ближе и ближе к люку, за которым хранились работы эскулапа. Казалось, вот-вот и беспощадный огонь проникнет в хранилище.

– Не бывать этому, – что есть мочи закричала падающая красавица. – Возьми лучше меня и останови огонь, отпусти моих друзей с миром!

Но солнечный луч, словно острая бритва, полосонул непроглядный полог тьмы, и разошлась она скулящей гиеной. Сквозь зияющую прорезь пробрались дождевые облака, погасив грибным дождём пламя. Сильный ветер в самый последний момент принял в свои объятия девушку, не дав ей разбиться.

– Успел жаворонок, – улыбнулась прелестница и заплакала от счастья.

Каждая слезинка её становилась янтарным зёрнышком, которое, падая на землю, превращалось в куст Метиолы. Но Зло не оставляло своих попыток:

– Она согласилась стать моей, – яростно кричало оно, протягивая к красавице ошметки полога. – Отдайте её!

Но солнце кромсало непроглядную темень, делая её меньше и меньше, пока Зло не превратилось в мелкую пакость.

– Тебя не должно быть много, – приговаривало светило. – Ровно столько, чтоб знали цену добру!

– Убирайся прочь, обыкновенная мерзость, – дунул ветер на то, чем стало Вселенское Зло, и разошлись его лоскутки по свету, выкрикивая проклятия тонкими голосами.

– Будут ещё пленники, этот бой не окончен, – смешно угрожали они.

Правда, этого никто не слышал. Радость от спасения овладела всеми, потому что сошло колдовство: герои приняли прежние размеры и вернулись домой, солнце всё так же продолжает ласкать красавицу, сильный ветер, как в детстве, путает девушке волосы, Муза шепчет учёному новые идеи, а Пегас превратился в звёздного коня, и каждую ночь он светит с неба милой прелестнице звёздным сиянием. Лишь голосистый жаворонок изредка навещает девушку. Теперь он поёт песни солнцу и радуется людям, а это, скажу тебе, огонь в камине, работа не из лёгких. «Как же новогодний шар», – спрашиваешь ты? Так вот он, на комод. Мудрый учёный починил игрушки в нём, наладил механизмы и обновил пластиковую крошку. Теперь, когда хочется праздника, достаточно накрутить завод, и оживёт рождественская сказка: в нём повалят снег, восковые игрушки закружатся в танце, и волшебными огоньками заиграют лесные орешки, забытые красавицей в вазе на подоконнике. Лишь Вселенское Зло до сих пор сшивает утерянные лоскутки, да в лютую стужу заглядывает в окна. Всё ищет оно новую жертву. И бывает, что находит: в бытовой зависти, в недобром взгляде, в детском непослушании.

Но с ним легко справляются те, кто умеет любить, прощать, уступать и быть просто снисходительным. Они без особых усилий обезоруживают его одной лишь улыбкой. Да и бессмысленно ему, коварному, пыжиться, когда в игрушечном шаре кружится снег, веселит горячий глинтвейн и ждёт новых сказок огонь в камине...

Любовь с «Евро ящика»

Он уже давно просыпался сам, ещё до того как срабатывал будильник на телефоне. Вероятно, возраст, а может, вошло в привычку: в любом состоянии, во сколько бы ни лёг, глаза открывались в пять утра. Полусонное сознание боролось с искушением поваляться пару минут в постели, но: «Нельзя расслабляться!» – говорил сам себе и вздымал руку со сведёнными в триединый символ перстами: «Во имя Отца и Сына, и Святого Духа! Аминь! Отче наш...»

Последний месяц утренняя молитва совершалась механически – бездумно и без особой веры, словно привычка, как обыденный ритуал, потому что так нужно, на всякий случай.

Усталость. Накопленная за предыдущий рабочий день, неделю, месяц – усталость давала о себе знать. Чуть ощутимая с утра, она усиливалась к обеду, а к концу рабочего дня делала организм вялым и неподатливым. Ночи не хватало для восстановления, потому и утро воспринималось безраздушно, словно продолжение вынужденного наказания.

Прошёл ровно месяц, как он работает в ненавистой ему фирме, изготавливающей деревянные ящики. На самом физически тяжёлом пункте, практически безотходного производства, на пилораме, месте, которого сторонились все работники, кроме распильщика. Мужчины избегали этого участка, настолько физически тяжела была работа на нём. Ведь приходилось ворочать огромные, обрезанные стволы деревьев, выставлять их на рабочий «лафет» и сортировать уже распиленную продукцию. День-два, и работяги умоляли начальство сменить их, потому что болела спина и, казалось, все внутренности. Игорю досталось «козырное» место, как назвал его, потирая седеющие усы, начальник цеха – высокий, обрюзгший мужчина, прозванный рабочими «беспальный». Собственно, лишён он был только одного пальца, остальные же находились на должных местах. Причину изуродованной конечности никто не мог объяснить наверняка, но из уст в уста передавались домыслы: жуткие по сути и бессмысленные по здравому рассуждению. Говорили, будто он умышленно лишился пальца, чтоб шантажом вытребовать себе должность. Хотя, на самом деле, всё обстояло намного прозаичнее. Будучи ещё рядовым работником, по халатности и невнимательности, Палыч, распиливая доски на циркулярке, зацепился перчаткой за сучок, вследствие чего острый зубчатый диск отсёк перст. В боссы же выбился благодаря собственной расторопности: подхалимству, доносительству на коллег и на бывшего начальника цеха. Многие из старых работников, зная скверный характер распильщика, уволились после этого.

– Не собираемся ходить под ним, – объясняли люди уход. – Этот пойдёт по головам.

Главе фирмы сам Палыч был удобен: он знал работу и мог беспринципно подавлять недовольство в коллективе.

– Не нравится, – говорил он, – за воротами куча безработных. Я вас не держу. Не нравится – уходите.

И люди уходили, не выдерживая двенадцатичасового графика работы, низких расценок и высокомерного отношения к себе. Когда же заходил разговор о повышении платы за работу, Палыч надменно отшучивался:

– Сократите расходы, и на всё вам станет хватать.

Неконфликтный по природе своей, на работе Игорь поначалу старался не выказывать недовольства. Не совсем зная коллектив, он пытался

определиться в настроении работяг, чтоб понять, с кем стоит откровенничать, а кого сторониться. Работники, как он понял, делились на две категории: на недовольных, вынужденно, так же как и он, терпящих положение вещей по той или иной причине, и на приближённых к Палычу, «любимчиков», «стукачей». То был особый анклав, «элита», состоявшая либо из родни «шефа», либо за счёт гибкости и податливости характера получавших большую, нежели остальные, зарплату.

В частных разговорах между собой в свободное время представители из первой группы вели приватные разговоры усталых от ситуации и обречённости людей:

– Что те господа, что эти. Эти хуже – у них парфюм новый, не потом вомяют, а исподнее сменить забыли.

– Шандарахнуть бы по ним опять из Авроры! Так чтоб уж наверняка, чтоб навсегда!

– Шандарахали ж один раз. И что, к чему всё это привело? Опять батрачим... Свобода – она ограничивается только размерами клетки... Потому навсегда сохранится порядок: будут те, которые тебя, и те, на которых ты. Вся разница только в жёсткости узды и натянутых поводьев.

Сложнее Игорю было сохранять спокойствие и нейтралитет, когда разговор вёлся вторым лагерем работников («лояльным»). Основной посыл этой группы заключался в абсолютной правоте и исключительности начальства:

– Мы-то ничем не рискуем, – бойко утверждала «элита», – основные риски остаются за хозяином.

– Да, – соглашались приверженцы, – наше дело нехитрое: пришёл работать – работай, для большего достатка, по двенадцать часов. Начальником тоже быть непросто...

И была же некая доля логики в этих рассуждениях, но почему-то у Игоря бунтовала воля от их слов. В такие минуты вспоминал он анекдот про молдаванина: «Поймал молдаванин золотую рыбку. Как и положено, три желания. Первое – хочу оказаться на необитаемом острове. Второе – хочу небоскрёб. Третье – и чтоб мы его штукатурили с моим братом вдвоём».

– Где же логика, где уважение к себе? – негодовал он. – Откуда это не вытравленное, рабское понятие: тянуть ярмо?

– Двенадцать часов?! – возмущалась в ответ молодёжь. – А чё не двадцать пять? А то, что лето проходит, что кроме ящиков ничего не видишь – это нормально?

– А как по-другому? – задавалась вопросом «элита». – Только так!

– Не с кем говорить, некому что-то доказывать, – сокрушался про себя Игорь. – Эти «будут штукатурировать небоскрёб». И большего им не надо – зарабатывать и «пасть на пашне», разбавляя вечера «беленькой».

– Кому и что тут объяснять? Людям, что пускают отрыжку за столом и ржут при этом? Не-ет, это в крови, это ментальность, это образ жизни и её смысл – глядя в стену, вечно штукатурировать её, и больше ничего не надо: ни солнца, ни ветра, ни музыки, ни любви...

Всегда неконфликтный, он слушал разговоры коллег, мысленно соглашаясь с каждым. Все правы по-своему, и правд бывает много, только истина одна, но в чём же она заключается? А заключалась она, для него, в том, что прожив большую часть жизни, ничего не скопив, он отдаёт свои силы и здоровье зажившемуся бизнесмену, хозяину, который оставил управление

работниками злomu, алчному смотрителю – начальнику цеха. И за что? За нищенскую зарплату?

И, тем не менее, люди работали. Работали от безысходности, вынужденно. Сменяя ушедших, появлялись новые, но количество тружеников было постоянным – у многих были долги, большинству в городе нужна была работа, а «возрастных» никто брать не хотел, кроме этой фирмы, что словно старая мельница – всегда должна молотить: не важно что и не важно кого.

Одного не понимал Игорь, негодуя: почему какой-то неуклюжий «жирный боров» командует им? Почему он, Игорь, мужчина сорока семи лет, обязан слушать «беспалого» и исполнять несуразные указания?

Собственно, до недавних пор была у него работа. И семья тоже была. Но тихая размеренная жизнь переменялась в одночасье.

Прожив с женой больше двадцати лет, как ему казалось «душа в душу», он был сильно потрясён, когда благоверная объявила о своём уходе к другому. Взрослый сын женился и покинул страну в поисках лучшей доли. Так, к сорока семи годам остался один в двухкомнатной квартире – без семьи, бобылём. Единственным напоминанием о прошлом остались фотографии, где они все вместе: он, жена и ещё маленький сын. К тому же дамокловым мечом висел кредит банку – его пришлось взять на свадьбу ребёнку, чтоб «не ударить в грязь лицом».

Торговая точка на рынке, долгое время приносившая доход, превратилась в убыточную – покупателей переманили торговые центры. Бизнес чах. Деваться было некуда, и ларёк пришлось сдавать в аренду, а самому искать работу, чтоб погашать кредит.

Каждый месяц звонки из лизинговой службы напоминали о кабальном обязательстве. Холодный пот прошибал Игоря, когда на экране телефона высвечивались цифры ненавистной ему службы, и часто колотилось сердце. Доходы сократились, запасы иссякали, а обязательства, при этом, никто не отменял. Никого из бездушного учреждения не волновали частная жизнь и проблемы клиента.

– Нет, это не жизнь в вечном страхе. Дорого плачу я за показушную состоятельность, сынок, – часто вздыхал он. – Надо как-то выбираться из этой выгребной ямы. Должен же быть выход из патовой ситуации.

И выход был найден. Игорь устроился по объявлению на фирму «Евро ящик», потому что в других местах зарплата была ещё ниже, при высоких требованиях к служащим. Да и возраст его уже стал препятствием. Работодатели не хотели брать работников «под пятьдесят и выше». Даже таких как Игорь, несмотря на его прекрасную физическую форму.

Кто знает, что таится за поворотом судьбы, как может изменить мирное течение жизни новая встреча или иной человек?

Люди, как планеты – влияют друг на друга, порой меняя траекторию орбиты. Ох, знать бы всё наперёд! Знал бы Игорь, к чему приведёт появление новой работницы на фирме.

Прелестное дитя, словно весенний ветерок, влетевший в открытую форточку, оживила затхлую и понурюю жизнь холостяка, с первого же мгновения наполнив её смыслом и, будто реставратор, освежила поблекшие краски будней яркими тонами. Юное создание во всём напоминало мужчине его первую любовь, чей образ до сих пор мучил во снах несбывшимися ожиданиями и надеждами. Даже будучи ещё женатым, Игорь просыпался от видений

прошлого с заметной печалью, как если бы простился с какой-то детской тайной навсегда.

Девушку двадцати трёх лет приняли на место ушедшей женщины.

Произошёл несчастный случай: опытная работница на одном из станков травмировала руку. От пострадавшей избавились по-тихому, выплатив символическую компенсацию, которую Палыч собрал с работников.

Так место стало вакантным.

С самого появления, с первых минут, как только девушка вошла в цех, обратил он на неё внимание. Своей молодостью, бойкостью и красотой напомнила молодича годящемуся в отца Игорю давно ушедшее, забытое трепетное чувство. Это чувство было сродни той силе, что, казалось, навсегда уснула где-то на задворках запорошенного временем прошлого, но лёгкое дуновение ветерка способно сбить в основе крохотную песчинку, и тогда зарождается сила неподконтрольная и неподвластная разуму: и начинается движение – сначала еле заметное, затем переходящее во всепоглощающую стихию. Самую чистую и непорочную, яркую и волнующую – первую любовь напомнила Лизонька мужчине. Сильно схожая внешне, а так же походящая эмоционально на «пассию из прошлого», красавица превратилась для него в символ, в образ, в рисуемый неутолимой фантазией мираж, что скрывался в замках Фата-морганы. Девушка и не ведала, что дядя Игорь, отличный от остальных возрастных работников своей статью, примеряет на неё выдуманный, радужный образ.

Всё обратилось в его пользу. В цех срочно понадобился грузчик, и на эту должность был назначен Игорь, что давало ему больше возможностей видеться и общаться с Лизонькой.

Смешанные чувства испытывал он к ней, понимая разумом, что перед ним ребёнок, годящаяся в дочери девушка. Мужчина пытался противиться душевным терзаниям, а они рвали сердце, стоило только подумать о Лизе. Потому старался Игорь вести себя так, чтоб не было заметно влечения: показушно-доброжелательно, по-отечески и слегка назидательно и покровительственно. Он следил за тем, чтоб «милый ребёнок» не поднимал ничего тяжёлого, ограждал девушку от колких замечаний возрастных работниц и грязных мужских шуток – благо, его побаивались.

Единственное, что позволял себе – смесь желаний, облачённых в фантазии. И грёзы эти были безобидными – платоническими. Он воскрешал давно померкнувшие идеалы чистой, непорочной любви, взаимной и сентиментальной: с томным взором, прогулками по ночному городу, с трепетным касанием рук.

Сама Лиза относилась к Игорю как к товарищу по работе, как к «доброму дядьке», с которым уютно, почти как к отцу. Девушка чувствовала на себе заботу мужчины, но и предположить не могла, что у дяди Игоря к ней серьёзные чувства.

Привыкшая к мужскому вниманию, она вовсе не была ханжой. Мир принимался ей как джунгли, в которых сильный поедает слабого. Своим оружием она считала молодость и красоту – это и было её клыками и когтями, а ещё рациональный расчёт и отсутствие эмоций. Уж их она никогда для себя не допускала. Именно это, в комплексе, по её мнению, смогло бы устроить жизнь и улучшить благосостояние. Не считая себя проституткой, Лизавета не отметала возможности стать содержанкой.

– Почему бы и не отблагодарить за меценатство какого-нибудь папика? – рассуждала она. – Других вариантов нет.

Но и абы кого не хотелось. Практичный не по годам мозг советовал не топиться с выбором: набраться чуточку терпения и ждать. И в ожидании подходящего момента согдится и эта временная работа «на ящиках». От того и не попадал Игорь в её поле зрения, не рассматривался ей как ухаждёр, как потенциальный мужчина. Куда интереснее для девушки стало неприкрытое внимание Палыча. Именно этот человек, надеялась она, мог бы поправить скудное финансовое положение.

– Ну и что, что толстый и неприятный, – считала она, – зато при деньгах. А заставить похотливого борова тратиться на себя дорогую – это в её силах. Уж эту науку она одолеет.

Постепенно об отношениях между Палычем и Лизой заговорили на фирме. Сначала это были сальные шутки работников, которые Игорь нервно от-метал.

«Ну, подумаешь привозит и увозит он её, – успокаивал себя. – Молодая девушка, обычное дело, красавиц не зазорно возить. Она же не такая...»

Позже, когда в свободное время Лизонька стала пропадать в офисе начальника, мысли и подозрения проникали уже глубоко в душу мужчины и точили её, разъедали изнутри.

– Не может такого быть, – возмущался он. – Кто на него позарится. Он же жирный. Его парфюм еле перебивает пот.

От неприкрытых шуток коллег сводило скулы. Реальность бессилием скывала волю, обида сменилась апатией и разочарованием.

«Всё это не так. Никто ничего не видел. Чего питать домыслы, – выжи-вал он последний шанс в утекающей логике. – Надо самому поговорить с ней. Спасти, а, если надо, направить на верный путь. За счастье надо бороться, пусть не за своё, но это же идеал... Ты же не настолько любишь деньги, девочка».

О том, где живёт Лиза, Игорь знал с её же слов. Впрочем, девушка и не скрывала ни от кого, что временно снимает квартиру. Это было недалеко и от самого Игоря. Всего пару остановок в маленьком городе, каких-то двадцать минут, и вот он звонит в дверь. Полусонная, в лёгком халатике на голое тело она стояла перед ним. Девушка слегка удивилась визиту незваного гостя, но зная добрый нрав коллеги, улыбнулась.

– Здравствуй, Лизонька, – робко начал визитёр, – извини, что без при-глашения, я должен с тобой серьёзно поговорить.

Девушка изогнула дугой бровь, по всему было видно, что она не готова к такому повороту, но пригласила войти.

– Серьёзный? – улыбнувшись, переспросила она. – Не на пороге же. Ду-маю, лучше на кухне.

Отказавшись от кофе, нервно выбивая пальцами дробь по старой, в мел-ких царапинах столешнице, Игорь собирался с духом. Заготовленная речь спуталась в сознании, память выдавала комканые фразы, цепляясь за одну, он терял связь с другой. Потому, нарушив неловкое молчание, решил сразу же перейти к сути.

– Лиза, – начал он, чувствуя как отступает волнение. – Это же неправда, что о тебе судачат на работе? Ты же порядочная девушка.

– А что обо мне говорят на работе? – улыбнулась она, перебив.

В этой улыбке Игорю почудился вызов приличию и насмешка над ним са-мим: «Неужели, правда?» – подумал он перед тем, как продолжить.

– Ведь ты бы не стала встречаться ради денег? Ты же не такая.

– Что значит «Не такая?» – пристально посмотрела она в глаза. – Не лярва?

Игорь молчал, не решаясь продолжить. Он не мог себе позволить грубого слова по отношению к ней, не смел допустить мысли.

– Нет, – спокойно продолжила девушка. – Я не лярва. Но я чётко знаю, чего хочу от жизни и как этого достичь. Я всего лишь слабая девушка, которая имеет право на счастье и комфорт. Просто сокращаю этот долгий путь, чтоб ни в чём не нуждаться. А что ещё говорят? – вновь улыбнулась Лиза.

– Но не с ним же, – в негодовании затрясся Игорь. – Не с этим противным, склизким боровом. Неужели нет достойных мужчин?

– Ха-ха-ха, – засмеялась девушка, запрокинув голову. Пышные чёрные волосы колыхались при этом на гладкой ткани халатика, подрагивали хруп-кие плечи, тонкий смех резал уши. – Достойных мужчин, – продолжала она смеяться, и смех её больно полосовал душу, уродуя её, превращая в месиво. – Где их взять в нашем гнилом городишке, этих мужчин? Или вы думаете, мне приятно с ним? Но у него есть деньги, а в наше время это всё. Деньги и власть. С чего-то надо начинать.

– Но, Лиза, – шёпотом проговорил Игорь. – А как же любовь? Почему он?

– Какая разница: он не он? Мне хоть с вами и то приятнее, – но вы не по-тянете моих запросов. А этот свин – временное явление, пока не найду что-то достойное. А любовь... Любовь не входит в мои планы. Не сейчас. Я должна стать на ноги.

– Но почему не я? – нервно выпалил он. – Чем же я хуже? Я же тоже смо-гу гнобить подчинённых. Ради тебя я заткну голос совести. Если надо... Если надо я обрублю себе палец на станке и стану «БОСОМ». Только со мной ты останешься непорочной, какой и задумана природой. – Кричал он в малень-кой кухне, не думая, что отчаянным криком разбудит соседей. Слезы от бес-силия лились из глаз. И не видел, и не слышал он уже, как смеётся над ним его «Ангел». Смысла жизни не стало, разъело её стержень ядовитыми пара-ми быта. Не стало места фантазии и лирике – одна лишь скучная, никчём-ная реальность. Обрыдлая, неприглядная и больше невыносимая. Нет места романтике в жизни, не бывает в ней удовлетворения и любви! Есть только пашня, на которой одни – погонщики, а другие – это зашоренные волю. И эта девочка... Она даже никто – ни вол и ни погонщик, она всего лишь грязная подстилка.

Та, что красила день, наполняя его смыслом, оказалась пустышкой, соб-ственной выдумкой, миражом. К чему тогда всё остальное...

– Дядя Игорь, – говорила Лиза сквозь смех, – ты на себя в зеркало смо-трел? Мне всё равно с кем, но ждать некогда, пока ты станешь генералом. Вот стань им, а пока: «Герой, я не люблю тебя!» – именно цитата Пушкина доле-тела до воспалённого сознания горе-любовника.

Рассеивались любовные миражи в сознании Игоря, сходила пелена на-важдения с глаз. Опять...

«Опять я создал себе, выдумал героиню, – трезвел рассудком Игорь. – Ко-торый раз натянул образ на реального человека. Как же тяжело приходиться в себя. Кому я нужен, кроме своих фантазий? Но как же без любви? Кому нуж-на эта жизнь и для чего? Неужели, лишь чтобы штукатурить небоскрёб?!» – улыбнулся он и вспомнил реплику Паниковского:

«Я старый, больной человек. Я давно не был в бане. Меня не любят девуш-ки»...

Ровно неделя понадобилась Палычу, для того чтобы найти работников на смену Игорю и Лизе. Начальник цеха никогда больше не вспоминал об этой паре, словно и не было на фирме таких людей. Лишь внутри коллектива, между работягами велись странные споры, и как всегда сотрудники разделились на два лагеря: в первом утверждали, что «Задушил», во втором возражали: «Зарезал!» Только в одном сходились все, одного никто не понимал: к чему была эта странная фраза, когда полицейские выводили убийцу – «Я так давно не был в бане. Меня не любят девушки»... Впрочем, батраки недолго задавались этим вопросом. Да и до этого ли было? Всем предстояло великое: всем выпадал шанс добровольно «штукатурить небоскрёб»...

Василий Дмитриевич Ловчиков – родился в 1935 г. в городе Воронеже. В 1957 г. окончил Высшее военноморское инженерное радиотехническое училище в г. Гатчине. С 1957 по 1964 гг. служил в Военно-морской и Дальней авиации (ДА) на разных должностях. В 1967 г. окончил Военно-дипломатическую академию (ВДА). Работал в Москве, за рубежом и в ВДА. Кандидат военных наук, доцент, академик Международной академии духовного единства народов Мира. В настоящее время – профессор Военного университета МО РФ. С 2000 г. член Союза писателей России, член-корреспондент Академии поэзии. Автор 24 сборников стихов и поэм. За литературную деятельность награждён шестью медалями, в том числе: Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и Александра Пушкина.

Живёт в Москве.

«Две службы разные...»

Об успешных операциях Службы Внешней разведки (СВР)

Настал июнь, а лета нету!
Нет долгожданного тепла:
До ночи с раннего рассвета
То дождь, то ветер, холод, мгла.
И на беду – коронавирус
Уж третий месяц держит нас,
Загнав по дачам, по квартирам,
Как оккупант в расправы час.

Забыты личные контакты,
Курорты и всеобщий труд,
Рыбалки, шашлыки, театры –
Их люди, словно праздник, ждут.
Но всё ж дают плоды прогресса:
«WhatsApp», компьютер, Интернет –
Найти путь к общим интересам,
К чему, казалось, хода нет!

И по «WhatsApp» разведчик Васин
Весьма легко к нам путь нашёл
И спор был разрешить согласен,
Что между мной и другом шёл.

Друг спорил: Внешняя разведка
И Гэ эРУ* – одно и то ж!
«В их методах, – язвил он едко, –
Различия ты не найдёшь!»

И Васин с этим был согласен,
Но цели их не стал равнять:
ГРУ – цель, чтоб враг был не опасен,
Вэ эР – чтоб все угрозы знать!
То есть военная разведка –
Источник поиска побед,
А ищет внешняя разведка –
Надёжный курс из внешних бед!

Но в жизни обе эти цели
Порою трудно разделять,
Готов любой разведчик зрелый,
Коль надо – обе их решать!
Готов разведчик ГРУ задачу
За друга из Вэ эР решить,
А друг Вэ эР его удачу
Готов, коль надо, разделить.

И Васин дать не поленился
Пример, как из Вэ эР боец
Решить задачу ГРУ стремился –
Добыть снаряда образец.
Наши военные узнали,
Что создан в Англии снаряд,
Которым «ФАУ-2» мечтали
Они над Лондоном сбивать.

Но лишь после войны внедрили
Его новинкой в ПВО,
Как сверхсекретный разместили
В частях лишь собственных его.
И сверхсекретные снаряды
Хранились на складах двух стран:
В Италии их были склады,
И у себя – у англичан.

И Внешняя разведка знала
Секретности режим двух стран:
Слабей Италия скрывала
Секреты скрытных англичан.
И резиденту Вэ эР в Риме
Приказ – добыть такой снаряд,
Шанс выполнить его прикинув,
Горшков ему был даже рад.

Он, Николай Горшков советский,
Как дипломат и резидент,
Знал: план решения нужен дерзкий.
И к плану опытный агент.
Из всех достойным выбрал Рея –
Гуляка, бабник, балагур,
С любым в контакт войти умеет,
Свой среди правящих фигур.

По плану первая задача –
Узнать все вести про снаряд,
Число, где их хранят и прячут,
И то, как бдительно хранят.
Легенда Рею: «Можно ль верить
Тому, что бобби нам твердят.
Спасёт в бомбёжки от потери
Их удивительный снаряд?»

И Рей узнал через солдата:
В посёлке, рядом с Римом, склад,
И в нём среди ПВО снарядов
Британский числится снаряд.
Рей уточнил, найдя причину,
И то, чем тот хорош снаряд:
Про электронную начинку
И разрушительный заряд.

И то, где склад, в посёлке этом
Друг друга знают все в лицо,
И шанс добыть снаряд секретный
Без в нём живущих – шанс глупцов.
И Николай дал право Рею
Жильцом в посёлке этом стать
И, средств разумно не жалея,
К снаряду доступ отыскать.

И Рей как неплохой психолог,
Осев в посёлке, так гульнул,
Снаряд хранителей, как голых,
Долгами в кабалу втянул.
Семь месяцев стремился к цели,
Друзей долгами нагружал,
Когда же должники созрели,
Из долга выход подсказал.

Чтобы с долгами расплатиться,
Помог друзьям снаряд продать
К тому ж и хорошо нажиться,

Чтоб было впрок на что гулять...
Документация к снаряду
Диппочтой попала в Центр,
Через Швейцарию за плату
И сам снаряд добрался в Цель.

И англичане удивились,
Бедняги не могли понять,
Как россияне ухитрились
Их недоступное – достать?
Вслед, в чертежах до крайней точки,
«Б-29» целью стал,
И так же скрытно, между прочим,
В Москве к заказчику попал.

Так что подобный факт нередкий,
Когда, спасая отчий дом,
И ГРУ, и Внешняя разведка
К успеху ищут путь вдвоём.
«И, как и я, – добавил Васин, –
Горшков полковник, дипломат,
Теперь наставник смены в классах
И также, за что сделал, – рад».

Так что, друзья, нет темы спора:
Две службы разные, но Русь –
ПОСТ общий стражи и дозора
Для ЭС Вэ Эр и Гэ Рэ У.

* Гэ Рэ У (ГРУ) – Главное Разведывательное
Управление (Вооружённых Сил РФ)

Жизнь и достижения Ирен Жолио-Кюри

12 сентября 1897 года в семье француза Пьера Кюри и полячки Марии Склодовской-Кюри родилась дочь Ирен. Отцу, преподававшему в Школе индустриальной физики и химии в Париже, было в ту пору 38 лет, матери – 30 лет. Она всего за два года до этого окончила Парижский университет (Сорбонну), вышла замуж за Пьера Кюри и начала работать в его лаборатории.

Это потом они станут всемирно известными учёными: в 1903 году совместно с профессором Антуаном Анри Беккерелем профессор Пьер Кюри и Мария Склодовская-Кюри получают Нобелевскую премию по физике за открытие самопроизвольной радиоактивности, в 1911 году Марии Склодовской-Кюри будет присуждена вторая Нобелевская премия (теперь уже по химии) за получение металлического радия, определение его атомного веса, изучение физических и химических свойств и места в периодической системе элементов и изготовление эталона радия.

А пока это была молодая, счастливая, дружная семья. Мать и отец с удовольствием помогали друг другу в хлопотах о новорождённой и не чурались никаких новых обязанностей.

Ирен росла быстро и быстро развивалась. Любознательность, наблюдательность и острый ум девочки раньше всех подметил отец. Он с удовольствием гулял с дочерью, серьёзно беседовал с ней во время прогулок и радовался первым проблескам её самостоятельной мысли и цепкой памяти.

В 1906 году от несчастного случая он погиб. На руках 39-летней вдовы остались две дочери: Ирен, которой шёл 9-й год, и 4-летняя Ева.

Семья переехала к деду по линии отца – доктору Эжену Кюри. Он стал самым близким Ирен человеком, её духовным руководителем. Дед любил Ирен, он пристрастил её к чтению и глубокому анализу прочитанного. В течение всей последующей жизни она так же трепетно любила

Василий Евгеньевич Поляков – коренной москвич, родился 4 июля 1938 г., окончил 330-ю среднюю мужскую школу, затем 2-й Московский медицинский институт, клиническую ординатуру и клиническую аспирантуру в НИИ педиатрии АМН СССР. Врач-педиатр, гематолог, лимфолог, онколог и детский онколог, организатор здравоохранения. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Профессор, академик Международной Академии Информатизации ООН и Международной Славянской Академии наук, образования, искусств и культуры. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Ирен Жолио-Кюри

и понимала Виктора Гюго, как понимал и любил его дед. Наряду с этим он познакомил Ирен с основами естествознания и ботаники, которую сам хорошо знал и о которой мог говорить так увлекательно и приводить такие красивые наглядные примеры.

Через 4 года, когда Ирен исполнилось 14 лет, не стало и деда. Воспитанием и образованием дочерей занялась сама Мария Склодовская-Кюри. Вместе со своими коллегами она организовала школу, в которой учились около 10 сыновей и дочерей преподавателей Парижской промышленной школы физики и химии. Детей обучали литературе, истории, иностранным языкам, естествознанию, математике, химии, физике, рисованию и даже шитью. Мальчиков и девочек учили плавать и ходить на лыжах, знакомили с физическими

приборами, химическими реактивами, показывали, как ставятся физические и химические опыты.

Физику детям преподавала сама Мария Склодовская-Кюри, химию – Жан Батист Перрен – будущий академик Парижской академии наук (1923), лауреат Нобелевской премии (1926), почётный член АН СССР (1929). Математику вёл сын члена Парижской коммуны Камиля Пьера Ланжевена Поль Ланжевен – будущий академик Парижской академии наук (1934), почётный член АН СССР (1929), Лондонского королевского общества, коммунист с 1944 года.

После двух лет учёбы в этой школе Ирен легко поступила в частную школу Коллеж Севинье, окончание которой давало диплом о среднем образовании и право поступления в университет.

С детских лет Ирен Кюри росла в атмосфере научного подвижничества, в среде, где «дум высокое стремленье» было повседневной и обычной нормой жизни внешне очень скромных и уравновешенных людей, какими были её отец, мать и их коллеги. Увлечённость этих людей своей повседневной работой не оставляла места унынию, делала их неуязвимыми перед неприятностями и бедами, потрясениями в общественной и личной жизни, перед испытаниями первой и второй мировых войн.

16-летней девушкой Ирен вместе с матерью, Альбертом Эйнштейном и его сыном совершила туристический поход по Франции. 34-летний профессор физики Цюрихского университета, будущий лауреат Нобелевской премии (1921), впоследствии всемирно известный учёный, член многих научных обществ и академий, почётный член АН СССР (1926), не только с удовольствием беседовал на научные темы с Марией Склодовской-Кюри, но и проникся большой симпатией к её дочери, быстро заметив и оценив её ум, спокойный уравновешенный характер и большое научное дарование. Дружбу,

начавшуюся в туристическом походе, эти люди сохранили на всю жизнь: Ирен умерла всего через год после смерти А. Эйнштейна.

В канун Первой мировой войны Ирен с сестрой Евой отдыхали на даче в Бретани. Мария Склодовская-Кюри преподавала в Парижском университете и следила за строительством Института радия. Она собиралась приехать к дочерям лишь в августе. Но разразилась война. Семнадцатилетняя Ирен с младшей сестрой с большими трудностями добрались до Парижа самостоятельно. Институт радия опустел. Сотрудников призвали в армию. В лабораториях было пусто, так как оборудование смонтировать ещё не успели.

Ирен вместе с матерью взялась перетаскивать приборы и аппаратуру и устанавливать всё это в лабораториях. Но скоро и это занятие пришлось прервать. Военные госпитали приближающегося фронта нуждались в рентгеновских установках и обслуживающем персонале, обученном работе на них. Мария Склодовская-Кюри взялась за организацию этого дела. Ирен всё время помогала ей. Более того, она под руководством матери освоила специальность рентгенотехника и часто выезжала для помощи раненым в полевые госпитали. Ирен работала много и самозабвенно. Вместе с Евой они часто выезжали со специальными отрядами мобилизованных горожанок в деревню для помощи во время уборки урожая. Это продолжалось всю войну.

Ирен исполнился 21 год, когда окончилась война. Она смогла приступить к занятиям в Парижском университете. В 1920 году Ирен Кюри окончила университет и стала работать лаборантом в Институте радия, где под руководством матери начала готовить докторскую диссертацию, посвящённую исследованию альфа-частиц, испускаемых полонием. В 1925 году диссертация была защищена.

В начале этого же года в Институте радия впервые появился в форме младшего лейтенанта артиллерии Фредерик Жолио, окончивший в 1924 году Школу промышленной физики и химии и ещё проходивший военные сборы во взводе противогазовой защиты как офицер запаса. По рекомендации Поля Ланжевена он был принят Марией Склодовской-Кюри и на следующий день стал её личным лаборантом.

Совместная работа в лаборатории матери, обсуждение и реализация научных опытов, острые дискуссии, беседы о литературе и физике, длинные пешие прогулки и катание с гор на лыжах, весёлый отдых на берегу моря быстро сдружили уравновешенную, лиричную Ирен и огненного, порывистого Фредерика. Несмотря на то, что Ирен была старше Фредерика на три года, предложение стать его женой она встретила без колебаний. В 1926 году коллеги из Института радия, руководимого М. Склодовской-Кюри, горячо поздравили молодожёнов. Через всю свою жизнь эти два больших учёных физика пронесли нежное и трепетное чувство любви и уважения друг к другу. В 1927 году у них родилась дочь Элен, а в 1932 году – сын Пьер. К сожалению, Марии Склодовской-Кюри совсем недолго довелось быть счастливой бабушкой. 4 июля 1934 года она скончалась от лейкоза.

Совместные эксперименты супругов Жолио-Кюри привели в 1932 году Фредерика, а также и английского физика Чедвика к экспериментальному открытию новых, неизвестных тогда частиц – нейтронов, теоретически предсказанных Резерфордом ещё в 1920 году. Открытие нейтрона указало на существование нового типа сил в природе – ядерных сил.

В 1933 году, облучая бор, алюминий и магний альфа-частицами, испускаемыми полонием, Ирен и Фредерик Жолио-Кюри открыли явление

«искусственной радиоактивности». Это открытие принесло учёным всемирную известность. Они получили Нобелевскую премию за 1935 год по химии. Сделанное ими открытие впервые показало возможность существования искусственно получаемых бета-радиоактивных изотопов. В начале 1937 года Сегре обнаружил и впервые выделил химическим путём технеций – первый бета-радиоактивный элемент, существовавший некогда в природе, но почти полностью исчезнувший из-за своего радиоактивного распада. С этого времени начинается эра широкого использования радионуклидов в биологии и медицине для диагностики и лучевой терапии.

В 1934 году, в возрасте 37 лет, Ирен Жолио-Кюри стала директором лаборатории Кюри в Институте радия и профессором Института естественных наук Сорбонны. Через год её назначили руководителем работ Национального фонда наук, а спустя ещё год – товарищем министра народного просвещения по руководству научно-исследовательскими работами во Франции. Несмотря на большую занятость научными и государственными делами, Ирен Жолио-Кюри, по свидетельству современников, оставалась простым, доступным человеком. Демократизм, так подкупавший людей в характере её матери, в полной мере унаследовала дочь.

В 1939 году Ирен Жолио-Кюри совместно с югославским физиком П. Савичем экспериментально изучала бомбардировку урана нейтронами и среди образующихся при этом радиоактивных продуктов обнаружила лантан – элемент с порядковым номером 57. Эта работа наряду с работами других физиков сыграла большую роль в открытии реакции деления ядер.

Открытие в 1939 году деления ядер урана ознаменовало начало новой эры – эры использования внутриядерной энергии.

В годы нацистской оккупации Франции (1940–1944) Ирен Жолио-Кюри участвовала в движении Сопротивления. Она активно помогала мужу, возглавлявшему организацию «Национальный фронт», вступившему в 1942 году в Коммунистическую партию Франции, участвовавшему в антифашистском восстании в Париже в августе 1944 года.

В 1946–1950 г.г. Ирен Жолио-Кюри работала в Комиссариате атомной энергии при правительстве Франции. Однако её освободили от этой работы за активное участие вместе с мужем в организации Всемирного движения сторонников мира.

В 1947 году Академия наук СССР избрала Ирен Жолио-Кюри своим иностранным членом-корреспондентом. Она была удостоена дипломом члена Бельгийской королевской академии, Академии наук Индии, почётного доктора Эдинбургского университета в Шотландии, Университета Осло в Норвегии. Парижская же академия наук сохранила свою традиционную предубежденность против женщин-учёных. Гордость Франции, лауреат Нобелевской премии Ирен Жолио-Кюри так и не была избрана в национальную академию, хотя дважды выставляла на выборах свою кандидатуру. Но даже этот заранее обречённый на неудачу публичный жест был продиктован не личным тщеславием, а, прежде всего, борьбой за равноправие женщин с мужчинами в буржуазном обществе.

Ирен была участником учредительного Международного женского конгресса в 1945 году, а также Первого (1949) и Второго (1950) всемирных конгрессов женщин. В 1950 году её избрали членом Всемирного Совета Мира, председателем которого стал её муж, Фредерик Жолио-Кюри.

До конца своих дней Ирен Жолио-Кюри была директором лаборатории Кюри Института радия и профессором Сорбонны, оставаясь по характеру своей деятельности учёным-экспериментатором, руководителем научных коллективов, наставником многочисленных учеников.

«Я любила поиски ради них самих, – скажет она в конце жизни. – Есть некоторые незначительные опыты, которые доставили мне удовольствия больше, чем те, что сулили громкие успехи».

17 марта 1956 года на 59-м году жизни Ирен Жолио-Кюри умерла, как и её мать, от лейкоза.

В лице этой очень скромной женщины человечество потеряло выдающегося учёного, авторитетного общественного деятеля, безупречно честного человека, являвшего собой образец трудолюбия, любви и преданности избранному делу.

Вся её прекрасно прожитая жизнь является достойным примером будущим поколениям.

ДРАМА

Юрий БОГДАНОВ

Эмиль

Драматическая поэма

Моцарт:
«...Он же гений,
Как ты да я. А гений и злодейство –
Две вещи несовместные...»

А.С. Пушкин. Драма «Моцарт и Сальери»

Действующие лица:

Эмиль – начинающий композитор (35 лет).
Жанет – эстрадная певичка, шоуменка (45 лет).
Белый голос.
Чёрный голос.

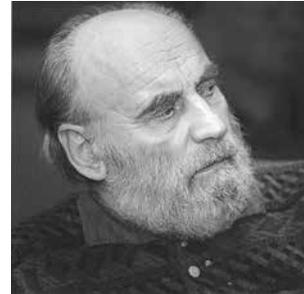
Время действия: Двадцать первый век

Сцена первая

Обычная городская квартира. Эмиль ходит по комнате и напевает мелодию из 40-й симфонии Моцарта, садится в задумчивости за фортепиано.

Эмиль

Да! Пушкин гений... Как он разглядел
В Сальери утончённого злодея,
Сокрытого, как рыба чешуёй
Созвучьями, блестящими на солнце,
Что выдавал потуги ремесла
Народу за великое искусство,
Пока ещё не грянула пора
Услышать гениального Моцарта...
И зависть стала есть его, как смерть,
В бокал вина он всыпал Амадею
Смертельный яд...

Юрий Николаевич Богданов – родился в г. Горьком, окончил музыкальное училище им. М.И. Глинки (1964 г.), Литературный институт им. А.М. Горького (1974 г.). Автор более двадцати книг стихотворений, в том числе «Галактика души» (сонеты), «Музыку небесную я слышу», трёхтомного собрания лирики («Солнцу хвала», «Всевышней любовью», «Лунное затмение»), «Капелью проклюнуты чувства», «Поделись надеждой с врагом своим», а также поэм – «Ванька, встань-ка», «Пётр и Февронья», трагедий «Джульетта», «Морок», «Из-под плинтуса», «Проскурова лажа», «Последний круг» и других. Секретарь Правления Московской городской организации Союза писателей России, Академик Петровской Академии наук и искусств.

Живёт в Москве.

ЮРИЙ БОГДАНОВ

Чёрный голос

Но как его за это осуждать,
Когда ты сам в музыке не добился
Значительных успехов у людей,
А утонул в несбыточных мечтаньях.
Друзьям казалось: гений среди них
И относились с искренним почтеньем...
Но не достиг божественного чуда
В простой игривой пьеске для детей,
Упрятал правду в сердце от себя
И согласился с внутренним уютом.
Подумай на досуге, что придёт
За это несомненная расплата...

Эмиль

Ты нагло врёшь, чтоб душу совратить,
Пустить по ветру к чёрту гениальность,
Чтоб уничтожить слабые ростки,
Стремящиеся к звёздам непокорным...

Белый голос

Не слушай чернь: пиши, пиши, пиши...
За музыкой Моцарта в поднебесье
На крыльях вдохновения лети
В безбрежный космос смело, без оглядки,
Вовсю старайся, чтоб не погубить
Подаренное Богом провиденье, –
Нет высшего искусства, чем музыка,
И счастлив тот, кто слышит небеса.

Эмиль

Два гласа соревнуются во мне
И оба правы, но к кому склониться?
А если я не гений, а дерьмо,
Внушившее мечту про гениальность...
Один ведёт на лёгкий скользкий путь,
Где можно жить при деньгах и в довольстве;
Другой – терпеть, работать день и ночь
И голодать, надеясь на удачу.

Белый голос

Ты принципам своим не изменяй,
Не опускайся до ничтожных шоу,
Что наизнанку вывернут талант,
Опустошив всю душу без остатка.

А сможешь ли вернуться к чистоте
Звучания симфонии в оркестре,

Которую захочешь сочинить,
Как делали великие артисты?

Чёрный голос

Да что он бредит, на кой чёрт ему
Себя казнить и в нищенстве презренном
Копить бабло на хлеб и молоко,
И экономить каждую копейку,
Когда мычит, как в опере, в хлеву
Златой телец и будит всю округу.
И я «замолвлю» голос за него,
Потом сполна возьму свою аренду...
Не вырвется, змеёньш никогда
И сотворит, что я ему внушаю.
Ещё чуть-чуть и – я его сломлю.
Мои усилья будут не напрасны.

Эмиль

Нет! Совесть не позволит блефовать:
Спуститься до бездарнейшей халтуры,
Но кто б он ни был – враг мне или друг, –
Коварным уговорам не поддамся.
Совсем ещё немного написал:
Для фортепьяно несколько прелюдий,
Один квартет и соло для трубы,
Картинки музыкальные для флейты.
Но в них уже почувствовал простор,
Рождяющий космические звуки,
Мелодии в распахнутой душе,
Летающие в заоблачном пространстве.
Я счастлив был на гребнях этих волн,
Где множились и множились аккорды
Кантат, концертов будущих моих,
Пока и неоконченных симфоний...
Показывать известным не хочу,
Чтобы невольно мысли не вспугнули,
Приблизив вдохновение к земле,
Не исказив идей произведений...
Никто не знает этот мой секрет:
Когда-нибудь откроется народу,
Записанный в моих черновиках
И никому доселе не доступных.
Все мысли музыкальные мои
Как и душа: всё в них, всё в них сокрылось...
Жизнь состоит из тысяч запятых,
Одна лишь смерть в конце поставит точку.

Белый голос

О смерти думать надо запретить
Своим метаньям в творчестве и жизни,
И постарайся то осуществить,
О чём мечтал годами днём и ночью!
О, музыка! Сведёт тебя с ума,
А сумасшедших гениев не мало, –
И если с ними станешь наравне,
То впишешь имя в нотные скрижали.

Эмиль

Стараяешься меня ты ободрить,
Но слабый дух мой, словно на качелях:
То падает, а то взлетает ввысь,
И жаждет в бездну гулкую сорваться...
Иль облаком изменчивым лечу,
Сбирая в тучу чёрное пространство,
Бросаю огонь на реки и леса,
Как горы, гром на землю обрушаю.

Чёрный голос

Я наконец сомнения занёс
В его совсем растрёпанную душу:
Ещё-ещё немного подтолкнуть –
И свалится с «классических устоев»,
А там глядишь – и кувырнётся вниз:
Для этого мне надо подобрать
Смазливую красотку в пошлом шоу –
Любительницу денег дармовых:
Без принципов, далёкой от искусства,
Где бездарь превалирует во всём,
А хитрости – всегда открыты двери,
Умеющей таланты обольщать...
Там есть одна такая на примете,
Попробуем внедрить в его мозги,
Что лучше нет, – зачем ему мученья
Ещё искать... Но выгорит ли дело?
Горшки не только боги обжигают...

Белый голос

Ишь, что задумал подленький стервец:
Подсунуть композитору бабёнку,
Не знающую классику совсем,
Которая играет ей на нервах,
Куда она Эмиля заведёт?
Не совместятся дух его и пошлость,
Но я надеюсь, что он устоит,
Дешёвеньким соблазнам не поддастся.

Эмиль

Вчера опять нашёптывал мне глас
 Про верную подругу по искусству,
 Что создала классический ансамбль,
 А музыки серьёзной не хватает.
 Ей хочется способных молодых
 Привлечь к работе в будущем проекте,
 Не обещает славы, но пока –
 Немного денег на поддержку духа.
 Глас предлагает встретиться с мадам
 И обсудить по делу перспективу:
 Что ж, поглядим, чужого не возьму,
 Но и своё не дам я разбазарить.

Чёрный голос

Вот вам крючок и дохленький червяк,
 Да в омуте рыбёшка на подхвате,
 Организую «стрелку» вечером
 Я в кабаке – за мной «не заржавеет».

Сцена вторая

Офис. За столом сидит Жанет. Входит Эмиль.

Эмиль

Вам добрый день! Меня зовут Эмиль!

(Жанет встаёт, протягивает руку, представляется)

Недавно друг ваш близкий и старинный
 Пообещал нас в творчестве свести,
 За что ему великое спасибо.

Жанет

Да, помнится, о вас мне говорил:
 Хвалил – не подающего надежды,
 А как уже сложившийся талант.
 Во всём помочь вам буду только рада...
 Сейчас у нас ансамбль, а не оркестр,
 Но набирает творческую силу,
 За всё берёмся, только б выживать,
 И шоу нас нисколько не коробит.
 Ведь здесь немало значит мастерство
 Бригады всей – от мастера до флейты,
 Чтоб при людях не рухнуть в грязь лицом
 И за «понюшку» враз не облажаться.

Эмиль

Я постараюсь вас не подвести,
 Готов начать попробовать сегодня...

Жанет

Ты в следующий вторник приходи!
 Да, кстати, мы общаемся попроще,
 В процессе производства все – на «ты»,
 Без всякого расшаркиванья, чванства.

 Пока что всё! Идеи приноси,
 За них всегда, как пить, заплатят «бабки»...
 Ну, хватит! До свидания! Пока!
 Считаю наша «стрелка» состоялась.

(Эмиль раскланивается и уходит)

Чёрный голос

Вот и свершилось то, о чём мечтал:
 Мне чёрной краски и недоставало,
 Обмажу их я липкою смолой,
 Как мух навозных, чтобы не взлетели.
 Пусть копошатся в мусорном ведре,
 Надеются, что всех низин достигли
 В искусстве примитивном для людей,
 Себя считая их поводырями.

Эмиль

Уже вчера звонила мне мадам:
 Безделицу просила «накорябать»,
 Как «Чижик-пыжик», только и всего...
 Со смехом «начирикал» то, что надо,
 Потом ещё... ещё одну, ещё...
 Все «на ура» прошли великолепно,
 И пальцы сразу лёгкость обрели,
 Которую с рождения не знали.
 Восторг успеха кожей ощутил,
 Лицо горело, словно у мартена,
 Мелодии искрились, будто сталь,
 Текущие из печи раскалённой.

Белый голос

Ну, что случилось? Судно дало течь?
 Пойдёшь ко дну спокойно и без крика,
 Сожрут акулы – только и всего,
 И кто тебя с дешёвкой этой вспомнит?
 Симфонии уже пошли под нож?

Хотя в мечтах они ещё живые,
 Когда приходят, плача, по ночам,
 Не разрывая войлочное сердце.
 Тебя не раз, не два предупреждал
 Не связываться с публикой позорной,
 Но лезешь всё равно туда пищём,
 Презрев мои реальные советы.

Эмиль

Опять меня ты смеешь поучать!
 Сегодня я талантлив, популярен,
 И публика от песен без ума,
 Чего желать? И «бабки» неплохие.
 Попробовал серьёзно сочинять,
 Но «поплыла надёрганная лажа»
 Из шлягеров, заполнивших эфир:
 Как головой ударился о стену.
 Устал-устал, но чуть передохну –
 С Жанет слиняю в отпуск на Мальдивы,
 Но ей – ни слова, что хочу начать
 Засесть опять за струнные квартеты.

Жанет

О чём сейчас тревожишься, Эмиль?
 На отдыхе суровости нет места:
 Нам предстоит потом повоевать,
 Когда нырнём в «родимые пенаты».
 Ты знаешь, что хотят у нас отнять
 Такое перспективнейшее шоу,
 Что даст надолго славу и почёт,
 И что важнее – бешеные «бабки».
 Но нас с тобой не взять на бордаж:
 На творчество мы годы положили,
 И наше время Эм... не истекло,
 А порох сух ещё в пороховницах.

Эмиль

(про себя)

Мы победим, но дальше, дальше что?
 Очередные шоу, шоу, шоу...
 Они в печёнках и в зубах навязли,
 А где её обещанный оркестр?
 Я променял святое на халтуру,
 И полюбил овации толпы...
 Я, словно у разбитого корыта,
 Симфоний собираю черепки.

Чёрный голос

Но ты ещё не ощутил всерьёз,
 В какую мы тебя столкнули пропасть:
 Её и высоту, и глубину...
 Наверх подняться будет невозможно!
 А как понять, лежащему на дне?
 Вокруг всё стены, стены и обрывы,
 И эта слизь зловонная, как смерть:
 Конец тебе и музыки великой.

Эмиль

Что это? Сон? А если это сон
 Пророческий, и выхода не видно!
 «Рванусь» на дачу, там черновики,
 Очищу душу бедную от скверны.
 Не воспарю, скорее, испарюсь,
 Что капля пота в беге бесполезном
 За эфемерной славой и престиж,
 Или погибну в этом марафоне.

Белый голос

Прошу тебя, на миг один проснись,
 Чтоб чёртово отринуть наваждение –
 Ты невозврат в душе не перешёл,
 Не уничтожит гибельная пропасть.
 Как ранее, держись ты за меня,
 И в горести тебя я не оставлю,
 Решай, решай, как вырваться из лап
 Твоей подруги – гнусной шоуменки.

Жанет

(звонит Эмилю)

Мы победили – грубо и всерьёз.
 Как хорошо бойфренд мой поработал:
 Купили шоу и – пошло, пошло...
 Не пошло, а почти что гениально.
 Спектакль для женщин – не для мужиков:
 Сплошной фурор, и в кассы не пробиться –
 Одно название стоило того:
 «Длиннее волос – значит ум короче».
 Не все вначале поняли ещё,
 В чём шоу суть: насмешка или хохма,
 Но в пятом представлении уже
 Ползала бритых девушек сидело.
 От этого спектакля потекут
 Не ручейком несчастные копейки,
 А, как торнадо, вихрем полетят
 В карманы наши тысячи долларов.

Тебе спасибо за большой талант
И за твою огромную работу!
Теперь уже на кой тебе оркестр?
Живи спокойно, нервы – невозвратны,
Катайся вволю: хочешь – на Бали
Или на пресловутые Каняры.
Я счастлива, что я тебя нашла
И буду содержать тебя до смерти,
Не трать лишь на симфонии талант –
Не переплюнешь гения Сальери.

Эмиль
(про себя)

Вот «раскололась» тётя наконец –
Скрываясь за высокими словами,
Коварно сеть смертельную плела,
Чтоб погубить духовное начало,
Рождённое в неопытной душе,
Как малое небесное созданье!
Кругом обман, не видит лишь слепой:
Прозреть, прозреть и никому не верить!
Воистину не врут черновики,
Безмолвные, глядят в меня с укором,
Бегу в себя от пошлости людской –
Подайте виртуальную карету!

Сцена третья

Двухэтажный особняк. Эмиль на чердаке из сейфа достаёт какие-то бумаги, перелистывает.

Эмиль

Ну, вот они – мои черновики,
Опять звучат – забытые надолго!
Они зовут, как деточки мои,
Прийти, обнять погладить по головкам,
Услышать стон пронзительный во сне,
Просительный, входящий прямо в душу,
Как реквием, что я не дописал,
Утратив веру в собственные силы.
Простите слабовольного «отца»!
Я навсегда к вам, деточки, вернулся,
Никто не отлучит меня от вас –
До моего последнего дыханья.

(Слышен звук подъехавшей машины, пачки нот падают на пол, и Эмиль спускается с чердака на второй этаж. Входит Жанет)

Жанет

Куда запропастился мой бойфренд?
Звоню, звоню – ни звука, ни ответа:
Хочу опять порадовать тебя –
Для нас я шоу новое «отбила».
Вновь разгорелась страшная «война»:
Как им напасть без смысла на такую,
Прошедшую и то, и то, и то –
Огонь и воду, медяные трубы,
Чесночного отравленные зубы..
Так что молчишь, мой френд, совсем не рад?
Куплю тебе крутую иномарку,
И будешь развлекать кардебалет
Ты по привычке на нудистском пляже.

(Жанет замолкает и пристально смотрит на Эмиля)

Мне кажется, ты, «Френдик», не в себе:
С ума сошёл, нечаянно влюбившись?
Смотри, а то – коварно накажу:
Пожалуюсь я проклятому другу.
Уж он увидит, что там в стакане –
И выволочку даст по всем законам.

(Эмиль молчит, смотрит в сторону. Жанет хлопает дверью и уходит)

Чёрный голос

Я слышал всё! И ты, друг, не дури,
Про черновики я знаю досконально,
И если тёте просто намекну,
Что за спиной её ты вытворяешь, –
Поберегись! Упрёт твои права
И обдерёт бессовестно, как «липку»...
Но я пока об этом промолчу,
Одумайся и будь благоразумней.

Эмиль
(про себя)

Да! Я с жульём попал, как кур, во щи!
Пока талант не вытащат до плёшки,
Не обрету спокойствия в душе:
Вступить в борьбу – подобно жуткой смерти.
Но как мне эту свору обмануть,
Когда дела и мысли под контролем?
К тому же, не приходит Белый глас!
Какой совет он выдаст, не лукавая?

Белый голос

Признал черновики ты, как детей,
А от детей, дай Бог, не отречёшься,
И чистым сердцем слёзно повинись
В своём пред ними страшном преступленьи.
Простят иль нет? А, может быть, простят?
Пока не знаю, но предполагаю,
Когда писал, возможно, и любил,
Они ж – любви к тебе не потеряли.
Последний шаг в предательстве твоём
Ведёт он душу прямо к эшафоту:
Тебе конец, но музыка звучит
В пустынной жизни маршем похоронным.

Эмиль

(про себя)

Страшнее слов я в жизни не слышал,
Но преступленью – горькая расплата!
Неужто совершится, что сказал
Сей Белый глас, как ангел мой хранитель!
Да будет так, когда я всё предаю
И в пропасти не будет мне покоя,
Где Чёрный глас преследует меня
По жизни гнусной и преступной смерти.

(входит Жанет, обращается к Эмилю)

Жанет

Ты почему гулял по чердаку
И что за тайну от меня скрываешь?
Смотри, не лезь ты не в свои дела,
В которых ни черта, дружок, не смыслишь!
А если вдруг любовницу завёл,
То с ней – тебя делить не собираюсь!
Ты нужен мне лишь, как покорный раб,
Таскающий каштаны из камина.
Так вот, запомни это навсегда,
Что я тебе не «временная девка»,
Готовая за бабки в ад идти –
Гражданская жена на перепутьи.

(С раздраженьем уходит. Эмиль сидит в кресле, видно, что расстроен)

Эмиль

(про себя)

Теперь мне ясно, кто я для неё:
Ничтожество – без мыслей и таланта,
Червь дождевой, что выползший на свет,

Чтобы вдохнуть озона грозового.
На всё плевать! Но, если Чёрный глас
Откроет засекреченную тайну:
Ей скажет, где храню черновики –
Не миновать вселенского скандала!
Чего боюсь? Мне шепчут небеса –
Они меня туда – туда направят.

Белый голос

Я ждал того, что ты осилишь страх,
Да! Небеса помогут, несомненно,
Ты только душу в небе распрями
И сердцу дай безмерную свободу.
Тебе не смею часто докучать,
Советовать, как действовать – не буду.
Одна надежда – справишься ты сам
Со всеми неприятностями в жизни.

Эмиль

(про себя)

Сегодня наконец-то я один:
Возьму в работу струнные квартеты.
Вот «Третий» – неоконченный ещё –
Здесь партия идёт виолончели...
Во сне пришла мелодия одна,
Когда припомнил – даже прослезился.
Она звучит отрывками пока,
Но, чудится, что близко завершенье...
По воле волн мелодии плыву
И забываю всё я, всё на свете:
Так счастье поднимает на крыла,
И чую ощущение полёта...

(Вдруг слышен резкий звук автомобильного клаксона. Эмиль быстро складывает ноты и спускается на первый этаж)

Что «тёте» надо в этот ранний час?
Опять явилась и не запылелась!
Как нож, мне в сердце «медный» голосок:
«Что нового “наляпал” ты для шоу?»

Жанет

(входит в дом)

Что делаешь? Ну, как твои дела?
Мозги не помутились от безделья?
И голова сегодня не болит?
А завтра надо музыку представить
Тебе на высший творческий Совет.

Не ври, что не приходит вдохновенье,
Но лучше бы – сослаться на болезнь,
«Творюги» знают: ложь тебе во благо!
А как же шоу? Бабки за него
Истрачены – осталось на «зряплату»:
Сиди ночами хиленький прохвост –
Передо мной не будет оправданий!
И вот ещё! Не нравится совсем
Твоё мне настроение упадка
На грани ночи, как душевный мрак.
Хочу я знать глобальную причину,
Иль недоступный обществу секрет.
Замечено не только мной одной,
Что психика «поехала» твоя:
Ты стал нахально груб и малословен,
Всегда молчишь, как рыба на песке.

(в сторону)

Мене надо посоветоваться с Ним...
Что дальше делать? Как лечить заразу?
Неровен час – уйдёт Эмиль от нас,
А где сыскать талантливую дурню?

Эмиль

(шепчет про себя)

Не знаешь ты, что мы давно враги:
Мне классика, как воздух, вам – халтура.
С тобою не сойдёмся никогда,
Пора закончить тесное общенье.
Не хочется бессмыслием губить
Оставшиеся жизненные годы...
Сегодня окончательно решил
Навек уйти от гнусного позора.

Жанет

(кому-то звонит)

Привет-привет, мой умный старый друг,
Ты подскажи, что делать мне с Эмилем:
Не хочет он для публики писать
И что-то от меня уже скрывает.

Чёрный голос

Я дам совет, но только – ни гу-гу,
Ведь телефон секреты наши слышит...

(Связь прерывается и Жанет не слышит собеседника, потом связь налаживается)

Но, если между вами разгорится
Большой конфликт, скажи ему, скажи...
.....

(Проходит несколько дней. Эмиль приезжает в особняк поработать над очередным струнным квартетом, входит в дом.

У пылающего камина сидит Жанет и что-то бросает в огонь Эмиль тихо подходит из-за её спины и видит в её руках титульный лист партитуры с названием: «Симфония си-минор». Жанет бросает в огонь всю партитуру...

Жанет резко поворачивается к Эмилю, их взгляды встречаются, Эмиль инстинктивно замахивается...)

Эмиль

(срывая голос, кричит)

Что ты наделала? Детей моих сожгла!!!

Жанет

(с ненавистью чётко произносит)

Гений и злодейство – две вещи несовместные...

(Эмиль в ярости изо всех сил толкает Жанет в полыхающий камин)

Гори ты с ними! Жизни в мире нет!!!

(В аффекте Эмиль выбегает из дому и бежит, как сумасшедший, в поле...)

Чёрный голос

Я слышу топот тысячи свиней,
Свиное стадо мчится за Эмилем,
А там обрыв, и пропасть глубока,
И смерть в пыли летит, летит за ними!

Конец

Кофейник из «Вервольфа»

— Как вы полагаете, любезный, можно ли меня удивить или заинтриговать какой-либо раритетной вещью? — с некоторой хитрецей поглядел на меня Вадим Леонардович, мой давний знакомый, коллекционер и антиквар. — Вряд ли! — я скользил взглядом по заполнявшим помещение бронзовым статуэткам, подсвечникам и канделябрам, старинным картинам и изделиям из мрамора...

...Вадим Леонардович — как он однажды поведал мне в доверительной беседе — на первых порах получил образование искусствоведа, но с работой что-то не заладилось, и пришлось ему практически всю жизнь трудиться по инженерной части на одном из заводов города. Благо, к этому времени он уже окончил иной вуз по соответствующей профессии.

Однако любовь к искусству и красоте не покинула его. По мере возможностей — и в первую очередь финансовых — собирал он десятилетиями свою коллекцию, которая ныне радовала взор и душу.

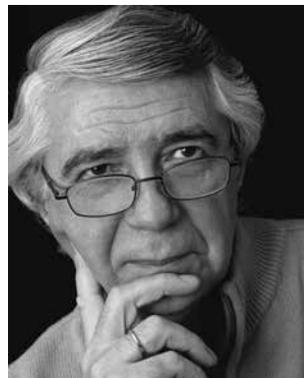
После раннего ухода жены и трагической смерти единственного сына, Вадим Леонардович, во многом потеряв интерес к жизни, всю свою любовь сосредоточил исключительно на своей коллекции.

— Как вы относитесь к Гитлеру? — он резко скользнул по мне взглядом.

— Более чем отрицательно: и к Гитлеру, и к нацизму в целом! Вадим Леонардович, вы же знаете: мой дед, по отцу, погиб в лагере военнопленных в Германии, отец был малолетним узником Бухенвальда! А к чему такой странный вопрос?

— Вы же — историк, милейший, а, значит, ко многим событиям, какими бы они ни были, следует относиться сдержанно и взвешенно!

Хозяин с удовольствием поглаживал свою аккуратную седую бородку, делавшую его, скорее, похожим на некоего испанского вельможу, чем обычного пенсионера, которых — пруд пруди

Сергей Анатольевич Скорый — родился и вырос в Крыму. Окончил Таврический национальный университет (Симферополь), аспирантуру Национальной академии наук Украины (Киев). Поэт. Член Союза русских, украинских и белорусских писателей АР Крым, Союза русских писателей Восточного Крыма. Автор пяти поэтических сборников. Стихи, проза, публицистика, переводы публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Нева», «День и ночь», «Южная звезда», «Ковчег» и многих других. Лауреат и дипломант ряда крымских литературных фестивалей. Доктор исторических наук, профессор археологии.

Живёт и работает в Киеве (Украина) и в Крыму.

в этом большом городе... Респектабельный облик хозяина подчёркивался, к тому же, почти бетховенской гривой седых волос и умением выражать свои мысли хорошим русским языком, с вполне уместными литературными оборотами, что нынче является большой редкостью...

— Секундочку! — и Вадим Леонардович исчез в глубине одной из комнат, куда, как я понял, вход посторонним был категорически невозможен...

— Это из «Вервольфа», — задумчиво произнёс хозяин, и на мою ладонь лёг небольшой, но довольно увесистый предмет.

Услужливая память извлекла из нужной ячейки информацию: «Вервольф» — «Оборотень» — ставка Адольфа Гитлера под Винницей, включавшая в себя комплекс наземных, но главное — нескольких подземных бетонных бункеров, функционирующая с лета 1942 по весну 1944 года, когда она была взорвана немцами. Наследие войны, во многом таинственное и, по сути, не изученное должным образом ни сразу, по окончании войны, ни впоследствии. По различным, очевидно, причинам...

...Металлический, похоже, серебряный, кофейник, обладал простыми, но довольно элегантными пропорциями, рассчитанный, скорее всего, на одну или две чашечки кофе. Поверхность сосуда была обгоревшей, на стенках и дне явственно виднелись вмятины, словно от осколков... Носик сосуда слегка отошёл в месте крепления.

— Посмотрите на дно кофейника: там — клейма!

Я внимательно осматривал изображения, нанесённые в технике гравировки. В центре дна, в виде дуги в две строчки, располагались аккуратно и чётко выполненные два слова: «Hillmann's Hôtel».

Ниже виднелось небрежное клеймо прямоугольной формы. В верхней половине просматривался какой-то прямоугольник с вертикальными чёрточками, ниже два слова, гравированные заглавными буквами.

Нижнее читалось вполне отчётливо: «MÜNCHEN». С верхним словом — сложнее. Отдельные буквы исполнены нечётко. Версии прочтения: «G.HARPMANN» или, скорее, «G.HARTMANN».

— Почём вы знаете, что этот кофейник из «Вервольфа», и как он оказался в вашей коллекции?

Вадим Леонардович сел в удобное кресло, что, по моим наблюдениям, всегда располагало его к более продолжительной беседе.

— Знаете, меня мало интересуют вещи времени войны, вернее — не занимают вовсе! А вот этот предмет даже заинтриговал в определённой степени! Попал он ко мне лет десять-пятнадцать назад от одного моего доброго знакомого, тоже коллекционера. С его слов, кофейник ему достался от родственника, который в 1956 году вместе с группой людей копал большую и глубокую яму в районе крупных бетонных взорванных конструкций «Вервольфа». В яме, якобы, были найдены искорёженный пистолет «Вальтер», битая посуда, кофейник и некоторые иные предметы. Кто и с какой целью делал «раскопки» в районе взорванных конструкций «Вервольфа» через 12 лет после завершения функционирования этого комплекса, родственник моему знакомому не сообщил, уйдя в мир иной в конце 1980-х годов.

— Как вы думаете, этот кофейник мог видеть фюрера? — неожиданно спросил Вадим Леонардович.

— Не думаю! Насколько мне известно, у Адольфа Гитлера и Евы Браун были дорогие столовые сервизы, в том числе — кофейные...

Похоже, мой ответ несколько смутил хозяина.

– Ну, и ладно! Главное ведь – предмет из «Вервольфа», и он свидетель той эпохи и событий.

– Несомненно, Вадим Леонардович! А можно я сфотографирую сей раритет?

– Отчего нет? Будьте любезны!

– К тому же, – и здесь он улыбнулся, – вы же – археолог! Покопайте эту историю, вдруг нечто любопытное выяснится...

... Через какое-то время, просматривая дома фотографии, снятые на мобильный телефон, я наткнулся на несколько снимков кофейника из «Вервольфа».

«А почему бы и не “покопать”! – подумалось мне, когда я вспомнил напутствие Вадима Леонардовича. – Вещь ведь необычная!»

Разумеется, для начала желательно было отыскать сосуд, целиком подобный этому кофейнику, либо более или менее близкую ему аналогию. И, соответственно, выяснить, где и когда изготавливались такие кофейники. Подключив неограниченные возможности Интернета, я просмотрел обилие изображений всевозможной металлической посуды довоенного времени и периода Второй мировой войны, выпускаемой в Германии и Европе в целом. Результат оказался неутешительным: полных аналогий отыскать не удалось. Тем не менее, на одном из отечественных аукционов антиквариата, сведения о котором приводятся в Интернете, присутствовал небольшой, похоже, латунный кофейник, происходящий из некой львовской коллекции и выставленный на продажу в 2017 году, несомненно имеющий определённые черты сходства с кофейником из «Вервольфа». Сведения о нём следующие: *«Кофейник немецкой фирмы WELLNER в хорошем коллекционном состоянии. Небольшая потёртость с одной стороны (предположительно стёрли орла со свастикой). Клеймо “wellner original”»*.

Черты сходства двух сосудов проявляются, конечно, не в размерах (и соответственно – объёме), хотя это сбрасывать со счёта целиком не следует, а в общей *цилиндрической форме тулова и главное – делении его на 4 равнозначных части с помощью вертикальных углублённых ложбинок*. При этом на кофейнике из «Вервольфа» это деление присутствует и на крышке кофейника, играя роль некоего декора и целиком совпадая с продольными ложбинами на тулове. Изображение на крышке кофейника напоминает четырёхлистник клевера – растения, символизирующего по древним верованиям удачу и успех.

Впоследствии, просматривая изображения металлических сосудов или сервизов фирмы «WELLNER» я заметил подобное деление тулова сосуда на четыре равнозначных части на целом ряде экземпляров, изготовленных этой фирмой, что, несомненно, можно считать одним из признаков её продукции.

Следует сказать, что при общей скромности исполнения обеих кофейников, экземпляр из «Вервольфа» выглядит несколько изящнее, имея к тому же литой растительный (?) орнамент у самого края сосуда.

Названные элементы сходства позволяют предположить, что кофейник из «Вервольфа» также, как и львовский экземпляр, изготовлен фирмой «WELLNER».

Но... на нём – как известно – отсутствует клеймо этой фирмы, будто бы обязательное для её продукции. Но зато присутствует гравировка «Hillmann`s Hôtel», выполненная чётко и красиво.

Конечно, можно допустить версию, что определённое количество таких кофейников было изготовлено фирмой «WELLNER» для некоего отеля «Hillmann`s Hôtel» и на них не ставили клеймо фирмы, а выгравировали знак собственности отеля.

Как выяснилось, в довоенной Германии существовал лишь один «Hillmann`s Hôtel», в Бремене (земля Нижняя Саксония), на северо-западе страны. Он был построен в 1847 году Иоганном Генрихом Хиллманном. В последующее время несколько раз перестраивался, и в конечном итоге фасад здания был оформлен в стиле неоклассицизма XIX века.

Внешний вид этого отеля воспроизводится на ряде почтовых открыток конца XIX – первой трети XX веков. Несомненно, отель был популярной достопримечательностью Бремена.

Четырёхэтажное здание имело внушительные размеры, отличалось архитектурными изысками и респектабельностью. Хиллманн-отель являлся одним из лучших, дорогих отелей ганзейского города, в 1930-е годы в нём было около 300 мест.

Здание было разрушено в период бомбардировок Бремена союзниками в 1944–45 годах, которые уничтожили почти 60 процентов сооружений города.

Приведённые сведения о фешенебельном «Hillmann`s Hôtel» делают версию о специальном заказе для него какого-то числа металлических кофейников в фирме «WELLNER» без клейма изготовителя, но с гравировкой названия отеля более чем правдоподобной.

Итак, кофейник, найденный в «Вервольфе», изготовленный, судя по всему, фирмой «WELLNER», несомненно, являлся собственностью «Hillmann`s Hôtel» в Бремене. Но как он попал в Мюнхен (Бавария), по сути, южную Германию, а затем – в ставку Гитлера под Винницу?

А мюнхенская «прописка» бременского кофейника – более чем очевидна: упомянутое нижнее, грубовато исполненное клеймо, содержащее два слова, одно из которых «MÜNCHEN». Второе же слово, расположенное выше названия города, имя собственное, скорее всего – «G.HARTMANN». Думаю, не ошибусь, предположив, что это имя нового владельца кофейника. Сделать такую простенькую, неглубокую гравировку не составляло труда в любой мастерской, скажем, того же Мюнхена. Предположить же, что за этим именем стоит какое-либо торговое предприятие Мюнхена сложно. Во-первых, трудно себе представить, чтобы фешенебельный отель Хиллманн уступил кому-либо предметы сервировки стола со своей маркировкой. Во-вторых, даже если допустить этот почти невероятный факт, слишком уж грубо нанесена вторая гравировка, для того чтобы быть торговой маркой какого-либо магазина в Мюнхене.

Каким же образом попал бременский кофейник в руки неизвестного нам господина Г. Хартманна, явно жителя Мюнхена и, похоже, большого любителя бодрящего напитка, и когда это могло случиться?

Вопросы эти не просты, и ответы на них могут быть не более чем предположениями. Деликатно их можно сформулировать примерно следующим

образом. Кофейник стал собственностью жителя Мюнхена в память о пребывании в бременском «Hillmann's Hôtel». При этом стоит добавить, что маркированные штампом отеля кофейники вряд ли были в свободной продаже. Случиться же это могло, скорее всего, в довоенный период...

... Чем больше я углублялся в эти «кофейные раскопки», тем чаще меня преследовала мысль, что некий баварец Хартманн, владелец кофейника из «Hillmann's Hôtel», найденного в 1956 г. в «Вервольфе», был, несомненно, военным. И мысль эта возникала отнюдь не на пустом месте.

Из истории «Вервольфа» хорошо известно, что мощная и всесторонняя охрана ставки фюрера под Винницей (а об том сохранились детальные и достоверные документы, ставшие давно достоянием общественности) осуществлялась в разное время различными контингентами германских вооружённых сил, хотя некоторые одни и те же подразделения охранных служб функционировали на протяжении всей истории ставки. Речь идёт о полевой жандармерии, гестапо, тайной полевой полиции.

На первых порах, с мая по сентябрь 1942 года, основную охрану объекта «Вервольф» осуществляла одна из частей элитной сухопутной дивизии вермахта «Великая Германия» («Гроссдойчланд»).

С сентября до декабря 1942 года, после ухода подразделения «Великой Германии», функции по охране ставки фюрера выполняли упомянутые полевая жандармерия, гестапо и тайная полевая полиция.

С декабря 1942 по сентябрь 1943 года основную охрану «Вервольфа», помимо упомянутых спецслужб, несло тыловое воинское подразделение «Вахт-компания».

С начала октября 1943 года и на протяжении четырёх последующих месяцев (т.е. до конца января-начала февраля 1944 года) в «Вервольфе» располагался штаб группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Эрика фон Манштейна.

Документы свидетельствуют, что Гитлер побывал в ставке под Винницей три раза, в том числе с Евой Браун. При этом называются следующие даты: 16 июля – 31 октября 1942 года, 19 февраля – 13 марта 1943 года, 27 августа – 15 сентября 1943 года. В общей сложности Гитлер провёл под Винницей 140 дней, т.е. более 4,5 месяцев.

Именно в «Вервольфе» им был подписан ряд важных директив и оперативных документов, определивших в немалой степени ход Второй мировой войны на Восточном фронте. Так, в период первого пребывания, Гитлер подписал знаменитую Директиву №45 о взятии Черноморского побережья Кавказа, Сталинграда и последующем наступлении на Баку. В период второго пребывания в ставке – оперативный приказ №5 об окружении и уничтожении частей Красной Армии на Курской дуге. Наконец, в третий раз личное присутствие фюрера потребовалось для решения судьбы Донбасса, важного стратегического района в планах Гитлера.

...Личную безопасность Гитлера в ставке обеспечивало специальное подразделение – батальон личной охраны фюрера, состав которого не был постоянным. Имела место ротация: какая-то часть батальона изредка отправлялась на фронт, а ряды его пополнялись новыми военнослужащими. Ганс Фер, служивший ранее в личной охране Гитлера, захваченный в плен 12 мая 1944

года, назвал имена 33 из 89 сослуживцев по батальону личной охраны фюрера, во главе которого в это время был гауптман Пульман, позже погибший на Восточном фронте.

Просматривая эти имена, я, конечно, не рассчитывал найти среди них имя Г. Хартманна. Впрочем, вряд ли встретил бы его, если бы мне был известен полный список батальона охраны.

Хартманна в нём не могло быть по одной причине: к ноябрю 1943 года, судя по всему, батальон личной охраны фюрера покинул «Вервольф».

Кофейник, а следовательно и его владелец, «дожили» до уничтожения «Вервольфа», о чём свидетельствуют на его поверхности следы горения и осколков – несомненно, связанные со взрывами...

Судьба «Вервольфа» была решена на совещании у фюрера в его главной ставке «Вольфшанце» («Волчье логово»), под Растенбургом (Восточная Пруссия) 12 декабря 1943 года. Получив от Манштейна донесение об изменении положения дел на Восточном фронте, Гитлер принял следующее решение.

Выписка из стенограммы заседания:

Гитлер: Важно и необходимо одно: пусть Манштейн неожиданно выйдет из Винницы, чтобы сберечь присутствие духа. Иначе он будет командовать, а толку от этого не будет никакого. А в Виннице, чтоб всё сожгли и сравняли.

Шмундт (генерал-лейтенант, главный адъютант Гитлера): Первым делом требуется не оставить там никакой мебели, а то её вывезут в Москву и организуют выставку!

Гитлер: Всё сжечь!

Объект «Вервольф-Эйхенгайн» предавался огню и разрушениям путём взрывов на протяжении почти недели: с 7-го по 13-е или 14-е марта 1944 года...

Металлический кофейник и некоторые иные вещи, найденные в 1956 году в глубокой яме, несомненно, располагались в воронке от довольно сильного взрыва. По-видимому, на том месте было подорвано какое-то наземное сооружение, думаю, жилое.

Скорее всего, и кофейник, и иные вещи первоначально были где-то в помещении. Почему они, в том числе «Вальтер», не были забраны перед началом уничтожения наземных объектов, непонятно, хотя некую версию можно высказать.

Членом какого подразделения мог быть Хартманн, последний владелец кофейника из «Hillmann's Hôtel», несомненно, пребывающий в «Вервольфе» до марта 1944 года? Гестапо, тайной полиции, полевой жандармерии, штаба группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала Эрика фон Манштейна?

Сотрудники первых трёх спецслужб, связанных с охраной «Вервольфа», похоже, отпадают, поскольку проживали они в самой Виннице, а не на территории ставки, хотя «офис» гестапо располагался в центральной части ставки.

Остаётся, будто бы, лишь штаб армий группы «Юг», сотрудником которого, по-видимому, и являлся Г. Хартманн.

Можно, разумеется, предположить, что при поспешной эвакуации штаба кофейник был забыт его владельцем в помещении жилого домика, который впоследствии был взорван. Правда, при этом несколько смущает наличие в воронке искорёженного «Вальтера», личного оружия, которое вряд ли просто

так могло быть забыто. Но пусть этот факт будет покрыт флёром тайны, непонимания и догадок, которых так много в истории винницкого «Оборотня»...

...**М**не крайне интересно, как бы оценил мои «раскопки», касающиеся истории кофейника из «Вервольфа», его нынешний владелец, коллекционер и антиквар Вадим Леопольдович... Но суровое коронавирусное бытие постоянно отдаляет время нашей встречи...

ПОЭЗИЯ

Юрий ЯХОНТОВ

Юрий Александрович Яхонтов – член СП России. Лауреат конкурсов: «Лучшая книга года» 2011–2013 за книгу «Летопись славян-россов с древнейших времён до Рюрика», «Лучшая книга года» 2012–2014 за книгу «То, что в сердце давно берегу...», «Лучшая книга года» 2017–2019 за книгу «Герои стародавних времён». Лауреат Международного славянского форума «Золотой витязь» за 2016 г. Награждён орденом «Золотая осень» им. С.А. Есенина, Золотой Есенинской медалью, медалями им. А.С. Грибоедова, «Литературный Олимп», «Серебряный крест».

Живёт в Москве.

«В сирень открытое окно...»

О наших застольях

Как много мысли вдохновенной,
Как много чувств в душе согрето.
Нигде, конечно, во вселенной
Такого не найти букета.
Он признак необычной доли,
И на земле – недолговечен.
И за стеной, не от того ли,
Веселья жаждут каждый вечер.
Как грустны эти все гулянки,
День каждый чувствами мертвея,
Себя мы губим.

Так вакханки
Убили некогда Орфея.

И я, бездумно и легко,
Простое рядом – не ценил.
Искал жар-птицу далеко
И мимо счастья проходил.
Так бьётся об окошко шмель,
Вернуться пробуя назад,
Звенит стекло – он видит цель,
Но за окном цветущий сад.
А счастье рядом – вот оно,
В сирень открытое окно!

Старый дом на отшибе села,
Старый сад, меня помнят, наверное.
Брёвна за день набрали тепла,
Тем блаженнее время вечернее.

Тем блаженней прижаться к стене,
Там гроза, в небе сполохи белые,
Грянет гром, и в саду, в тишине,
Только яблоки падают спелые.

Старый сад, мы с тобою вдвоём,
Шум листвы – это дождь начинается.
То, что ныне, и то, что в былом, –
Ощущение грани стирается.

Верно, будет всю ночь моросить,
Что-то давнее, давнее чудится.
Так отрадно про время забыть,
Помечтать хоть о том, что не сбудется.

Здесь богатое было село,
А потом все дороги завьюжило.
Годы шли, всё быльём поросло,
Все дома лихо-время разрушило.

Словно весточка добрая нам
Из родного забытого прошлого,
Не сдавался всё каменный храм,
Всё белел среди леса заросшего.

Я бы в нём помолиться был рад,
Но другое ему уготовили.
Разобрали полвека назад,
Говорят, водокачку построили.

От селения нет и следа,
Даже память о нём забывается.
И всё глуше и глуше места,
Всё угрюмее лес надвигается.

Вроде пение слышится, но
Ни следа от церковной обители.
Всё бурьян, а когда-то давно
В этой церкви венчались родители.

Время нам завесы приоткрыло,
Опыты тончайшие – чисты.
В зелени – сознательная сила,
Чувствуют деревья и кусты.
Чувствуют, но что? – Никто не знает.
Но их мир не так от нас далёк,
Если вдруг хозяйка умирает –
Засыхает на окне цветок!

Братья наши самые меньшие!
Просто мы, медлительность поправ,
По спирали времени спешили,
Близкое себе не распознав.
Что же! Вам за нами не угнаться.
Сбросим скорость мы, чтоб налегке,
Счастливо лицом к стволу прижаться,
К жёсткой и морщинистой щеке.

А заря прозрачно отгорела,
По всему – усилится мороз.
Я стою, своим дыханьем грея,
Пальчики холодные берёз.

Если летом небо прояснится,
Хочется земное превозмочь.
В августе в провинции не спится
В тихую таинственную ночь.

Ночь ещё живёт полдневным жаром.
Всё полно значенья в этой мгле.
Путеводно светятся Стожары,
Самый древний компас на земле.

Мирозданье шлёт свои флюиды,
Беспределен чёрный небосвод.
И летят, сгорая, персеиды
В свой последний пламенный полёт.

Ночью космос тайны поверяет,
Ветерок доносит запах трав.
И гордыню здесь любой смиряет,
Собственную малость осознав.

Рассказы про детей и взрослых

Первая двойка

Павлик не мог успокоиться от обиды и, как только прозвучал звонок с урока, позвонил по мобильному телефону маме. Он не обращал внимания на то, что вокруг одноклассники. Он забыл, что папа учил его никогда не плакать «на людях». Он не мог совладать с собой.

– М-м-мама, ма-а-а-а-мочка, – заикался он от рыданий. – Мне Алла Васильевна п-п-поста-а-вила двойку.

– За что? – сразу расстроилась Вероника Игоревна. Когда она поняла, что двойку получил Павлик по труду, то удивилась, как он умудрился. Павлик был уже второклассником, учился на пятёрки и четвёрки и двоек ни разу не получал. Это была первая. По телефону ничего вразумительного понять было невозможно. Вероника ужасно разволновалась и решила, что главное сейчас – это успокоить сына. Она пообещала Павлику, что сегодня придёт забрать его с «продлёнки» пораньше, во всём разберётся.

Мама говорила сыну: «Не волнуйся, всякое бывает, исправишь», – а сама, со всей своей материнской ответственностью, вспоминала, как они два дня готовились к этому уроку труда. Надо было принести восемь пустых спичечных коробков и две открытки. Вероника сразу поняла, что будут делать пенал. Они в школе тоже делали. Вообще она заметила, что второй раз учиться, теперь вместе с сыном, – это очень интересно. Вроде бы всё знакомо, но делается по-другому. Вероника старалась во всё вникнуть, поддерживать контакт с учительницей Аллой Васильевной, ведь это был пока её единственный сын.

Когда возникали ситуации, в которых сын видел что-то, расходившееся с представлениями, имевшимися в его детской голове, она всегда вставала на сторону учительницы и находила веские аргументы, чтобы объяснить Павлику. В основном

Галина РОМАНОВА

Галина Александровна Романова – член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Директор по связям с общественностью на авиационном предприятии, редактор корпоративного журнала, член редколлегии литературно-публицистического журнала «Балашиха: голоса сердец». Автор книг «Хрустальная капля» (стихотворения, рассказы, очерки), «Под ливнем дней», «Хочется жить», «И музыкой прощались ночь», «Какое ты разное, небо!» (стихотворения). Произведения и материалы об авторе печатались в журналах и газетах «Воин России», «Крылья Родины», «Юность», «Смена», «Подмосковный летописец», «Открытый урок», «Великороссы», «Свет столицы», «Московский литератор», «Литературная газета», «ЕНП. Подмосковье», «Факт» и др. На её стихи написано около 60 песен и романсов.

Живёт в Балашихе.

это были житейские мелочи вроде повышенного тона. Однажды, правда, учительница в сердцах крикнула детям: «Такого тупого класса у меня ещё не было!» Вероника долго думала, что сказать по этому поводу Павлику, даже советовалась с мужем. Вместе они решили, что дадут своему сыну такую установку: «Вот и докажите, что вы не такие». Когда Павлик неправильно поступал или воспринимал что-то, они старались втолковать ему, почему так нельзя, как, по их мнению, надо было сделать, как они бы действовали в такой ситуации. Иногда у них получалось два варианта. Даже смеялись: один мужской, другой женский.

В доме спичек не было. Они просто не требовались: плита электрическая, курительщиков нет. Вначале, возвращаясь с работы и зайдя в магазин по дороге, Вероника про спички совершенно забыла. Решили, что надо целенаправленно отцу с сыном сходить «За спичками». Так назвали эту спецоперацию, вспомнив фильм с таким названием. Вероника строго погрозила мужу пальчиком: «Смотрите, только не пропадите, как в фильме!» Из купленных спичечных коробков вытряхнули содержимое в полиэтиленовый пакет: «Отвезём бабушке на дачу».

Открытки папа купил ещё накануне, по дороге с работы. Он долго выбирал из того разнообразия, что было в книжном магазине, и всё-таки остановился на одном сюжете. На открытке, выполненной в стиле старинного рисунка, а, может, и сделанной со старинного рисунка, был изображён весенний пейзаж, играющие дети, а надпись Владимиру особенно понравилась: «Дорогому сыну от папы». Это было так трогательно, что он не смог удержаться и купил именно таких две открытки, чтобы Павлик наклеил их на уроке на верхнюю и нижнюю части пенала. Мамой и сыном выбор отца был единодушно одобрен. Павлик даже незаметно погладил эти открытки рукой. Примерка показала, что открытка чётко покрывала сложенный из коробков прямоугольник. Пенал был нужен для математики, чтобы разложить в ячейки сделанные из бумаги монеты и учиться считать деньги.

Перед уроком труда, на последней перемене, к Павлику, который выкладывал на парту спичечные коробки, открытки, клей, ножницы, подошла Наташа. Наташа Павлику очень нравилась. У неё была коса в отличие от всех девчонок, носивших в основном короткие стрижки. Наташа часто попадала с Павликом в одну пару, когда Алла Васильевна организовано вела класс куда-нибудь, и у Наташи была очень добрая мама, которая однажды, потрепав Павлика по волосам, сказала: «Какой же ты красивый!» Наташа тихо обратилась к Павлику: «У меня одной коробочки не хватает. Мама не нашла. Дай мне, пожалуйста». Павлик, улыбнулся своей доброжелательной и так подкупающей всех улыбкой и, счастливо посмотрев на Наташу, протянул ей спичечный коробок.

Друг Илья, ходивший между партами и о чём-то разговаривавший с одноклассниками, подскочил к Павлику: «Слушай, Паш, забыл спичечные коробки, сейчас набрал у ребят, а трёх не хватает. Дай, друг!» Павлик тут же взял с парты и протянул Илье три коробка. Хотя они с Ильёй сидели на разных партах и жили не так близко друг от друга, но дружили. Особенно Павлику нравилось, что с Ильёй можно было побаловаться. Вместе они всё время что-нибудь придумывали, бегали по школьному коридору, любили посмеяться. Учился Илья неважно, но был очень коммуникабельным и заводным, как и сам Павлик. Наверное, это их и сближало больше всего.

На уроке Павел, слушая объяснение Аллы Васильевны, вдруг понял, что коробков-то у него не хватает, чтобы сделать пенал. Тогда он решил, что

сделает его из четырёх оставшихся. Он ещё раз полюбовался открытками. «Класс! Дорогому сыну от папы», – прочитал он с теплом в сердце. Вспомнилось, что папа пообещал ему купить защитный шлем и перчатки, чтобы вместе поехать на велосипедах в дальний поход. Перевернул вниз рисунком одну открытку, разложил на ней коробки и приклеил. Потом приложил сверху вторую открытку и тоже приклеил. И тут до него дошло, что теперь открытки надо обрезать. Павлик стал примеряться и понял, что половину надписи надо будет отрезать. Он положил заготовку пенала на край парты и стал думать, что же делать.

Алла Васильевна оказалась рядом неожиданно и прервала его размышления строгим голосом:

– Павел, ты что сидишь?

Взяла с парты недоделанное изделие и ещё строже спросила:

– А это что такое? Где твои коробки?

Павлик пролепетал неуверенно:

– Ребята попросили, я дал.

Когда учительница стала допытываться, кому он отдал коробки, Павлик помолчал, потом на настойчивый вопрос выдал из себя: «Илье... У него не было... Он попросил...»

– А почему не обрезаешь открытки?

– Там написано...

– Да ты просто лодырь! – прервала его учительница. – Дай дневник!

В дневник Алла Васильевна поставила Павлу двойку и добавила:

– Не будешь разбазаривать своё имущество! Это тебе урок на всю жизнь!

Затем подошла к Илье, посмотрела на сделанный им пенал и взяла дневник:

– А тебе – «пять» за то, что не растерялся и выкрутился из ситуации.

Когда Павлик звонил маме, Ильи не было рядом. Притихшие ребята чувствовали, что произошло что-то не то. С одной стороны, они уже были не такими уж и маленькими, чтобы ничего не понимать в жизни, но, с другой стороны, не хотелось бы оказаться в ситуации Пашки. А всё-таки, как было правильно поступить? Все как-то притихли.

Вероника Игоревна долго и терпеливо выслушивала сына и по дороге из школы, и дома. Они вдвоём разбирали ситуацию, судили-рядили, уточняли подробности. Как всегда, обсуждали возможные варианты поведения. Втайне от Павлика, пока он спал после потрясения, она переговорила с папой и бабушкой.

Мама сказала проснувшемуся Павлику: «Павел, давай будем всегда делать небольшой запас на тот случай, если надо будет поделиться».

Папа вечером сказал: «Мужчины не плачут, они только сжимают зубы».

Бабушка сказала: «Хорошо, если в трудную минуту рядом окажется человек, который поможет, как ты».

Соседка, узнав историю, утешила Веронику Игоревну: «Не переживай. Молодец учительница, а то парню трудно будет в жизни».

Одноклассница Наташа на следующий день виновато прошептала: «Извини, Павлик, что я подвела тебя. Спасибо».

Прошла неделя. Павлик сидел за письменным столом, делал уроки. Вдруг замер, задумчиво посмотрел в окно и сказал вслух: «Всё равно, если у меня ещё раз попросят, я дам».

Шнурки

Ваня был счастлив. Он нёс коробку с кроссовками.

Ещё вчера он ужасно завидовал среднему брату Димке, потому что папа купил тому футбольные бутсы. С оранжевой подошвой, чёрными шипами! Димка то и дело примерял их, как будто дразнил Ваню. Даже Никита, старший из братьев, не смог утешить Ваньку, сколько ни тискал и ни обнимал его. А сегодня папа пришёл забрать Ваню из детского сада и сказал:

– Идём покупать тебе кроссовки, Ваня.

Кроссовки Ване были очень нужны. Год назад тренер из спорткомплекса ЦСКА отобрал мальчика в подготовительную баскетбольную группу, потому что Ваня был не только высоким для своего возраста, но и ловким. Ваня занятиями увлёкся. До этого он ходил на лепку и на шахматы, а ему хотелось стать спортсменом, как братья. Дима занимался футболом, Никита был пловцом. И вот теперь Ваня тоже занимается спортом! Ваня волновался перед каждым занятием: вдруг что-то помешает родителям отвести его. Последнее время больше всего переживал, что тренировки могут отменить из-за этого непонятного коронавируса, который ко всем цепляется.

Кроссовки папа выбрал по объявлениям в интернете, на «Авито». Он предварительно созвонился с продавцом. Когда они пришли по адресу, мужчина впустил их в подъезд и показал коробку с новыми кроссовками. Они были Ване в самый раз. Папа велел Ване попрыгать и сделал вывод:

– Хорошая амортизация. То, что надо для прыжков.

Отец расплатился, и они с сыном пошли домой. Уже стемнело, все поужинали и стали укладываться спать. Ваня поставил коробку с кроссовками около своего дивана. Когда мама пришла перед сном обнять младшего сына, спросил:

– Мам, правда, здоровские кроссовки? Завтра на баскетбол поведёшь меня ты? Я возьму новые кроссовки. Ладно?

Утром, перед выходом в детский сад, Ваня положил кроссовки в рюкзак со спортивной формой. В течение дня даже два раза выбежал из группы к своему шкафчику, расстёгивал рюкзак и смотрел на новые, чёрные с бордовой отделкой и белыми шнурками, кроссовки. Быстрее бы наступил вечер, быстрее бы на тренировку!

По дороге в спорткомплекс мама вдруг сообразила, что у сына вся обувь до этих кроссовок была всегда на липучках и шнурки ему никогда завязывать не приходилось.

– Ваня, выйди из раздевалки сюда, когда переоденешься, я завяжу тебе шнурки, а потом сбегаю в супермаркет, – предложила мама, приведя сына в фойе.

– Нет, иди! Тренера попрошу, – крикнул, убегая, Ваня.

В баскетбольном зале тренер на его просьбу ответил:

– Ну, вот ещё! Сам завязывай!

Ваня растерянно замер, глядя в лицо тренера, которого очень любил, хлопал ресницами, потом посмотрел на болтающиеся шнурки и выбежал из зала в фойе – туда, где детей ждут родители и откуда несколько минут назад он отпустил маму. Оглянулся по сторонам и подошёл к какой-то женщине:

– Пожалуйста, завяжите мне шнурки!

Обычного удовольствия от занятия не было. Даже в новых кроссовках с аккуратно завязанными шнурками. Тренер казался каким-то недружелюбным.

В глазах периодически пощипывало, но Ваня сдерживался, чтобы не показать своей обиды. Только обида эта не проходила и отвлекала от тренировки. По окончании Ваня не сказал тренеру обычное «До свидания!», а просто быстрее помчался к маме и, не обращая внимания на окружающих, обнял её. Мама сразу почувствовала неладное:

– Ванечка, что случилось?

– Мне Артём Игоревич не стал помогать шнурки завязывать, сказал: «Сам завязывай!» А я же не умею...

– Что же ты сделал? Заплакал? – сочувственно уточнила мама, ещё крепче прижимая Ваню к себе.

– Нет, я сдержался. Мне вон та тётенька завязала, Петина мама.

– Ну, а заниматься в кроссовках тебе было удобно, понравилось? – спросила мама, а сама в это время думала, не пойти ли к тренеру поговорить. Тренер был молодой. С психологической точки зрения, как представлялось маме, ему надо было сначала выяснить, почему мальчик помощи просит.

Все быстро расходились, и мама с сыном тоже заспешили домой. По дороге мама отвлекала сына разговорами, а сама как будто приняла его обиду на себя и всё думала, стоит ли всё-таки поговорить с тренером.

Когда сели ужинать, за столом ещё и Дима озадачил:

– Нам в школе задание дали: рассказать, как семья проводит свободное время.

И все начали обсуждать, как проводят свободное время. Вдруг Ваня, до этого молчавший, говорит:

– Лучше бы меня шнурки завязывать научили!

– Ага, в свободное время учим шнурки завязывать, – съязвил Дима.

– А что? Давайте сделаем мастер-класс, снимем видео, потом устроим семейное первенство по завязыванию шнурков, а победителю вручим медаль из золотой бумаги на шнурке, – развил идею Никита.

– А на медали напишем: «Лучший шнурковяз», – подхватил Дима.

Братья захохотали, а родители переглянулись.

Два выходных – и суббота, и воскресенье – ушли на «проект», как теперь называется каждая затея. Сначала мама, потом Дима, потом Никита по очереди показывали Ване, как надо завязывать шнурки. Папа снимал айфоном видео. В итоге Ваня научился вполне сносно завязывать шнурки, при этом с гордостью комментировал:

– У меня пальцы стали послушные, как у взрослого. Давайте соревноваться!

Соревновались только мужчины. Мама командовала, комментировала и вела видеосъёмку. Победил, конечно, Ваня, ведь пальцы у него стали послушными. Медаль досталась ему. Только написано на ней было «Настоящий мужчина».

Ваня прочитал эту надпись и просиял:

– Хорошо, что я не заплакал перед тренером!

Сочинение

Хотя Славка Громов и любил пятницу, но сегодня возвращался из гимназии озабоченным. Да, пятый класс – это тебе не начальная школа. Учителей много, все новые, каждый на выходные дни самые трудные задания задаёт. Например, по литературе к понедельнику надо первое в этом году сочинение написать. Учительница, их классная руководительница, так и сказала сегодня:

– Посмотрю, как вы умеете сочинения писать. Начнём с сочинения-миниатюры. Тема лёгкая: осень.

– А миниатюра – это сколько? – спросил кто-то.

– Страница. Так что – жду, фантазируйте!

А когда же писать это сочинение, если на субботу и воскресенье, на последние сентябрьские деньки, бабушка пообещала взять Славку к себе в гости. Не ездить?.. Но всё устроилось как нельзя лучше. Бабушка забрала его в пятницу, он взял с собой ранец с тетрадками и учебниками. По дороге, в электричке, на его волнения по поводу сочинения про осень бабушка успокоила:

– Славка, ты забыл, что бабушка у тебя журналист, писатель? Что мы с тобой – про осень не напишем? Напишем!

После завтрака бабушка предложила:

– Внук, давай-ка сходим в парк, полюбуемся на осеннюю красоту.

В парке действительно была красота, так и хотелось фотографироваться. То у какого-то бордового куста, то под жёлто-зелёными берёзками «фоткались». Бабушка собирала на совсем ещё по-летнему зелёных газонах кленовые листья всех оттенков осени. Когда они стояли под дубом, она рассказала, как в детстве из желудей в классе на уроке труда делали фигурки человечка и собачки. Славка, конечно, набрал желудей в карман куртки, а потом увидел рябину:

– Бабуль, сфотографируй меня!

С рябины, испуганные подбежавшим мальчиком, взлетели две птички. Славка встал на носочки, но не смог дотянуться до грозди рябины.

– Бабуль, сорви ягоду! – попросил он.

Раскусил оранжевую рябинку, начал жевать, сморщился и выплюнул:

– Го-о-рьякая... А почему птичек так мало?

– На юг улетели, наверное... Нет, вообще-то пока рано. Ещё тепло. Слушай, Славка, а давай мы с тобой дома посмотрим в компьютере, какие птицы и когда на юг улетают.

Дома они окунулись в Интернет и долго не могли оторваться. Сначала прочитали, какие птицы из подмосковных мест улетаю́т зимовать в южные края. Внук Славка обратил внимание, что одна из птичек называется славка-черноголовка. Его тёзка! Потом читали о деревьях и кустарниках Подмоскoвья. Разобрались в осенних цветах листьев. Любовались пейзажами. Порассуждали, что такое осень в природе и почему осенью бывает грустно. Почитали стихи Пушкина, написанные осенью, которая была его любимым временем года.

– Славка, а давай в сочинении напишем о птичке, которая грустит осенью.

– Давай. О славке-черноголовке. А что будем писать?

– Ты же Славка, вот и придумывай. Представь, что ты птичка на опушке осеннего леса. Возьми черновой листочек, а потом перепишешь.

Бабушка замечала у внука способность придумывать рифмы, выразительно читать стихотворения, но не ожидала, что на него так подействует проведённая подготовка к написанию сочинения. Она подходила, заглядывала в листок. Сочинение продвигалось. Иногда Славка кричал:

– А можно так написать?

Бабушка предложила написать про дуб как про военного, одев его в коричневый мундир, и рассказала, что такое сравнение. Не получался только конец, финал сочинения. И бабушка сказала внуку:

– Даже в самый грустный день должна быть надежда на то, что всё будет хорошо. После дождя бывает солнце. После разлуки бывает встреча. Весной из молодых почек вырастают новые листочки.

– И птички возвращаются домой, на родину! – подвёл итог Славка.

– Дописьвай сочинение. Почитаем его, поправим, а утром перепишешь начисто, – сказала бабушка, обнимая внука. – Не забудь название придумать.

Вечером позвонили Славкиной маме, и бабушка с гордостью отчиталась, что сочинение у внука получилось отличное.

В понедельник тетрадка с сочинением про осень была сдана. В среду учительница в конце урока тетрадки раздала. Славка раскрыл свою и увидел красную линию, которая наискосок перечёркивала верхнюю половину сочинения, под ней стояла здоровенная красная двойка, а над ней было что-то написано. Славка не смог разобрать, быстро захлопнул тетрадку и убрал её в ранец.

Дома прочитал написанный учительницей вопрос и не понял смысла. Перечитал сочинение. Никаких ошибок, исправлений, в нём не было. Только черта, двойка и этот вопрос. Хотел маме показать, но потом подумал: «Бабушку опозорить?» Закрыл дверь в свою комнату, достал мобильный и, как только бабушка ответила, прошептал:

– Бабушка, ты только не расстраивайся... Я сам расстроился... За сочинение про птичку славку мне поставили «два».

– Почему?

– Не знаю. Учительница написала: «Что за биология?!»

– Сфотографируй и пришли мне.

Бабушка успокоила и маму, и внука:

– Завтра приеду и сама схожу поговорить с учительницей. Потерпите, всё выясню.

На следующий день, взяв тетрадь с сочинением, бабушка пришла знакомиться с учительницей. Екатерина Андреевна ей понравилась: собранная, симпатичная, с умным лицом. Только напряжённая, настороженная. Хотя это не удивительно в данной ситуации. Бабушка сказала, что хотела бы уточнить, какие замечания есть к сочинению её внука, сразу открыла принесённую тетрадку и начала читать: «Маленькая птичка славка-черноголовка поёжилась от холодного ветра. Она пыталась укрыться от него в красно-жёлтых листьях куста бересклета...».

Подняв глаза на учительницу, увидела, что та стала какой-то растерянной.

– Разве это биология? Тогда биология – это и песня «Журавли» на слова Расула Гамзатова, – продолжила бабушка.

Екатерина Андреевна протянула руку к тетрадке:

– Позвольте взглянуть.

Бабушка смотрела, как учительница читает сочинение, то сдвигая брови, то поднимая их вверх, то бросая взгляд на бабушку. Ей показалось, что сочинение было прочитано дважды. Пауза удлинялась и удлинялась... Екатерина Андреевна закрыла тетрадь и неожиданно обняла бабушку:

– Простите, как вас зовут? Надежда Александровна? Не ругайте меня, Надежда Александровна! Это лучшее сочинение из всех пятых классов. Представляете, мне пришлось проверить сочинения учащихся шести классов! Читала, читала... Про увядание природы, про золотую осень, про самое красивое время года. А тут, уже, наверное, в 2 ночи, прочитала название

«Я вернусь!», увидела начало про птичку... Вот и написала: «Что за биология?!» Вот и поставила двойку.

– Что же теперь делать? Знаете, как мы готовились к написанию сочинения! – и бабушка рассказала, как они с внуком серьёзно подошли к школьному заданию. – Как же выйти из этой ситуации?

– Может, вы оформите это сочинение как образец на листе плотной бумаги? В середине Слава пусть перепишет сочинение, вокруг что-то нарисует или приклеит. Вот, посмотрите, повесим в коридоре на эту доску «Лучшие работы».

Они поговорили о том, что дети теперь очень мало читают, что в школе слишком много отчётов, что грамотность падает. Бабушка подарила учительнице книгу своих стихотворений.

В воскресенье на лист ватмана среди высушенных осенних листьев, собранных в бабушкином парке, наклеили Славкино сочинение:

«Маленькая птичка славка-черноголовка поёжилась от холодного ветра. Она пыталась укрыться от него в красно-жёлтых листьях куста бересклета, но листьев оставалось совсем немного. Она не понимала, что происходит, а это была первая в её жизни осень.

Славка родилась тёплым летом на опушке леса, когда та была ещё совсем зелёной. Сейчас все деревья окрасились в осенние краски. Тоненькие берёзки пожелтели первыми. Молодые клёники оставались зелёными дольше своих старших золотых и багряных братьев. Все деревья немного приуныли, только вековой дуб сохранял величие в коричневом сентябрьском мундире. Взгляд черноголовой славки остановился на любимой ажурной красавице-рябинке.

Пичужка перелетела на ветку рябинки и стала клевать пунцовые ягоды. Они горчили. Наверное, от предстоящей разлуки. Сегодня славка со своими сородичами улетала в тёплые края. Но последняя ягодка показалась славке сладкой. Птичка подумала: «Я вернусь!»».

ПОЭЗИЯ

Инесса Яшиновна Ильина (Фёдорова) – член МГО Союза писателей России, Союза Писателей XXI века, Академии Российской Литературы. Поэт, актриса театра. Автор книг поэзии: «И оживёт мой сон», «Маски». Лауреат различных литературных конкурсов и премий. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (всероссийного фестиваля патриотической поэзии «Фортост» 2014, III место), награждена медалями: и.м. М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, 55 лет МГО СПР России.

Живёт в Москве.

*Инесса ИЛЬИНА
(ФЁДОРОВА)*

«Тишина и воля, и искристый снег...»

Сосна

Пилой пронзили ствол сосны.
Она застонала от горя.
Вспомнились вещие детские сны,
Запахи моря.

Смола, слезами янтаря
Скатилась из свежей раны.
Вспомнились белые якоря,
Дальние страны.

Она на помощь не позвала,
Кораблём опускаясь в воды.
Недаром та сосна была
Корабельной породы.

Февраль

Научи меня, стылый февраль,
Отогреть зачерствелую душу.
Может, спичка горящая, к пуншу
Подожжёт карамельную гарь?

Снег ломается коркой во льду,
Белым шлейфом следы замечает.
Неужели душа не отгадет,
Превратится в сухую слюду?!

Призываю все силы любви,
Что с избытком в природе остались,
Растопить иноземную завязь
В еле-еле бегущей крови.

Вдруг апрель, как смеющийся Лель,
Обольстит меня трелью свирельной,
Очарует волной акварельной,
Рассыпая цветную капель?

Прочь, постылый колдун ледяной!
Вновь душа и жива, и мятежна!
Мне не жаль расставаться с зимой,
Потому что весна – неизбежна.

Зимний оберег

Зимняя дорога в никуда ведёт.
Снежна и полого, далеко вперёд.
Сосны да берёзы, и бескрайний снег,
Ёлочные грёзы – зимний оберег.

Снежной зимней птицы белое крыло
Припушит ресницы нежно и тепло.
Зимние кристаллы освещают путь,
Нынче не пристало в сторону свернуть.

По белёсой пашне тянется лыжня,
Словно день вчерашний, в никуда маня.
Тишина и воля, и искристый снег.
Затерялся в поле зимний оберег.

Неожиданная помощь

Многим людям очень сложно встать на место режиссёра и посмотреть, как они действуют на сцене жизни в роли актёров. Однако сделать это порой необходимо, ведь без анализа собственных ошибок мы часто, как водится, наступаем на одни и те же грабли. И тогда некоторые из нас обращаются за помощью к друзьям или знакомым, маломальски разбирающимся в психологии. А иногда помощь приходит, откуда её совсем не ждёшь.

Маргарита ненавидела Интернет. Да, да, именно ненавидела. Это чувство было сильнее её, врача-хирурга одной из московских больниц. Коллеги действительно считали её сильным человеком и за глаза называли Железной Марго.

Она сознательно превратила свою жизнь в преодоление препятствий, и первым препятствием стал именно выбор профессии, так как с детства боялась вида крови. Профессию выбрала сама, ведь в семье не то что хирургов, обычных врачей-то не было. Боялась высоты, поэтому сначала каникулы, а потом и отпуск постоянно проводила в горах: с рюкзаком за плечами или на лыжных турбазах. В одной из таких поездок Рита сломала ногу. Но именно из-за этой досадной случайности познакомилась с будущим мужем – хирургом-травматологом.

Для неё не было ничего невозможного: она перетащила его в Москву, помогла найти работу по специальности, родила сына и... заработала кучу болячек. Но все они не шли ни в какое сравнение с заболеванием мужа – он страдал варикозным расширением вен и умер в сорок пять лет: во время очередной операции у него неожиданно оторвался тромб, так что из операционной вывезли прооперированного им больного и тело оперировавшего его врача. Так в свои сорок три года Рита стала вдовой. Сыну на тот момент исполнилось восемнадцать – он оканчивал первый курс медицинского института.

Со смерти мужа прошло четыре года. Рита была верна его памяти, но сын, у которого

Юлия Геннадиевна Александрова – родилась в 1965 г. в Москве в семье служащих. По окончании в 1987 г. МГПИ им. В.И. Ленина преподавала английский язык в школе. С 2001 г. старший преподаватель кафедры английского языка на факультете экономистов-международников Всероссийской академии внешней торговли. С 2011 г. имеет звание доцента. Автор шести сборников лирических стихотворений: «Имя моё...» (2006), «Сретенье» (2007), «Воздушный шар» (2009), «Жизнь-река» (2010), «Крылатая мечта» (2012), «Иду по клавишам судьбы...» (2015), а так же трёх сборников прозы – «Букет ландышей» (2009), «Окно в сад» (2011) и «Дневник» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

начались серьёзные отношения с девушкой, стал понимать, что маме тоже нужны тепло и ласка. Он постоянно говорил ей об этом, но Рита и слушать не хотела. С Интернетом мама не дружила и старательно избегала общения в социальных сетях, поэтому Ромка пошёл на хитрость. У каждого современного молодого человека существует несколько электронных адресов, и он не был исключением из правил. Он знал, что мама обожает всякого рода психологические тесты, поэтому с одного из таких адресов отправил ни о чём не подозревающей Рите тест, прохождение которого автоматически приводило людей на сайт знакомств.

Рита прошла тестирование, но, чтобы узнать результаты, нужно было зарегистрироваться. Скрепя сердце, но разжигаемая любопытством, всё же решилась. Электронный адрес не содержал в себе личных данных (типа фамилии или года рождения). Она написала только своё имя и профессию. Результат не заставил себя ждать. Ей сообщили, что она прирождённый лидер, способна принимать неординарные решения и вести людей за собой, но не все люди принимают её такой, какая она есть, ибо слишком прямолинейна, требовательна, и ей явно не хватает гибкости.

Но каково же было её удивление, когда к ней на почту в течение недели пришло несколько писем с предложением познакомиться. Большинство писем Маргарита радостно отправила в корзину. Однако одно из писем всё-таки заинтересовало её. Писал студент старшего курса мединститута. Он проходил практику в одной из клиник, и ему очень хотелось обсудить профессиональные темы. Маргарита тоже была рада этому, ибо общение в узкопрофессиональной среде весьма специфическое и познавательное.

Ответив на письмо, она узнала, что находятся с юношей на одной волне, тем более что у них в клинике сейчас тоже студенты на практику пришли. Раздражали они Риту ужасно, ибо время поменялось, а вместе с ним и люди. Студенты стали раскованнее, а некоторые просто наглее. Им всё время хотелось присутствовать и даже участвовать в операциях, а не сидеть и тупо вести истории болезни пациентов хирургического отделения.

Когда Алексей (так звали её знакомого по переписке) рассказывал ей о своей практике, Рита реагировала вяло и оживилась лишь тогда, когда он заговорил об их руководителе. Из соображений этики ни номер больницы, ни имя руководителя, естественно, не упоминались. Нисколько не умаляя достоинств этой женщины как ведущего хирурга, он называл её самодуром и солдафоном в юбке, не способным на простые человеческие эмоции, говорил, что ей бы лучше полком командовать, а не занятия со студентами вести, приводил примеры, красноречиво свидетельствующие о её отношении к практикантам. Маргарита возмущалась услышанным и давала Лёше советы относительно извлечения максимальной пользы из студенческой практики.

Общение, как правило, происходило поздно вечером, и потому было не очень продолжительным, так как с утра обоим нужно было бежать: Рите – на работу, а Алексею – на практику. Личных встреч у них не было, но однажды Алексей написал, что ему бы очень хотелось проконсультироваться с ней по поводу мамы, страдавшей одним хроническим недугом. На её вопрос, почему он не сделает это с руководителем практики, последовал аргумент: «Я её боюсь!»

Рита согласилась встретиться с ним в выходной день в кафе.

– Как я узнаю тебя? – спросила Рита.

– Обязательно узнаете! – пообещал он.

И действительно, когда Рита пришла в назначенное время в кафе, то сразу увидела долгового парня, одного из своих практикантов, перед которым на столе лежали васильки и медицинский справочник.

– Ну, здравствуй, Алексей! – сказала Рита.

– Здравствуйте, Маргарита Николаевна! – ответил смущённый студент. Вы здесь какими судьбами?

– Да вот меня пригласили проконсультировать одного человека по поводу хронического холецистита его близкого родственника.

Алексей сначала потерял дар речи, но, взяв себя в руки, признался:

– Так это был я!

– Я это поняла, как, впрочем, и многое другое, о чём ты мне писал в своих письмах.

Они проговорили целых три часа. Время пролетело незаметно. При прощании Алексей спросил:

– А можно я буду иногда писать вам?

Маргарита ответила:

– Ну конечно! И спасибо тебе за правду. Иногда бывает очень нелишне взглянуть на себя со стороны.

Будучи человеком умным от природы, она смогла измениться, да так, что в конце практики студенты подарили ей огромный букет цветов и даже пригласили на вечеринку по поводу окончания практики. Во время праздника они много шутили, смеялись, пили за Железную Марго и её удивительное перевоплощение. Когда Алексей встречался глазами с Маргаритой Николаевной, они оба прекрасно понимали, что в действительности послужило причиной таких перемен.

Эти изменения не остались незамеченными и в среде мужчин. Вскоре к ним на практику приехали врачи из Пскова для обмена опытом. Обновлённая Марго понравилась врачу, недавно потерявшему семью. Она подставила ему своё плечо, а он принял её такой, как она есть. Скоро дружба переросла во взаимное чувство. Но больше всего этому обрадовался Ромка, ведь у мамы заблестели глаза, и в их доме вновь поселилось счастье.

Сергей Юдин – 1965 г.р., москвич. Публиковался в журналах «Урал» (Екатеринбург), «Изящная словесность» (СПб), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Бельские просторы» (Уфа), «СевероМуйские огни» (Северомуйск), «Менестрель» (Омск), «Искатель» (Москва), «Зеркало» (Тель-Авив), и др., а также в сборниках «Святочные рассказы, XXI век» (ИД «Русь-Олимп», 2010), «Тёмные» (АСТ, 2016). Автор романа «Золотой лингам» («Вече», 2012, в соавторстве с А. Юдиным).

Живёт в Москве.

«Снился синий-пресиний мне лес...»

Инскрипты

Мнемосины воплощенье,
Оттиск сгинувших времён,
Панацея против тленья
И забвения имён,
Торжествующий над прахом,
Видимый сквозь зыбкий мрак
Над утробным смертным страхом –
Бытия победный стяг!..
На истерзанных страницах –
Жизнь загадочных теней,
Отблеск призрачный на лицах
В Лету канувших идей,
Глас чуть слышный из могилы,
Шёпот, шелест, краски, сны...
Удивительные силы
Типографии даны!..

К книге «Соперники христианства» Ф.Ф. Зелинского

Я знаю, нынче истончились
И, может, больше не нужны
Мифологические были,
Теологические сны.

Увял рой красочных историй,
Эонов сонм сошёл в Аид,
И не взыскует аллегорий
В надмирных высях Василид...

Но если некто в праздник Светлый
Сей труд внимательно прочтёт,
Невнятных таинств смысл запретный,
Быть может, и постигнет тот.

Увидит он ясней авгура,
Прозрит как ловкий зверолов:
Ликуют боги Эпикура
Средь интермундий, меж миров!

**К облитому вином тому рассказов
Н. Готорна**

Снился синий-пресиний мне лес,
В синеве своей очень зелёный.
Чуть пригрезился, сразу исчез,
Только дрогнули алые кроны.

По-бердслеевски искривлены
Были ветви, склоняясь над кручей,
И лиловые вороны-сны
В них гнездились зловещею тучей.

Медь иголок и чёрный песок,
Запах хвои и карканье вранов,
Тут развилка двух торных дорог,
Там – урочище гиблых туманов...

Здесь живут злой Лембой, Бесносвят,
Притаилась здесь зыбкая орда,
А в затресьях гадюки шипят
И плодятся... Но знаю я твёрдо:

Юный Браун был полным ослом,
Оттого и украсил изрядно
Сей напитанный красным вином
Том рассказок. И это отрадно.

P.S.

Только в книге ты сможешь найти
Смесь действительности и обмана,
В Новый Свет пролегают пути
Лишь за яркой обложкой романа.

**К тому «Немецких волшебнo-
сатирических сказок»**

По страницам этой книги,
Скачут, бесятся как гунны
Нимфы, феи и шишиги,
Гиппогрифы, альрауны,
Саламандры и ундины,
Гномы, кобольды, сильфиды...
Что за дивные картины!
Сколь пленительные виды!

Гривуазные гротески
Старой виландовой грёзы
Оттеняют арабески
Тика флегматичной прозы.

Завершающая сказка
Знаю я, тебе известна,
Это Гофмана рассказка
«Королевская невеста».

**К книге «В дебрях Африки»
Генри Стенли**

Кошка дремлет на диване,
Ей цветные снятся сны:
Меж акаций по саванне
Бродят зебры и слоны.

Кроясь в зарослях монгонго,
Кошка с жадностью следит
За пичугою, что звонко
В гуще вельда верещит.

Пасть ощерена в оскале,
Жёлтый глаз огнём горит,
Мышцы стали крепче стали,
Разыгрался аппетит...

И пичуга не заметит
(Вот беспечным всем урок!),
Как её житью на свете
Подойдёт последний срок.

А случится дать промашку,
Здесь другая живность есть,
Можно жирную букашку
Придушить и после съесть...

Дремлет кошка на диване,
Сны цветные снятся ей...
Зверя нет во всей саванне
Ни хитрее, ни сильнее!

Досужие мысли о вечной жизни

*(к сочинению Тита Лукреция Кара
«О природе вещей»)*

Оттого что жизнь случайна,
А в конце – исчезновенье,
Нас влечёт необычайно
О бессмертья наважденье.

Гордость и смиренье нами,
Властно управляют разом,
Страх совиными крылами
Осняет робкий разум:

Человек – то Царь Вселенной,
Золотой венец Творенья,
То лишь узник плоти брэнной,
Раб ничтожного мгновенья;

По словам попов, раввинов,
Мулл и разных там брахманов,
На Элизия равнинах
Нет житейских ураганов,

Слёзы – лишние на тризне,
Плакать ни к чему, поверьте,
Ждёт награда вечной жизни
Боязливых после смерти!

То от Бога дар сугубый,
Разве зря мы строим храмы?..
Но глумливо скалит зубы
Череп из могильной ямы...

Впрочем, что нам смех могилы,
Макабрические танцы?
Лишь ханжам и трусам милы
Меж надгробий перформансы.

Те, кто с разумом не дружат,
Выдают за правду бредни,
До чертей зелёных служат
Грёзам собственным обедни.

Не указ им Кар Лукреций,
Им милее Торквемада,
Для таких, как суп без специй,
Жизнь без страха – не отрада...

Как постичь таким сквалыгам
Основное из условий:
Путь к бессмертью – только Книга,
А не сонм молитвословий.

Пресмыкаясь пред богами,
Не спасёшь души и тела,
Небожителям над нами
И смеяться надоело...

Недреманно око Смерти,
Жалости не знает жало,
И на этот факт, поверьте,
Жаловаться не пристало.

Так давай с тобою снова
С мудрыми воскликнем вместе:
Путь к спасенью – только Слово,
А совсем не благочестье!

Ощути же букв истому
(Буквам свойственна беспечность),
Только к ним, а не к иному,
Применимо имя – Вечность!

И тогда, быть может, сами,
Отряхнув стопы от тлена,
Строки стройными рядами
К свету побегут из плена.

К книге «Сказания о дьяволе» Клода Сеньоля

Ночью в лесу как бездомные духи шумели
Ели.
Мгла под их пологом – как шевелящийся страх,
Ах!
Дальше, в чащобе – лишь хохот хозяев лесов –
Сов,
Только стенанья и шёпот услышите в гуще листвы
Вы.

Нет, то не логово Пана и шёпот – не лепет дриад –
 Ад!
 Царствует тут Сатана, ночью он здесь господин
 Один.

**К роману «Достопочтенный Питеръ
 Стерлингъ». П. Л. Фордъ, С-Петербургъ,
 типографія И.Н. Скороходова, 1902 г.**

Кто такой иль кто такая
 Этот (эта?) П.Л. Форд?
 Ничего о том не знает
 Даже самый ушлый чёрт.

Вдруг, как По, он был поэтом?
 Вдруг, как Драйзер, знаменит?
 Что сказать, когда об этом
 Википедия молчит?!

Весь извёлся я от горя,
 Поседел с главы до пят,
 И моим стенаньям вторя,
 Кошки жалобно вопят.

Александр! К тебе взываю,
 О мудрейший из людей!
 Только ты, подозреваю,
 Разберёшься в тайне сей.

Брось детей, жену, работу,
 К гастроному не ходи,
 Эту лишь лелей заботу
 И решение найди!

К «Божественной комедии» Данте

Публиус Марон за руку
 В бездну тащит Алигьери,
 Дабы тот познал науку,
 Описав круги и щели.

Упованья и надежды
 Оставляя за вратами,
 Сбросьте белые одежды,
 Отягчённые грехами.

Вот Харон в ладье шныряет,
 Машет вам веслом железным,
 «Ваш круиз – он уверяет, –
 Будет очень интересным».

К монографии об ирландском эпосе

Пусть фоморы, фейри, сиды,
 Боги племени Данан,
 Боуги, банши, друиды –
 Морок, сказки и обман,

Знаю я, они случайно
 Оживут на краткий миг,
 Дабы справить ночь Самайна
 На страницах наших книг.

**К сочинению Амфитеатрова
 о Нероне**

Нерон

Кто скажет, что ничтожны все мои деянья?
 Что в памяти людской я не оставил след?
 Коль обо мне плетут до сей поры сказанья,
 И помнит про меня любой поэт!

Но Вечный Рим, где царствует закон,
 Где Бруты, Кассии, Сенеки и Тразеи,
 Где дух свободы жив, а все квириды – змеи,
 Я поменял бы с радостью на пышный Вавилон.

Амфитеатров

Автор – знатный литератор,
 Мастер слов, в душе поэт,
 Фантазёр и компилятор...
 Но историк ли он? Нет!

**К книге «Дары русского леса»
 Д.П. Зуева**

Этой ночью, в два с полтиной,
 В чащу тёмную проник,
 Задержавшись под осиной,
 Чуть дрожащий лунный блик.

Свет волшебницы Селены
Суть глубинную постиг,
Налились земные вены,
Порождая генный сдвиг.

Ряд таинственных мутаций
Запустился в тот же миг,
И к исходу пертурбаций
Гриб невиданный возник.

Взбух мицелий мокрой ватой,
Изменяя почвы лик,
Чтоб жемчужно-шишковатый
Вырос лунный дождевик.

Гам стоит от птичьих песен,
Сойки изошлись на крик:
Как сиянье звёзд чудесен
Розоватый дождевик!

Не сравнить его с весёлкой,
Краше он чем боровик!..
Но уж прячется за ёлкой
Злонамеренный грибник...

Ночь в Битцевском парке

Блеск жемчужный под луною,
Дряхлых сосен сиплый стон,
Под искристой пеленою
Сонной зимней ворожбою
Парк во дрёму погружён.

Наст промнётся с лёгким хрустом,
Скрипнет снег, вздохнёт туман,
Колдовским зимы искусством,
Светлым и печальным чувством
Напоён ночной обман...

Вон, за лиственницей справа,
За сугробом, сгусток мглы,
Тут кикимора иль мава
Раскорячилась коряво
Подле сломанной ветлы.
По верхушкам сизых елей

Скачет кто-то, дик и наг,
То исчадие метелей,
Изверг западных поверий
Красногубый вурдалак.

Пробираясь по разлогам,
Можно запросто пропасть:
Там во вретище убогом,
Страхолюдным вздувшись стогом,
Лешачиха скалит пасть.

Много чудиц самых разных
Собралось здесь под луной,
Но ни мороков злопастных,
Ни лембоев разномастных
Не боимся мы с тобой.

Пусть следы шишиг некошных
Девственный пятнают снег,
Ведь из всех страшил возможных,
В парке иль в лесах таёжных
Всех страшнее человек!

Ахмед ХУСИХАНОВ

На орлиной высоте: рыцарь науки

Слово о Хасане Туркаеве

Испытываю некое волнение, так как писать о таком человеке, как Хасан Вахитович Туркаев, одновременно и приятно, и сложно. Приятно потому, что это человек открытой души и сердца, с кем всегда желанны беседы на широкую тематику. И в то же время – сложно, так как спектр его научных интересов весьма широк и многообразен. Хасан Вахитович посвятил себя изучению истории и литературы своего народа, творениям классиков Северного Кавказа. Меня судьба познакомила с Хасаном Туркаевым в начале 70-х годов XX века, в пору моей учёбы на филологическом факультете Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л.Н. Толстого. Тогда это был молодой исследователь, один из первых чеченских учёных, решивших посвятить себя родной литературе и проблемам её развития. Думаю, будет упущением, если, хотя бы кратко, не сказать о научных достижениях Хасана Вахитовича. Мы все помним его первые научные работы тех далёких лет, конца 60-х годов прошлого века: «Путь к зрелости (заметки о чечено-ингушской литературе)», «Писатели советской Чечено-Ингушетии», «Чеченская советская поэзия (20–40-е годы)», «Чеченский рассказ (проблема становления и развития жанра)», «В семье братских литератур» и др. Он является автором более 300 научных работ, в том числе ряда монографий, составителем шестнадцати сборников избранных произведений чеченских писателей. Под его научным руководством были подготовлены к печати три тома чечено-ингушского музыкального фольклора, два из которых были изданы в Грозном в 1964–65 годах, три тома чечено-ингушского устного народного творчества (1973, 1979 гг.), первый том казачьего фольклора («Песни Терека и Сунжи», Грозный, 1967), сборника «Илли: героико-эпические песни чеченцев и ингушей». Хочу отметить, что результаты научных исследований профессора Туркаева Х.В. внедрены в практику

Ахмед Мусаевич Хусиханов (1953–2020) – родился в г. Караганде (Казахстан). В 1975 г. окончил филологический факультет Чечено-Ингушского госуниверситета им. Л.Н. Толстого по специальности «Русский язык и литература». Работал в школах Чечено-Ингушетии, на партийной работе. С 1984 по 1999 гг. работал ассистентом, доцентом, заведующим кафедрой советской литературы. С 2000 по 2013 гг. преподавал в университетах Германии и Украины. В 2013–2016 гг. – профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Ингушского госуниверситета (г. Магас). С 2016 г. до конца жизни – профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Чеченского государственного университета (г. Грозный). Доктор филологических наук.

преподавания в высшей и общеобразовательной школе. На его работы опираются преподаватели, читающие спецкурс по литературам народов Северного Кавказа, он также является автором учебника по чеченской литературе для 11 класса образовательных школ Чеченской Республики. Авторы целого ряда учебников и хрестоматий по чеченской литературе (например, учебного пособия по курсу «Литература народов СССР») воспользовались ими при написании своих книг.

Невозможно перечислить все научные достижения Хасана Вахитовича, да и нет в этом надобности. Сегодня перед нами человек, добившихся огромных результатов на российском и международном научном небосклоне. Наряду с этим он в разные годы своей жизни возглавлял сектор литературы в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте, работал заведующим кафедрой русской литературы XX века и современности Чеченского государственного университета, проректором в Чечено-Ингушском госпединституте и избирался его ректором. Под его научным руководством аспирантами написаны и защищены ряд кандидатских диссертаций по актуальным проблемам чеченской литературы и литератур народов Северного Кавказа.

Следует отметить и просто человеческие качества Хасана Туркаева. Круг его коллег, соратников весьма обширен. И везде его встречают с добротой и уважением. Мне не раз приходилось это наблюдать в городах Северного Кавказа, Москве – в Центральном Доме литераторов. Каждое выступление профессора Х. Туркаева – это глубокие научные раздумья о путях и судьбах развития отечественной литературы и науки о литературе. Его творчество не замыкается на одной лишь чеченской литературе, его считают своим и в Дагестане, и в Кабардино-Балкарии, и в Ингушетии, и в Северной Осетии, и в других республиках нашего северокавказского региона. Важно то, что Хасан Вахитович знает специфику каждой из литератур Северного Кавказа, динамику развития, актуальные проблемы их эволюции. Исследователя отличают высокая работоспособность, жажда открытия нового в научном мире. В разные годы своей научной деятельности Хасан Вахитович много времени работал в Центральном государственном архиве РФ, в крупных научных библиотеках Москвы, Ленинграда, Казани и Ташкента, музеях и партийных архивах. Хасан Вахитович Туркаев относится к замечательной плеяде учёных Северного Кавказа. Он многое сделал для возрождения интереса к национальной культуре, пропаганде лучших черт и качеств вайнахов, их ментальности. Большим подспорьем в этом нелёгком деле была и остаётся великая русская литература, которая во многом способствовала пробуждению гражданских чувств, чувства ответственности за судьбу своего народа и нашего, российского, отечества. Возглавляя в своё время сектор литературы, Хасан

Хасан Вахитович Туркаев

Вахитович издал восемь томов «Известий Чечено-Ингушского научно-исследовательского института», в которых нашло отражение взаимодействие литератур чеченцев и ингушей с русской литературой. Усилия, научные достижения национальных учёных шестидесятников-восьмидесятников способствовали углублению процесса взаимообогащения культур и литератур вайнахов с вершинными достижениями русской литературы XIX–XX вв. Хасан Вахитович – один из первых докторов филологических наук республики, продолжающий и по сей день вносить свой весомый и неопенимый вклад в национальную и общероссийскую науку о литературе. В годы жизни на Западе мне, работая в архивах и библиотеках Европы, пришлось столкнуться с трудами профессора Туркаева Х.В. в библиотеке Геттингенского университета. Трудно передать ощущение волнения и чувства гордости за нашего земляка, книги которого я тогда демонстрировал немецким учёным, подчёркивая, что это именно наш, чеченский учёный.

В творческом наследии Хасана Вахитовича, помимо литературоведческих трудов, представлен ряд работ, углубляющих наши знания об исторических процессах, способствовавших сближению русского и чеченского народов. Именно благодаря ему мы получили имена видных писателей и просветителей, общественных деятелей конца XIX – первой четверти XX века, которые долгое время были под запретом. Это, в первую очередь, имена Таштемира Эльдарханова, Исмаила и Ахметхана Мутушевых. В этом же русле можно сказать и о неисследованной арабоязычной чеченской литературе, которая также находилась в эпицентре научных исследований нашего земляка. Большое место в научных исследованиях профессора Туркаева Х.В. занимают вопросы становления и эволюции духовного мира и гражданской позиции таких известных просветителей Чечни и Ингушетии, как Атаби Атаев, Умалат Лаудаев, Чах Ахриев, Таштемир Эльдарханов, Ибрагим-Бек Саракаев, Халид Ошаев, Магомед Мамакаев и другие. Продолжателем его научных идей являются молодые учёные, защитившие кандидатские и докторские диссертации. В качестве официального оппонента Хасан Вахитович выступал на защите 9 докторских диссертаций и 25 кандидатских диссертаций. В разное время его пленили творчество и художественный мир классиков отечественной литературы. Неизменный интерес в нём вызывали творения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Тараса Шевченко, Джамалдина Яндиева, Расула Гамзатова, Коста Хетагурова. И это далеко не полный перечень!

Значительное место в научном арсенале Хасана Вахитовича занимают вопросы, связанные со становлением и развитием чеченской и ингушской литератур, как литератур братских народов, имеющих общую судьбу и историю. У двух наших литератур общие традиции фольклора, обе литературы пользуются идентичными художественными средствами. Вследствие этого необходимо рассматривать и изучать эти литературы в тесном единстве. Этому особое внимание уделяет профессор Туркаев Х.В. в своих исследованиях вплоть до начала 90-х годов прошлого века. В своих работах он показывает, как реалистические тенденции устного народного творчества оказали заметное влияние на становление нового художественного мироощущения чеченцев и ингушей, особенно в дореволюционный (1917) период. Учёный проследживает общность общественной и художественной мысли народов Северного Кавказа.

В монографии «Проблемы реализма в чеченской и ингушской литературах» как раз прослежены пути формирования нового художественного

сознания чеченцев и ингушей и проблемы развития их литератур. Автор справедливо опирается на теоретические труды известных отечественных литературоведов, таких, как В.Б. Корзун, М.Б. Храпченко и других. Хасан Вахитович явился инициатором создания в 80-х годах группы единомышленников для написания «Истории чечено-ингушской литературы». Этот двухтомный труд был подготовлен к печати в конце 80-х годов. Но известные события в республике 90-х годов сорвали замыслы учёных. Признанный в общегосударственном масштабе основоположником чеченского литературоведения и литературной критики, Туркаев Х.В. вынужден был при режиме Д. Дудаева покинуть республику. Но и находясь за пределами Чечни, он остался верен родной литературе и литературоведческой науке. Им поддерживаются тесные контакты с Институтом мировой литературы РАН им. А.М. Горького, где, кстати, прошла первая презентация пятитомника Хасана Вахитовича; с учёными Северного Кавказа, с Академией наук Грузии и Закавказья в целом. Подобную же презентацию провела и кафедра русской и зарубежной литературы Чеченского государственного университета, которую возглавлял профессор Туркаев Х.В.

Начавшийся XXI век явился наиболее продуктивным в научных исследованиях профессора Туркаева Х.В. В 2001 году он организовал и провёл под эгидой Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН Всероссийскую конференцию, посвящённую культуре Чечни. Под грифом этого научного заведения Хасан Вахитович издал пять фундаментальных коллективных монографий (два издания «Культура Чечни. История и современные проблемы», два издания «Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России») и «Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов. Просветитель, политический и государственный деятель». Названия этих трудов демонстрируют характер их содержания – показать роль чеченцев в развитии российской государственности, их активное участие в жизни нашей страны, их вклад в общероссийскую культуру.

Вышедший в 2015 году пятитомник Хасана Вахитовича Туркаева «Художественный мир чеченцев в контексте русской истории и культуры» является как бы венцом его десятилетних научных и публицистических работ. Это явилось большим событием в жизни не только чеченского народа, народов Северного Кавказа, но и для всей научной мысли Российской Федерации. Выход этих книг знаменовал собой появление истории чеченской литературы в таком полном и всеобъемлющем масштабе. Путь к этому монументальному и многотомному исследованию национальной литературы был долгим и непростым. Весьма знаменателен и очень значим выход этого собрания сочинений в издательстве «Наука» РАН. Автор проследживает весь путь зарождения, развития и эволюции чеченской литературы, культуры в целом и общественных процессов в республике.

Труд Хасана Вахитовича достойно оценён в республике, в России и за её пределами. Некоторые из работ Туркаева Х.В. переведены на английский и арабский языки.

В 1977 году он получает звание «Заслуженный деятель науки ЧИАССР, в 2005 году – звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

С 1980 года является членом Союза писателей СССР и после его распада избран членом Союза писателей России. Награждён медалью «За трудовую доблесть». С 2003 года Хасан Вахитович – Почётный работник высшего

профессионального образования Российской Федерации. С 2020 года «Заслуженный работник культуры Республики Ингушетия».

О Хасане Вахитовиче Туркаеве можно бесконечно говорить: бесконечно говорить о нём, как выдающемся учёном Кавказа и России в целом, об учёном, не побоюсь сказать, мирового масштаба. Его целеустремлённый и пытливый ум является нам порукой того, что нас ждут впереди новые открытия и новые горизонты в области родной литературы. Впору, думается, нашим молодым учёным заняться исследованием научных работ самого мэтра кавказской литературы. Нельзя ещё раз не упомянуть о Туркаеве – человеке душевного благородства. Помню, как в 1982 году он поддержал мою первую публикацию о романе Нурдина Музаева «Сила мечты», способствовал её появлению в журнале «Орга». Для меня, тогда аспиранта кафедры советской литературы Саратовского госуниверситета, это была своего рода путёвка в большую науку. И как напоминание о тех годах, хочу привести слова Хасана Вахитовича в автографе на своей книге о Таштемире Эльдарханове, подаренной мне сравнительно недавно: «Ахмеду Хусиханову – вспоминая время золотое нашего вхождения в науку».

Хочется верить, что и в этом веке мы, почитатели научного таланта Х.В. Туркаева, имеем полное право ждать от Хасана Вахитовича новых исследований и открытий!

ПОЭЗИЯ

Инна МУХИНА

Инна Юрьевна Мухина – родилась в Москве. По профессии металлург и металлург, кандидат технических наук, изобретатель, ведущий специалист в области авиационного материаловедения. В течение многих лет стихотворения И. Мухиной постоянно появляются на страницах периодической печати, в сборниках и альманахах. Автор трёх поэтических книг: «Снежное вдохновение», «Энергия речи», «На островах времени». Победитель ряда литературных конкурсов. За творческие достижения в современной поэзии награждена Золотой Есенинской медалью, дипломами имени А. Блока, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, Ф. Тютчева, орденами В. Маяковского и А. Грибоедова. Член Союза писателей России.

Живёт в Москве.

Благословенья светлая печать

За городом

Здесь пандемии нет,
Луна качается над снежным садом.
И тихо дремлет тишина,
Ей маски никакой не надо.

Колокольные звоны
Золотого кольца,
Переславль и Ростов,
Ярославль, Кострома ...
Как страдала и пела,
Страдая, душа.
Как стозвонен
Был звон колокольный,
И внимали ему
Мы, почти не дыша,
Растворяясь в созвучьях
Невольно...

Мы – грешники...
Кто эту жизнь
Придумал и прожил до нас
И кто преподал
Мастер-класс,

В заложники
Нас заложив?
Мы – грешники.
Тает закат
И солнца последняя нить,
Но тяжестью
Мрака разъят
Наш мир,
Как его сохранить?
Харизма и карма моя,
Чьи души со мною,
Кто я?

Рождество в церкви

Огнём свечей очистится душа,
На сердце посветлеет понемногу,
Вслед за молитвой тихо, не спеша,
Найдёт оно свою тропинку к Богу.

Белокаменная Русь
Расплескала перезвоны.
Я коленопреклонённо
О судьбе твоей молюсь.

У Покрова на Нерли
Пред иконой ставим свечи,
Чтобы милостью Предтеча,
Путь нелёгкий озарил.

К Крещенью

Ой, зима, зима,
Птица белая,
Что задумала,
То и сделала.
Побелила всё,
Да заснежила,
Серебром кусты
Позанежила,
Во Крещение заневестилась,
Кружева кругом поразвесила.

И ко проруби
На крещенский лёд,
К ледяной воде
Созвала народ.
Утоляется жажда вселенская
Пресвятою водой
Крещенскою.

Когда Господь нас призовет
Держать ответ в его пенатах,
Мы будем только тем богаты,
Что в этой жизни отдаём.

Божий дар
Судьбы на повороте
Перед входом
В вечные врата.
Не прошу я денег
Или взлёта,
Но прости мне, Боже.
Что не так!
Очень часто
Больно спотыкаюсь,
Где не надо,
Правду зря ищу.
Отрубая грубо,
После каюсь
И о ком не надо
Всё грущу.

Когда забвенья дни придут,
Земной предел покинут души.
С них спросят, их покой нарушив,
Земным обещан строгий суд.
Мне скажет кто-то: «Всё не так.
Лишь грани вечного сомненья,
Незрелый плод воображенья
И не научно». Вот чудак!
А мы спешим добро творить
Кто как умеет, бескорыстно.

Отдать души кусочек чистый –
Уж после «быть или не быть».
Простят ли слабых небеса?
Грехи окутали коростой,
От них очиститься не просто,
Но это всяк решает сам.

Болгария

Болгария – море и камни,
Как веки минувших времён
Осталась нестёртая память
Турецко-эллинский канон.

Но вечны Кирилл и Мефодий –
Их азбука – светлая весть
Звучит неумолчным аккордом,
Найдя родословную здесь.

И с чудом о змие Георгий¹,
С надеждою будущих дней
Болгария долгие годы
Стремилась к свободе своей.

Горят православные свечи
Анхѳлос, Созопол, Бургас²
Болгария – веры Предтеча
Сегодня зажгла их для нас.

Многострадален мир и глух,
Не отзывается на слух.
Как быть с жестокостью такой?
Стою с протянутой рукой.

Прошу лишь ясности простой,
Не напрошусь я на постой.
Как «сквозь» и «через» мне пройти,
Пересекаются пути.

¹ Памятник Георгию Победоносцу в Поморье, монастырь в честь Георгия Победоносца.

² Древние города Болгарии.

«Откат», продажность и обман,
Растёкся ложных слов туман.
Стоять с протянутой рукой?
Не подводи итог. Постой ...

*Моей бабушке Мухиной Варваре Васильевне,
учителю русского языка и литературы*

На перекрестье снов,
Среди круженья слов
Забуду всё, что важным
Мне казалось.
По кривизне пути,
Не выпрямить, идти.
А ноша тяжела,
Такая жалость.
И непосилен крест,
Но не гневить небес
Учила бабушка,
Молитвы нам читая.
А крылья так робки.
Слезами – Соловки,
Но вместе с нами
Троица святая.

Бывают дни, когда идём к молитвам,
Ища защиты: «Господи, прости!
Дай силы жить и к каждодневным битвам
Своим перстом, прощая, допусти».
Колокола звонят, и в их созвучьи
Небесный знак, такая благодать!
И утвердимся мы, когда получим
Благословенья светлую печать.

Приезжайте ко мне почаще...

1.

К Фёдору Жихареву, в Забродье, гости с города приехали. Нежданно. В жизни оно ведь как: то кого-то одного в гости не дозовёшься, а тут гуртом нагрянули – сын Василий с женой и дочерью, да племянш Николай, тоже с женой. Осень же – каждому грибов-ягод хочется. А кто ещё из Жихаревской-то родовой лучше, чем Фёдор, лес знает? Никто. Ну вот по сентябрю гости-то и прибыли. На машинах, с корзинами да лукошками. Шумно в стариковском доме стало. Тесно. А старику и в радость. Бабы у сына да племянша хозяйственные, не белоручки какие – первым делом всё в доме перемыли, перетрясли, перечистили, обстирали старого, ужин знатный соорудили. Мужики дрова дедовы перекололи, самому-то всё недосуг. Давно дед внимания такого к себе не имел. Расчувствовался старый, самогоночку, что к празднику ноябрьскому приберегал, на стол выставил. Сегодня-то, на ночь глядя, какой лес, какие грибы? Вот с утра – так прямёхонько и в лес. А сегодня и по рюмочке-другой принять можно. За встречу, значит. Не виделись-то эвон сколько! Сегодня поговорить нужно, повспоминать, новости послушать от свежих людей, за жизнь порассуждать – устал дед в молчанку-то жить. Старуха три года уж как померла, с кем говорить-то, с кем философствовать? Разве что с курями да коровой словом-другим перебросятся – вот и все его философствования.

Да и день на дворе сегодня ну, чисто праздник – солнечный, тихий, с синим до невозможности небом с лёгкими белёсыми облачками. А у калитки две старые берёзы золотыми листьями шевелят-играются. Которые листья наигрались уж, обрываются с веток и с тихим шорохом падают на траву. Да тонкие паутинки по ветру. Красота! Лето бабье... Чего ещё душе надобно? Живи да радуйся!

Андрей Васильевич Растворцев – родился в 1958 г. в Амурской области, учился в Ленинграде. Работает начальником топографо-геодезической партии Средневолжского аэрогеодезического предприятия. Автор ряда поэтических сборников и книг для детей. Часто печатается в общероссийской литературной периодике.

Живёт в Чебоксарах.

Прослышав про дедовых гостей, будто случайно, на огонёк две соседки, Надежда Георгиевна, бывшая учительша, да Галина Семёновна с соседом Венькой Штраухом заглянули. Штраух – это не фамилия Венькина, прозвище. Со школы ещё. Как-то на уроке композитора неправильно назвал, вот и приклеилось – Штраух и Штраух. Он и сам-то потом иногда не по фамилии людям назывался – прозвищем обходился. А так-то Неверов его фамилия.

Пришли соседи, и так значит, культурно, мол, мы только поздороваться, ага – поздороваться, а чекушку-то с собой принесли! – да так за столом допоздна и засиделись, дома-то всё одно никто не ждёт.

Вечеряли во дворе, под старой яблоней стол накрыли – тепло же, сухо. Да в избе такой оравой и не поместились бы.

Сноха да жена племянша стол разносолами устали – и где только что взяли! Ну, а под рюмочку и разговоры разговаривать начали. Сначала мирно – что, кто, где; а как по третьей-то приняла, тут и заспорили. И не поймёшь, с чего всё зачалось! Только крику – на полдеревни слышно!

Видно, с племянша споры-то пошли, тот всё больше на город напирал да нахваливал – город то, город сё! И культура там, и обхождения высокие, и магазины, в которых чего только нет, и кино, и театры. Фёдор терпел до тех пор, пока племянш спяну не брякнул, что городской он чёрт-те в каком колене, что нет в нём запаху земельного крестьянского.

Тут уж старый Жихарев не стерпел:

– Город, город! А чего в твоём городе такого, что ты своим городским происхождением кичишься? Хорошо поковырять твою родословную – так все твои родные корнями и корешками из деревни. И не из какой-то там далёкой, а отсюда, из нашей деревни, из Забродья! А ты над ней насмехаешься! Над родиной своей и дедов своих насмехаешься?! Не стыдно? Так ведь всё обсмеять можно: и мать свою, и жизнь свою, и кровь людскую, и веру христианскую, и труд непосильный человеческий. Газеты читаю, в телевизор гляжу – над всем ржёте, а у меня гадостно на душе. Только о пузе своём да тряпка и печётся!

И словно кого передразнивая, дед скорчил умильную морду и воздел руки к небу:

– Ах, телефончики, ах, айфончики! Тьфу! Господи, прости! Я так думаю, когда мысли только о подножном корме, то и жить тяжело, и неинтересно. Если всю жизнь мыслить категориями желудка, вряд ли мысли светлые в голову придут. Высокая мысль полётом живёт, мечтой...

Племянш к Жихареву с извинениями – мол, не так понят был, не сердчай, дедушка Фёдор, да и соседки-товарки на старого навалились, зачем уж так молодого-то понужать? – остудили распалённого деда.

Долго ещё сидели за столом, даже песен сподобились попеть, заодно и многим знакомым косточки перемыли. Но более всего словесных оплеух досталось политикам – тема политики в русских застольях вечная и бесконечная. У нас же как? – каждый сидящий за хмельным столом – президент. И этот президент всё знает и всё решает. Ну, а если президенты все – договориться о чём-либо невозможно. Так и на Жихаревском подворье – споров было много, крику и ору тоже хватало, но никаких знаменательных решений принято не было. За исключением одного – утром за грибами.

2.

Утром Фёдор Кузьмич встал рано – хозяйство как-никак. Пока гости спали, он уж успел и курам пшена подсыпать, и воду в корытце поменять, и корове поило приготовить. Конечно, в его-то годы тяжеловато уже с животинной управляться, особенно с коровой, да жалко в чужие руки Зорьку отдавать, а уж о том, чтобы на мясо пустить, и речи нет!

Многие на селе разную скотину держат: свиней там, коров, коз-баранов. Но забивать их, в смысле резать, когда срок придёт, приглашают людей со стороны. У самих-то на любимого поросё Борьку, козу Катьку да корову Зорьку рука не поднимается. Хотя многие и ножом, и ружьём умеют владеть в совершенстве. Чай в тайге выросли. Да только на лесной-то охоте добыча дикая, безмянная, считай ничейная, с руки не выкормленная, не выпоенная, чего её жалеть-то? Для того и охота, чтобы зверя добыть. А тварь домашнюю самолично жизни лишить – это совсем другое, какая уж тут охота, если скотина к тебе ластиться и подлости твоей не ожидает?! Домашнюю животину забить, почитать, что душу родственную загубить. Так что, к смертоубийству домашней твари не только женская, не всякая мужицкая душа приспособлена, для иной души и курицу-то к обеду зарубить – мука великая...

Дед ласково потрепал Зорьку меж рогов – поживём ещё, старушка, а нет – вместе и уйдём. Корова мокрогубо ткнулась в дедову руку с корочкой хлеба...

Заезжие грибники вставали по деревенским меркам поздно и собирались долго: всё-таки самогон деревенский крепкий! Кое-кто вчера его перебрал...

Ну, сколько бы ни собирались, а потихоньку собрались. Да и подались в лес. С надеждой, что хоть там-то полегчает...

Несколько километров по старой лесной дороге по свежему с прохладцей утреннему воздуху сотворили с грибниками маленькое чудо – из деревни-то они выходили никакие, квёлые, с серыми лицами, а в лесу ожили, зашевелились, шутками сыпать начали, подначивать за вчерашнее друг друга. Лица разгладились, порозовели, а как вывел их дед на грибные места, так удержу на них совсем никакого не стало – носятся, кричат, найденным грибом хвастают, фотографируют всё что ни попадя, сами фотографируются и Фёдора на телефоны щёлкают. Одно слово, дети.

Грибов было много. Разных. Как всегда поначалу подряд всё и хватали. Но скоро сообразили, что если так собирать, скоро никакой тары для хороших грибов не останется – остановились на белых да на лисичках. Правда, если попадался на глаза другой какой гриб красивый – не выдерживали, брали и его. Так что в корзинах грибников из-под боровиков и лисичек нет-нет да выглядывали крепкие подосиновики и молоденькие подберёзовики. Фёдор Кузьмич набрал в корзину одних груздей. Белых, с желтоватой бахромой. Ровнёхоньких, в кулак величиной. Самое то для засола. Зимой с постным маслом, с лучком и рассыпчатой картошкой эти груздочки душу такой радостью наполняют, что ни о чём другом и мечтать не приходится!

Перекусить расположились на маленькой опушке у поваленной сосны. Жена племяша, Настёна, Анастасия по-городскому, от деда в лесу ни на шаг не отходила и на перекусе рядом с ним присела, всё лучшие куски деду подкладывала. Фёдор прямо цвёл от такого внимания – добрая девчонка племяннику досталась. Молодые недавно обженились, у девчонки с новой роднёй, считай, первое знакомство, да и не пообвыклась она ещё в роли

жены-то – стесняется, боится что не так сделать. Вот под крыло деда и прячется...

Под чаёк Настя деда о кресте, что на входе в лес стоит, спросила, что, мол, за крест, да кому он, может, случилось здесь когда чего?..

Деда почему-то смутил простой вопрос, вроде как неуютно старому от такого интереса к кресту. И, по всему видно было, не хотелось ему говорить, но ответил – начал, правда, издали:

– Вот, говорят, нет чудес на свете. А те чудеса, что чудесами называют – и не чудеса вовсе, потому как руками человеческими произведены. Ну, вроде как людских рук дело – это в лучшем случае шедевры разума земного и потому чудесами считаться не могут. Хорошо. Тут я даже и соглашусь. И даже церковные чудеса, типа исцелений ни с того ни с сего, или там явления ликов Богородицы и Христа тоже к нашему разговору лепить не буду. Я для начала так спрошу: можно мне верить? Можно? Можно. И на этом спасибо. Потому я так скажу: довелось мне побывать в городе, которого нет. А вот так – нет его. Ни на картах, ни в энциклопедиях – лично проверял. Ну, нет его на нашей планете. И не было. Нет о нём упоминаний ни в какой исторической литературе. А я был в нём. Так себе городишко, старый какой-то, будто лет двести без ремонта. По улицам ходил, с людьми говорил, даже пообедал в столовке! – а города-то и нет. Такое вот чудо! Я почему о городе-то – от того креста дорога к нему начинается...

Тут уж все, как по команде, оглянулись в сторону креста, хотя увидеть его с этой опушки ну никак невозможно. Далеко, да и лес...

– Так вроде нет там никакой дороги, – не совсем уверенно сказал сын дедов, Василий. – Я точно помню: за ним два дерева, бурей обломанные по самый комель, лежат, и даже тропки нет...

– И я никакой дороги не видел. Я к кресту специально подходил, – подал голос племянник.

– Правильно. Когда лежат два переломанных дерева крест-накрест – нет дороги. А как нет деревьев – есть. Это уж я потом понял, когда второй раз в тот город попал. Первый-то раз, мне и пятидесяти тогда не было, я по дороге за крест пошёл случайно. Задумался чуток – неважно чувствовал себя что-то, шум в ушах, грудь давило, в общем отвлекся и как шёл по тропе, так на ту дорогу и вышел. Да и потом без внимания, пока на окраине города не оказался. Думаю, что за чудеса – я ж тут всё в округе знаю, какие ещё города?! Иду по улицам, всему удивляюсь. Никого знакомого. И на меня прохожие ноль внимания. Походил я так, походил, да и давай домой выбираться, а куда ни пойду – везде город. Кого ни спрошу – все в разные стороны окраину показывают. Но вышел-таки к лесу – оглянулся, и тут меня словно чёрной волной накрыло. Ты, Василий, помнить должен, меня тогда Венька Штраух на окраине села без сознания нашёл. Ни он бы – не было б меня сейчас. Инфаркт мой первый тогда случился. Еле спасли. Я, как оклемался, сходил к кресту-то – лежат деревья, и никакой дороги, и никаких тебе городов. Чудеса. А второй-то раз в этот город я попал, когда старуха моя померла. Худо мне без неё было. Хоть не живи. Пошёл как-то в лес, иду мимо креста, а деревьев-то за ним нет! Что за дела, думаю?! Я за крест зашёл, а там дорога. Торная. Хоженная. Я по ней – и вот тебе и город! С того-то раза и не изменился совсем. Вот только знакомые мне стали попадаться. Первым-то Ваську Киреева я заприметил, мужа Надежды Георгиевны, учительши нашей. Васька-то до этого года два как пропал – в лес пошёл за клюквой, и всё – как и не было его. Искали, искали – нет,

сгинул Васыка с концами. А тут – вот он. Жив-здоров, стоит у пивного ларька, пиво с мужиками попивает. Я на него вылупился, ничего понять не могу, а он мне и говорит: «Что, мол, с тобой, мужик? Поплохело? Может, скорую?». Два года всего не виделись, а он не узнаёт меня! Нет, говорю, всё нормально. А он головой так покачал: «Смотри, говорит, тебе видней. Но я бы скорую вызвал. Уж больно ты плохо выглядишь».

Ну, я отмахнулся и пошёл себе. И надо ж – прямо на меня Игорь Васильевич, наш зоотехник – прямо лоб в лоб! А ведь его тоже не нашли, когда он с рыбалки не вернулся! Года четыре тогда, после его пропажи, прошло, а он ни на грамм не изменился. Я к нему, а он мне: «Чего тебе, мужик?». Я ему, мол, Игорь Васильевич, это ж я – Жихарев! А он: «Шёл бы ты мужик отсюда не знаю я никакого Жихарева! А раз не знаю, значит, не пришло ещё твоё время!» Вот тут-то, после этих слов, вроде как щёлкнуло у меня что в мозгу – видать, в городе этом обитают те, кого когда-то потеряли, те, которых не отпели! Страшно-то как! Ох, сколько ж их! А родные о них ничего и не знают! Не успел я тогда мысль эту додумать – меня опять чёрной волной накрыло. Второй инфаркт. Выходили врачи. Но про город я никому так и не сказал. Особенно жёнам тех мужиков – кто ж поверит?

– Ты, батя, в своих инфарктах этот город придумал, – Василий досадливо махнул рукой. – Это ж надо – город неотпетых! Ох, и фантазия у тебя! Ты, давай, прекращай ходить в этот город – два инфаркта было, в третий раз твой город тебя не отпустит. Прихватит в лесу сердце – и переселишься к неотпетым. И не найдём тебя никогда. Хватит одному по лесам бродить – восьмой десяток всё-таки! Ты вон, на Настёну с внучкой погляди – напугал своими сказками девчонок. Не верьте, девочки, старому. Он ещё и не такое сочинить может! А насчёт креста – это поклонный крест. У святых мест такие кресты ставят. Здесь недалеко ключ бьёт, он святым считается. Вот крест и поставили. Эх, батя, батя – девчонке по-простому не мог ответить?

– По-простому неинтересно, не цветасто. День-то сегодня сказочный какой, а ты – по-простому...

И чуть помолчав, добавил:

– Ничего ты, Василий, не понял. Вы приезжайте ко мне почаще, а то и впрямь я однажды переселюсь в тот город, а вы и не узнаете...

ПОЭЗИЯ

Сергей ГАЗИН

Сергей Юрьевич Газин – родился в 1953 г. в городе Казани в семье офицера, фронтовика ВОВ. Вырос под Киевом в городе Белая Церковь. В 1974 г. в городе Опочка Псковской области окончил Опочецкое Зенитно-Ракетное училище ПВО. В 1987 г. окончил Военную Инженерную Радиотехническую Академию ПВО им. Маршала Советского Союза Говорова Л.А. Служил в войсках ПВО под Тернополем в г. Борщіве, в Днепропетровске, Харькове и Москве. Полковник. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Член Союза писателей России. Автор десяти книг стихотворений. Лауреат московских областных литературных премий им. Ярослава Смелякова и Евгения Зубова, премии МОО СП России «Золотое перо Московии» и др. Кавалер Золотой Есенинской медали. Член-корреспондент Академии Российской словесности.

Живёт в Москве.

«Моя Святая Русь...»

В зеркале преданий

Где ивы у реки
Склонились под обрывом,
Там воды глубоки,
Там солнечное диво!..

Блестящая волна,
Как зеркало преданий,
Горит, виденьями полна
Из самых древних далей...

Здесь славный Святогор,
Плечом раздвинув тучи,
Раскрыл небес простор –
Защитник наш могучий!

Не страшен злой Кощей
И Водяной зелёный,
Удрал трёхглавый Змей
Быстрей стрелы калёной...

Русалки здесь живут
И кот Баюн учёный...
А ивы – к водам льнут
Испить любви исконной.

Смотрю, не посмотрюсь...
Кругом земля родная –
Моя Святая Русь,
Былинная, живая!

Русская зима

Кажется, замерло всё навсегда
От ледяного дыхания –
В реках застыла живая вода,
И наступило молчание.

Стужей накрыло леса и поля,
Снегом засыпав желанья,
Но под сугробами в неге земля –
Нет на душе замерзания.

В белом безмолвии чудо-снегов –
Спящей земли вдохновение,
Даже сквозь пляски холодных ветров
Слышится сердцебиение.

Русские зимы – загадка для всех,
Кто со времён сотворения
В детстве не ел свежеснеженный снег
И не вкусил откровения.

Лёгкой метелицей белый огонь
Мчится сквозь темень безлунную –
Снежными искрами северный конь
Ночь зажигает жемчужную!

Русский дух

Вновь красиво падает снег,
В белый мир приглашая чудесный –
Кровь моя убыстряет свой бег,
Оживляя весь космос телесный.

В белых шапках еловая рать
Наступает на снежную крепость –
Здесь мальчишкам вольготно играть,
Здесь рождается сила и смелость.

Русский дух, словно крепкий мороз,
Посреди белоснежных угодий –
Возрастает в ребятах всерьёз,
Начинаясь с метельных мелодий.

Слышу песни февральских ветров –
Это гимн, очищающий Космос,
Кто в ладу с ним, тот будет здоров!
И, поверьте, – всё это не фокус.

Вновь красиво падает снег,
Я люблюсь на пышные хлопья –
Как они, ускоряя свой бег,
Украшают еловые копья!

Синичкина песенка

Синичкину песенку слышу в лесу,
Нежареных семечек ей поднесу –
На щедрой ладони для птички обед,
А мне, синим пёрышком – в сказку билет.

Пройду по болотам до бабы Яги
Сквозь жуткую мглу, где не видно ни зги...
В Кощеево царство, кружа, забреду –
Царевну на свет за собой уведу.

В чащобе лесной не заблудимся мы,
Пройдём по замёрзшим сугробам зимы,
Огромный волчище предстанет с добром –
Промчится, спасая нас, сквозь бурелом...

Синичка обрадует песней любви –
Вернутся, вернутся к весне журавли!
И мы воспарим на незримых крылах,
Летая, как в сказке, в загадочных снах!..

Зимняя сказка

Серебряной монетой
В ночи блещит Луна,
Зависла над планетой
Живая тишина.

Земля омыта светом
Серебряной Луны –
Снежинки с зимним ветром
Слетают тихо в сны...

Зимы ночное чудо
Загадочно всегда, –
Как белые верблюды,
Сугробы в городах.

Снежинок хороводы
Вовек не сосчитать...
Бродить такой погодой,
Как в сказке побывать!

Элеонора Валентиновна Кузнецова – родилась в Москве. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена. Работала в школе преподавателем биологии, рисования и черчения; заведующей в библиотеке, а также инженером-техническим художником в Московском институте теплотехники. Член Союза писателей России. Также является членом ЛИТО «Отрадное», «Избранники муз», «Ясноцвет» и «Казачка». Публиковалась в журналах «Поэзия. Двадцать первый век от Рождества Христова» и «Великороссы», Антологии одного стихотворения «Золотое перо Московии», в альманахах «Казачка», «Наша Отрада» и «Ясноцвет», в авторском сборнике религиозной лирики «Лепта на храм» и газете «Московский литератор». Международной академией русской словесности награждена почётным дипломом имени Владимира Фирсова. Является дизайнером логотипа альманаха «Казачка».

Живёт в Москве.

«Россия знает чудеса...»

Воспоминания

Вспоминаю уральское детство...
Вольным ветром гуляла в горах,
Где впитала Бажова наследство
В самоцветных загадочных снах.

Словно витязи, встали там скалы
Охранять берега на века –
Я на Каменке-речке узнала
Вкус воды, что как небо сладка.

Помню ягодный рай Забайкалья
И багульника пламя в снегах –
Там на сопках царит беспечалье,
И красавцы-изюбры в лесах.

Воспеваю счастливую юность,
Что прошла у Кенона¹ в Чите –
В тех краях я к мечте прикоснулась,
К настоящей живой красоте!

¹ Кенон – озеро в Забайкальском крае, в черте города Читы.

Каменка

На Урале речка есть –
Невозможно глаз отвести.
Отражает в глади вод
Весь лазурный небосвод.

Это Каменка-река,
Мчит себе издалека...
Так жива её вода –
Не забудешь никогда.

Будто бы поёт она:
«Я игрива и вольна,
Даже камни все, звеня,
Подпевают в честь меня!»

А какие берега –
Что скалистые рога!..
Могут небо забодать –
Слава Богу, не достать!

Родные чудеса

Россия знает чудеса,
Она так сказками богата –
Чаруют душу небеса
В волшебных росписях заката.

По берегам поющих рек
Вокруг костров – пиры и пляски...
И манит нас из века в век
Хозяйка медных гор уральских.

В живой прибрежной глубине
Бдит Водяной в воде журчащей,
Среди кувшинок при Луне,
Реки ночной покой хранящий.

А Леший прячется в лесах,
Где всё таинственно красиво –
Домой в сердцах и туесах
Уносим сказочное диво!

Зимний финал

Вновь февраль превращается в сказку –
Снег пушистый летит за окном!
Дарит искренне добрую ласку
Белотканым живым полотном.

Самым чистым окутаны пухом
Все деревья и все-все кусты...
Всё пронизано благостным духом –
Нет ни грязи и нет наготы.

Светлый день и чудесно сфумато¹ –
Очертанья размыты кругом...
И зимы предпоследняя дата
Сердце греет приятным теплом.

Взятие снежной крепости

Забавы зимние всегда к лицу
Любому, кто желает жить счастливо...
Всем нравится: и старцу, и юнцу
Отметить Масленицу живо!

Художник подарил нам полотно,
Работу зимним посвятил проказам...
Хоть и написано давным-давно –
Навеки стало Суриковским сказом.

Казак лихой взял крепость на коне,
Разбив с азартом стену снеговую.
Стоит с досадой кто-то в стороне,
А у других веселье вкруговую!

Зима окончена, вот-вот Весна!
Слежался снег, и не блестит, желтея...
Но праздника счастливая волна
Всех сделала от радости светлее.

Живая поэзия

Ушла зима, и не шумит метель
Моих тревог, что сердце точат –
В душе звучит поющая капель,
Рождая счастье свежих строчек.

¹ Сфумато – в живописи смягчение очертаний фигур и предметов, которое позволяет передать окутывающий их воздух.

Всё больше, больше падающих звёзд,
Несущих светлые надежды...
И песни птиц из новых тёплых гнёзд
Мне к солнцу открывают вежды.

Я вижу неба радужный привет,
И тает лёд сомнений зимних –
В меня проходит чудотворный свет
Очарований ярких, дивных.

И я дышу ожившею землёй,
Где зелень солнышком согрета, –
Когда приходит благодать весной,
Душа в поэзию одета!

ДРАМА

Ирина ЛЕСНАЯ-
ИВАНОВА

Сны о графе Н.П. Шереметеве и Прасковье Ивановне Ковалёвой-Жемчуговой

Действующие лица:

Преподавательница университета.
Граф Николай Петрович Шереметев.
Прасковья Ковалёва-Жемчугова.
Представители светского общества.
Богатая дама.
Врач.

В драме использованы факты из жизни графа Николая Петровича Шереметева и Прасковьи Ивановны Шереметевой, но сюжетная линия богатой дамы, врача, обмана ими графа является вымыслом автора.

Действие первое

Преподавательница университета начинает готовиться к предмету. Набирает на компьютере: «Дисциплина «Сохранение культурного и природного наследия». Тема «Парки России. Парк Куусково и его хозяева». Любовь Прасковьи Ковалёвой-Жемчуговой и графа Николая Петровича Шереметева». Видит колонку статей. Засыпает за их чтением. И снится ей сон...

Граф Н.П. Шереметев после смерти отца один в поместье ходит по пустому дому, потом по имению.

Граф Шереметев

Холодно здесь сегодня. Пусто. Пусто и на душе. Отец мой умер. Все часы в доме поломались. Одни не ходят, другие идут, но время показывают не то. Не хотят мне служить. Помнят хозяина. Да, умер отец, а людям всё равно уже. Уже глядят на меня как на нового графа и, наверно, говорят старые матроны, вот, мол, богатый жених, надо с ним

Ирина Лесная-Иванова – член МГО СП России, поэтесса, прозаик, драматург, литературный критик, кандидат философских наук, доцент, член Академии российской литературы, член Союза журналистов. Родилась в 1966 г. в Москве. В 1988 г. окончила Московский Государственный Педагогический Институт имени В.И. Ленина. В 2002 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Феномен времени в лирике Серебряного века» по специальности «эстетика». С 2002 г. преподавала в различных университетах Москвы и Подмосковья. За достижения в области поэзии награждена Золотой Есенинской медалью «За верность традициям русской культуры и литературы» и другими наградами. Автор книг поэзии и прозы. Живёт в Москве.

дочек наших познакомить, как будет бал давать, так подослать. Влюблена в меня одна особа. Как бал, так глазки строит, светскую игру ведёт, увлекает. А я, признаться, боюсь красоток. Соперников потом будет чёртова дюжина. От ревности инфаркт хватит. А как изменит и найдёт, что соперник лучше? Да ребёнка чужого от тайной интрижки как твоего тебе преподнесёт? Только и следи за ней! Особенно за этой. Есть в мадам что-то роковое. Ох, чувствую я: коль пойдёт она на бордаж, так корабль моей жизни потонуть может. Не смотреть в её глаза, не отвечать улыбкой любезной на её улыбку. Зачем женщины? Нас соблазнить, женить, закабалить, связать семейными заботами по рукам и ногам, а я ещё во цвете лет! Сколько могу для государства сделать! Добавить славы прославленному роду графов Шереметевых, в историю войти. Нет! Надо совсем перестать ходить на балы. Что там? Одни интриги, а за ними беды. К тому ж, смерть отца – серьёзная причина, чтобы жить уединённо. И мне действительно не до балов. У меня в душе траур. Частенько вспоминаю я покойного отца. Любил меня папа, и с крепостными был добр. Бывало, за один стол с господами у нас садились. Всё чаще его артисты. По имени отчеству их называл, давал к фамилиям прибавки из названий драгоценных камней. Любил и роскошь. Вон и шапка его лежит. Рыжий бобр. Холодно в доме. Каминны не топят. Кажется, на улице теплее.

(Выходит на улицу, идёт по направлению к конюшне, видит там жеребца)

Ну что, Савраска! Часы меня не признают. А ты признал, помнишь ли седека своего?

(Гладит по морде, гриве)

Помню: ребёнком был, когда отец ездить учил. Я упаду, а он говорит: «Что, сыночек, разбил коленку? Не плачь! Мужчины плакать не должны! Ты править рождён, любого коня обуздать должен и сам со своей судьбой справиться. На то тебе воля дана сильная, отцовская». И сильный был, и богатый, и знаменитый, а умер, как обычный раб божий. Был человек, и нет. Одни вещи бесхозные остались.

(Заходит снова в дом, открывает шкаф, полный шёлковыми рубашками)

Да, рубашек здесь сотни две. Несколько деревень одеть можно. А мне не подходит ни одна. Нельзя близкому родственнику с покойника вещи носить. Велю всё раздать крепостным. Куда ни пойдёшь – горькие воспоминания повсюду. А вот в буфете вино отцовское стоит. Хорошее, крепкое вино, высший класс! Вот выпью я сейчас, и согреюсь, и развеселюсь чуть-чуть. А что это рядом с бутылкой? Жемчужина! Зачем она здесь? Откуда? Помню, приезжал из заграницы, попал на отцовский спектакль, там ещё императрица Екатерина Вторая присутствовала. Девочка одна так играла, так пела! Звучки, как золотые бабочки, над нами порхали, царица тронута была, перстень с руки своей нежной сняла, артистке нашей подарила. А как же звали певицу ту? Кажется, Прасковья. Прасковья Ковалёва. А как жемчужину-то нашли у пруда, так и добавили к её фамилии Жемчугова. Графская фамилия получилась, двойная. Да, голос такой – дар Бога, Всевышнего, Творца нашего. Давно это было. Так давно, что кажется сном. «Вся жизнь есть сон», – сказал великий Кальдерон. Может, и сейчас я сплю, и просто снится мне, что отец умер, а я стал хозяином огромного имения, где меня не слушаются

даже часы. Ну, ничего, вызову мастера, всё пойдёт на лад, а сейчас надо ещё выпить и закусить.

Действие второе

Граф Н.П. Шереметев сидит дома и пьёт. В покоях графа появляется крепостная актриса Прасковья Ковалёва-Жемчугова.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Светлейший граф, Николай Петрович! Простите, что нарушила ваше уединение. Пришла вот к вам от всех актёров. Беспokoимся мы о вашем самочувствии, состоянии. Совсем наш театр позабыли.

Граф Шереметев

Да, не до театра мне, Прасковья. Траур на душе.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Николай Петрович! Драгоценный вы наш! Тяжела ваша утрата, чувствую, как вам больно сейчас. Отец ваш великий человек был. Царство ему небесное!

Целый век при нём наш театр процветал, блистал. Но вот ушёл и вам ключи отдал от своего имения и от сердец наших. Теперь вы нам и родной отец, и правитель. А вы покинули наш театр, мы так вас ждём, каждый день, каждый час. А вы вот здесь совсем один сидите и пьёте это горькое вино и думаете, что оно вас утешит, развеселит лучше, чем мы? Право, это не так! Хотите, я вам спою... спою песенку из спектакля нашего?

Граф Шереметев

Спой, Прасковья, дорогая. Голос у тебя чудесный. Помню его ещё с тех времён, когда царица в наш театр приезжала, перстень тебе подарила. Спой. Отгони печаль-тоску прочь.

(После окончания песни)

Поёшь ты хорошо, Прасковья, – но и вино веселит. Не отказывайся, выпей со мной вина крепкого, отцовского. Я тебя много лет помнил. Как ты похорошела! Расцвела ты, девушка, словно маков цвет. Разреши мне, доброму молодцу, поблагодарить тебя за пение поцелуем. В доме таком родную душу обнять бы, жить да радоваться. Да нет её родной души рядом! Нет! Есть! Ты моя родная душа! Одним театром жили много лет, одним искусством, с одними людьми вместе, одной судьбой, можно сказать. Значит, говоришь, добрый был мой отец? И я тоже добрый, иди сюда, Прасковья моя, утешительница, иди сюда, мой ангел, обними меня, утешь ещё в горе, по-настоящему, по-женски. Я ведь, милая моя, давно тебя полюбил, только сказать боялся, думал: вдруг не взаимно это, вдруг напугаю тебя, красну девицу, а ты вот и сама пришла.

(Обнимает Прасковью, тушит свечу. Всё погружается во тьму)

Действие третье

Граф Николай Петрович Шереметев с Прасковьей Ивановной в Кусковском парке.

Граф Шереметев

Неправда ли, Прасковья, прекрасен наш парк и зимой, и летом? Ты рада, что гуляешь со мной здесь? Цветы маленькие, а лучезарные. Кажется, будто они – звёзды, упавшие с небес. А вот и белочка. Смотри, смотри! Да их целых две!

У меня орешки с собой. Возьми орешек, белку покорми. Они ручные, вон спускается с дерева прямо к тебе. Фея моя! Лесная фея! Любят тебя зверушки!

Ну, идём дальше. Возле флигеля нашего море голубое гиацинтов. Какой пьянящий аромат! Голова кругом!

(Переводит взгляд на Прасковью)

А ты задумчива сегодня. Вспоминаешь что-то? Расскажи?

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

В именье соседском переполох: говорят, сбежала крепостная.

Граф Шереметев

Как будет жить?

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Поможет Бог! Все знают, что там ад для крепостных. И секут, и унижают, и загружают работой.

Граф Шереметев

Вот и бегут. Ну, а у нас не так: и люди пока довольны, и я доволен. Но беглянке плохо будет, как поймут, да выдадут, возвратят барину по закону. Закон-то у нас на стороне хозяев, каковы бы они ни были.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Коль убежать захочет кто, закон не сдержит. Да, что говорить про это? Я вот лучше про нас расскажу. Видела я, Николай, сон. Будто высоко-высоко на горе стоит церковь, при алтаре чисто огонь сияет. А мы с тобой, друг сердечный, венчаемся. И вокруг почти нет людей. Священник. Один мужчина только и моя подруга.

Граф Шереметев

Венчание и брак неразрывно связаны, Прасковья, а нам, дворянам, нельзя вступать в брак с крепостными. Всё получишь от меня, что в моих силах, а невозможного не желай. Хотя где-то я слышал, что нет ничего невозможного.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Дай вольную ты всей моей семье. Как были мы тебе рабски преданы, так и останемся. В огонь и в воду за тебя пойдём. И ты увидишь, что всё это не из страха, а по зову сердца.

Граф Шереметев

Мысль интересная. Хоть я, конечно, не царь, а всё ж могу решать судьбы людские. Так ты считаешь, что узнать через вольную смогу: ты любишь ли меня, играешь в неволе, как актриса крепостная?

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Узнаешь, мой граф, только дай вольную моей семье! А то в неволе убогу! Смотри: я убегаю! Догони!

(Убегает. Граф догнал, обнял)

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Не надо вольной мне, мой Николай! Я пошутила. С тобой мне и в неволе хорошо!

Граф Шереметев

Нет, раз я решил, то сделаю всё! Ты будешь вольной, Прасковья, чтобы стать моей законной женой. И тогда мы, не скрываясь, будем выходить в свет вместе, поедем за границу. Ты так прекрасно знаешь французский, итальянский. Будем беседовать с иностранцами.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Вашими устами, Николай Петрович, пить бы мёд. Заграница хорошо, а мне петь бы на сцене!

Граф Шереметев

Ты будешь петь, любимая! Я подарю тебе целый театр! Но главное – законный брак. Как его добиться? Право, не знаю. Прячемся в лесу от глаз людских. А шила в мешке не утаишь. Модно сейчас помещикам с крепостными жить, и всегда так было, но у нас не тот случай. Я тебя по-настоящему люблю. Это не пошлость какая-нибудь, я в тебе душу чувствую родную.

(После паузы)

Знаешь, Прасковья, мне надо побывать в Петербурге. Приглашает туда царь на службу. Ты ведь будешь меня сопровождать?

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Там ужасный климат, дождливый, сырой, просто созданный для того, чтобы люди чахоткой болели! Там дожди одни.

Граф Шереметев

Возьмём зонты, не страшно, ангел мой! Бог не выдаст, свинья не съест. Туберкулёз – болезнь бедных, от плохого питания, слабого сопротивления организма. Я тебя как царицу содержать буду. Фрукты, мясо, рыба каждый день. Да и на улицу в сырую погоду зачем выходить тебе? Прислуга прине- сёт всё, что захочешь. Ты ведь не больна сейчас? Вроде не кашляешь, поёшь, лицо румяное.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова
(в сторону как бы про себя)

Больна, да собой владею, не кашляю при нём. А коль скажу правду, вдруг не возьмёт с собой?

(вслух)

Что ж, Николай Петрович! Николай! С тобой хоть на край света!

Действие четвёртое

В Петербурге светское общество на балу обсуждает графа. Разговоры за столом перемежаются с танцами.

Первый гость бала

Граф Николай Петрович знаменит. О нём говорит весь Петербург. Имеет граф ордена святого Александра Невского и святого Андрея Первозванного. Любим царём, на службу приглашён. Ждут его великие дела. Будет прослав- ленный на все века человек. Знатные люди станут удивляться размаху его деятельности. Придёт на ум основать что-либо, и пойдёт работа.

Второй гость бала

Что основать? Чему удивиться? У графа на уме девица.

Третий гость бала

Да, кажется благополучный человек. Посетил Голландию, Англию, Швей- царю, Францию, Германию, а в такой беде оказался! Влюбиться в неровню. Вся родня против! И со всеми порвал отношения родственниками, кто выска- зывался плохо о зазнобе его. Резкий человек.

Первая гостья бала

Но ведь и добрый, а щедрый какой. За границей, говорят, встречался с Моцартом и оказал ему поддержку. Граф наш меценат. Он просто клад для богатых невест! А дурнушкою увлёкся из крепостных. А, может, там раз- врат? Игралась с крепостными много раз дворяне наши. Связи с актрисками в моде сейчас. Побесится, побесится, потом найдёт дворянку, женится, забудет куклу свою крепостную.

Четвёртый гость бала

Да, говорят, что сильно граф влюблён...

Вторая гостья бала

Ходил граф Николай Петрович наш недавно на балет. А после устроил с крепостными обед. Как можно людей из народа рядом с собой за стол са- жать? А вдруг у них туберкулёз? Дурной обычай в доме граф завёл. Ещё со времён отца его так у них повелось. Нет, нет! Это плохой пример для под- ражания!

Пятый гость бала

Да, хороводы с девками водить опасно. Они, может быть, и колдуют. Я слышал, что среди его крепостных актрис одна дочь кузнеца, горбуна. Он, говорят, пил и колдовал. И душу дьяволу он продавал. Недаром в дочке есть искусства бес, а граф к ней проявляет интерес.

И наблюдаем мы, что с каждым днём все чаще остаётся с ней вдвоём.

Бедный Николай Петрович! Он явно жертва нечистой силы, заговора кре- постной актрисы. Невест богатых с чистой дворянской кровью всюду тьма, а он одну её и видит.

Третья гостья бала

Оставьте графа! Он с ума сошёл!

(Входит граф. Все отшатываются от него, расходятся по комнатам так, что он остаётся один в зале)

Граф Шереметев

Все разошлись. Как будто я чумной. Ну что ж, к Прасковье мне пора до- мой. И докажу я скоро всем, что намерения мои серьёзны, что это любовь, а не пошлое развлечение, какое у всех бывает, что души наши родственны, а раз- витие её такое умственное и душевное прекрасное, что быть моей законной женой она вполне достойна. Я написал уже письмо царю. Без предрассудков я смотрю на мир. Отец учил меня ещё в детстве, что мы должны быть хозяева- ми своего счастья, сами делать свою судьбу.

Действие пятое

Тайное венчание графа Шереметева с Прасковьей Ивановной Ковалёвой- Жемчуговой.

Граф Шереметев
(священнику)

Благодарю за всё, святой отец. Никогда не забуду вашу смелую помощь. Перед Богом мы стали супругами. А от царя я получил отказ. Формальный. Но думаю я, что в душе и царь за нас. Павел был предрассудков раб. Неплох душой, ну, а характер слаб. И новый царь Александр пока вердикта не даёт. Но я чувствую, что его-то уговорить мне в итоге удастся.

Действие шестое

Новый бал и обсуждение любви графа Н.П. Шереметева.

Первая гостья бала

Он обвенчался с ведьмой, говорят. Бедный граф! Я лично подложила бы ей в тарелку яд, когда бы в дом была приглашена. Я спасла бы графа, его древний дворянский род, будущего наследника. Ведь она и родить может. Что с чистой дворянской кровью произойдёт? Каких кровей ребёнок будет? О, я бы на корню эту нечистую связь пресекла. Да они никого не приглашают.

Первый гость бала

Боже! Какой грех-то у вас на уме. За такие деяния геенна огненная. И думать забудьте. А они, видно, боятся. Живут уединённо. Как так жить? Я бы умер со скуки или свихнулся бы.

Вторая гостья бала

Любовь его уж больше не поёт. Горло золотое, а идёт из него кровь. Чахотка прогрессирует.

Первая гостья бала

Бог наказал: не надо было соблазнять того, кто не ровня, отбирать у богатых невест жениха такого завидного. Из грязи в князи! Ах-ха, ах-хаха!

Первый гость бала

Да эту деву, как её не мой, клейма уж не отмоешь крепостной.

Действие седьмое

Граф Н.П. Шереметев с больной Прасковьей в своих покоях. Прасковья Ивановна пытается петь, не получает былого эффекта, плачет.

Граф Шереметев

Душа моя, не надо петь. Горлышко только надорвёшь своё. Прими вот лучше лекарство. Свет мой! Жизнь моя!

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Бросишь ты меня, Николай! Не развлечь, ни развеселить не могу, обузой тебе становлюсь. Знаю, за голос золотистый полюбил меня когда-то, а сейчас его нет.

Граф Шереметев

За душу чудесную, за добродетели твои, за скромность и набожность, за сочувствие к беде моей полюбил я тебя, и без голоса ты дорога мне, моя судьба, жемчужинка моя! Пройдёт болезнь, Сатана отступит, Бог нам поможет!

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Уже помог. Мой граф, я тяжела! Беременна. Венчались мы, но это тайный брак, для законов земных, государственных его как бы и нет вовсе. Ужели всё вот так и останется? И что тогда получит дочь иль сын, ребёнок твой? Ты знаешь, что незаконнорождённые дети не могут наследовать имущества. Мне вольная подписана тобой, но что без денег воля? О дорогих яствах и роскоши лишь миражи. Царь Павел умер, и на троне царь Александр другой. Быть может, он добрей, друг милый мой, не один раз с просьбой к такому лицу обратиться надо. «Толците и вам отвернется», – сказал Господь.

Граф Шереметев

Благодарю тебя, душа моя! Я напишу опять письмо царю. Я ухожу. Мой друг, пей лекарства, жди меня, не смей унывать.

Действие восьмое

Графиня Ковалёва-Жемчугова лежит на постели, вспоминает свои выступления в крепостном театре, сцену из спектакля «Браки Самнитян», за который она получила перстень от царицы Екатерины Второй. Вспоминая, засыпает.

Действие девятое

Граф Шереметев в своих покоях с Прасковьей Ивановной.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Николай! Свет очей моих! Что царь, он на письмо уж дал ответ? Иль нет всё вестей от Александра?

Граф Шереметев

Душа моя! Запасись терпением. Ответа нет, но не будем унывать. Дни нашей жизни должны быть счастливыми. Я решил, что твой образ, столь дорогой моему сердцу, надо увековечить для потомков и пригласил крепостного художника Ивана Петровича Аргунова. Ты будешь ему позировать в моём любимом красном платье. Хотя одежду можешь выбрать сама.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Николай! Может быть, позже закажем портрет? Сейчас я некрасива и, притом, я не стройна, с огромным животом.

Граф Шереметев

Душа моя, в животе этом и прелесть. В античном мире богинь часто изображали беременными. Именно беременная женщина считалась красивой, так как она несла в себе ценность продолжения рода. Твой вид с этим большим

животом мне очень приятен, так как я знаю, что в нём мой наследник, в нём мой сын. Я прозреваю милые черты, мой сын умён, талантлив, добр. Ты даже не сомневайся в себе! Ты моя Афродита! Ты графиня Шереметева! Ты символ того, что наш род не прерван! Жизнь идёт, идёт вперёд! И это достойно кисти талантливого художника! Большого семейного портрета. Не унывай, душа моя! Скоро родишь мне сына, будешь снова петь!

Действие десятое

Покои графа Шереметева. Прасковья Ивановна спит. Во сне она видит богатую даму.

Дама

Нравился мне Николай Петрович Шереметев. Казалось, и он отвечал взаимностью при встречах на балах. Помню, как вспыхивало краской его лицо, словно у девушки, при моих откровенных взглядах. Но не ответил граф на мои призывы и даже женился на другой. Как же так? Получается, что в лице его жены я обрела помеху. Жена не стена, подвинуть можно, если она надоест мужу. Но все говорят, что Прасковья эта сильно любима. Любима, но больна туберкулёзом. В хороших условиях и с туберкулёзом по десять лет живут. А мне нельзя ждать десять лет её смерти. Наша женская красота зачахнуть может. Впрочем, есть средства ускорить смерть. На балу проговорилась я. Пугали меня гневом господним и страшным судом. А есть ли Бог? Признаться, я не верю ни в Бога, ни в чёрта, а верю в силу науки. И есть у меня знакомый врач, доктор медицинских наук, который всегда нуждается в деньгах не потому, что беден, а потому, что алчен. Я попрошу его ускорить смерть соперницы и кроме денег пообещаю многое другое. Граф поплачет, полгода или год, а потом начнёт искать новую невесту. Тут мы встретимся с ним на балу. Я выражу сочувствие его горю. Кто в нём виноват? Один неизлечимый туберкулёз. Граф! Я так сочувствую вашему горю, но жену уже не воскресить. А надо жить дальше!

(Смётся смехом старой ведьмы. Прасковья Ивановна просыпается, кричит. У её постели появляется граф Шереметев с новым врачом. Преподносят ей микстуру)

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Нет! Уберите, унесите эти лекарства. Мне кажется, что они отравлены! Я не буду их пить!

Граф Шереметев

Микстуру выпей, милый друг ты мой.

(Прасковья Ивановна, закрыв глаза, пьёт)

Вот видишь, ты жива, всё хорошо.

Прасковья Ковалёва-Жемчугова

Где этот врач?

Граф Шереметев

Ушёл домой, моё сердце. Видишь, Прасковья, всё хорошо. Ты жива. Это страхи, тревоги, дурные сны. Я тоже порой боюсь и тревожусь. Но как жить, если не доверять людям? Право, людей хороших больше, чем плохих. Этого врача порекомендовали мне знакомые, он доктор медицинских наук. Продлил жизнь на долгие годы многим больным. Утром он придёт к тебе снова.

(Прасковья Ивановна заходится кашлем, показывает кровавый платок графу Шереметьеву, плачет)

Действие одиннадцатое

Утро следующего дня. Возле комнаты графини Прасковьи Ивановны Шереметевой.

Граф Шереметев

Ну, доктор, расскажите, как дела?

Врач

Мужайтесь, Николай Петрович! Судьба графини Прасковьи Ивановны отныне полностью в руках Божьих. Светла была её душа, и Бог призвал к себе этого лучезарного ангела навсегда. Простите, простите, граф. Мы врачи, рабы божьи. Я сделал всё, что было в моих силах. Но, видно, судьбы людей решаются на небесах.

Действие двенадцатое

Церковь. Отпевание. Все расходятся. Граф остаётся один с ребенком на руках. За сценой звучит песня Ковалёвой-Жемчуговой «Вечор поздно из лесочка».

Вечор поздно из лесочка,
Я коров домой гнала.
Вниз спустилась к ручеёчку,
Близ зелёного лужка.

Слышу, вижу – едет барин
С поля на буланой лошади,
Две собачки впереди,
Да два лакея позади.

Со мной барин поравнялся,
Бросил взгляд свой на меня,
Бросил взгляд свой на меня,
Да стал расспрашивать меня:

«Ты скажи, моя красотка,
Из которого села?»
Вашей милости крестьянка, –
Отвечала ему я.
Отвечала я ему,
Да, господину своему.

«Не тебя ль, моя красотка,
Не к тому ты рождена!
Ты со вечера – крестьянка,
Завтра – будешь госпожа».

Как в Успенском во соборе
В большой колокол звонят, –
Нашу бедную крестьянку
Венчать с барином хотят.

Действие тринадцатое

Аудитория университета. На доске написано: «Дисциплина “Сохранение культурного и природного наследия”. Тема “Парки России. Парк Ку스코во и его хозяева”. Портреты супругов Шереметьевых». Преподавательница заканчивает рассказ.

Преподавательница

Крепостная актриса Ковалёва-Жемчугова, а впоследствии графиня Шереметева, была безумна любима графом, который доказал свою любовь рядом благородных поступков. Похоронена Прасковья Ивановна в Александро-Невской лавре, на могильной плите эпитафия:

Храм добродетели душа её была,
Мир, благочестие и вера в ней жила,
В ней чистая любовь,
В ней дружба обитала...

Выполняя волю покойной, Николай Петрович Шереметев много занимался благотворительностью. Он материально помогал бедным невестам и ремесленникам, начал строить в Москве Странноприимный дом, помог в возведении многих храмов: Дмитриевского собора Спасо-Яковлевского монастыря в Ростове Великом, церкви Троицы при Странноприимном доме, церкви Знамения Богородицы в Новоспасском монастыре.

Занятие окончено. Благодарю за внимание.

Конец

ПОЭЗИЯ

Вячеслав СУВОРОВ

Редакция журнала «Великороссъ»
поздравляет Вячеслава Суворова
с 70-летием!

Вячеслав Михайлович Суворов – поэт, член Союза писателей России. По образованию инженер, много лет работал по специальности. Автор книг «Дар Творца», «Знак вечного благоденствия», «Московский день в Байконурском свете», «Байконурский старт», «Московский свет», «Юная муза». Творчество поэта по достоинству оценили и читатели, и литературная критика.

Живёт в Москве.

Космодрома стартующий стих

Несвоевременные мысли

«Во Вселенной мы – не одиноки!» –
Шепнул мне мой интуитивный мозг.
Но почему?
Ответил он мне как-то сразу.
Ответ был прост:
Материя вместе с Духом
обладает одним первородным
и неотделимым от неё свойством:
способностью к организации систем
и вне систем не существует!

Отсюда следует, что человеку разумному
следует лишь
думать о формах разумной материи,
а не ломать голову над вопросом:
одиноки ли мы?
одинок ли человек во Вселенной?
одиноки ли люди, как разумные существа
во Вселенной?
Но не о сущности
этого очень волнующего всех людей вопроса!

А как же космос?
Космос связывает в одно непрерывное целое
макромиры и микромиры,
обнаружить которые люди пока не в силах!

Но есть прямые их проявления:
 это и силы тяготения,
 это и свет,
 это и электромагнитные волны,
 это и вечная, и неделимая часть
 разумного мира квант...
 Это и Частица – Бозон Хиггса,
 это и различного рода необъяснимые
 излучения во Вселенной, характеризующие её
 как организм разумный!
 как тот многомерный организм, который
 связывает в одно целое материальные
 и Духовные Миры.
 И тем внешним проявлением этого – что
 даёт всему Миру – высокое разумение!
 и которое даёт людям наблюдать мир
 таким, какой он есть! То есть
 высоким, разумным, светлым!
 И связь между многомерием миров
 и макромирами обеспечивают микромиры,
 а также мысль, душа и слово.

Земля – как сад, блистающий цветением!
 Но цвет не вечен, нужно лишь понять:
 В какую бездну мы ворвались зрением!
 Какую силу надо нам принять!

Нам наша жизнь казалась уникальной!
 Пока пред ней не ставился вопрос:
 Зачем пришли мы – к отчуждению знаний!
 И ядерной могиле даже звёзд?

Обратный ход

Байконурским друзьям посвящаю

Пошла!.. «Энергия» с «Бураном».
 Казалось: «Янки позади».
 Но получилось как-то странно:
 Нам не нужны те корабли.

Но мы – запомнили мгновенье,
 Когда взревел весь космодром!
 Потом пришлось просить прощенье,
 Ведь было денег – много тонн.

Союз – распался. Тьма упадка
 Заполонила гарью дни.
 Зажили демократы – сладко,
 Все разделивши пироги.

А мы – остались за границей.
 Здесь Байконура – благодать.
 Но всё же жаль, что нас столица
 В залог отправила, как дань, –

Той обездоленности бранной,
 Когда не знаешь – кто чужой.
 А мы ведь были ратью славной,
 Не сдавшей силу – той порой.

Был голод. И – гортань чужого:
 – Открой ворота. При домой!
 А ехать – некуда по-новой.
 Нам стала Родина – чужой.

Пока столица жировала,
 На Байконуре был – тупик.
 Глазницы окон. Боль развала.
 И – развороченности лик.

Мы не смотрели телевизор,
 Он всё убийства приносил.
 То был нам мафиозный вызов.
 Но мы не выбились из сил.

Латали. Штопали. Чинили.
 И – запускали корабли.
 И «не могу», – не говорили.
 А на вершины стартов шли.

Стартующий стих

Покидая пески Байконура,
 Что огнисто и пепельно жгут,
 По-солдатски, легонько нахмурясь,
 Я кричу: «Космодрому, салют!»

Мы нес скоро увидимся снова,
 Но волнующий пот на висках,
 Я прочувствовал трудно, сурово.
 Будет память об этих трудах.

Пусть работа и жгла, и томила.
Но ведь пуски ракет возвестив,
В грудь впечатался ровно и живо
Космодрома стартующий стих!

